

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

научное издание

Выходит ежеквартально с октября 1994 года

Учредитель: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Шеф-редактор Ашимбаев М.С.,
директор КИСИ при Президенте РК

Редакционный совет:
Ашимбаев М.С.
Ертысбаев Е.К.
Косиченко А.Г.
Лаумулин М.Т.
Султанов Б.К.
Сыроежкин К.Л.
Умбеталиева Т.Б.
Шоманов А.Ж.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 480100, Алматы, проспект Достык 87-б,
Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04. Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kisi.kz

Ответственные за выпуск: Утешев Д.А., Досымов А.С.
Корректор: Шестакова Н.И.
Верстка: Бакбергенов К.С..

Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации Республики Казахстан 8 сентября 1997 г.
Регистрационное свидетельство №644.

При перепечатке, микрофильмировании и других формах копирования статей ссылка на журнал обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ТОО «Digital Print».
г. Алматы, ул. Карасай батыра, 191а.

© КАЗАХСТАН-СПЕКТР, 2003.

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

№3 (25), 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

<i>Тукумов Е.В.</i> Доктринальные основания в распространении религиозно-политического экстремизма	3
<i>Байзакова К.И.</i> Сотрудничество Республики Казахстан со структурами Европейской безопасности (<i>Окончание</i>)	10
<i>Абиесова Н.Ш.</i> Турция – Центральная Азия: вчера и сегодня	14

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

<i>Искакова Г.К.</i> Политика в области прав человека в постсоветских государствах ...	20
<i>Саханова А.Н.</i> Децентрализация и партисипативность в системе государственного управления	28
<i>Нугманова К.Ж.</i> Группы интересов как результат самоорганизации гражданского общества	34
<i>Зайниева Л.Ю.</i> Международная практика и некоторые аспекты реализации государственной молодежной политики Казахстана	41
<i>Алимова С.Б.</i> Аутсайдеры модернизации и стратегические приоритеты социальной политики государства	46

ЭКОНОМИКА

<i>Шадиев Р.Н.</i> Приоритеты инвестиционной политики в Казахстане	52
<i>Текенов У.А.</i> О системе взаимоотношений иностранных инвесторов, республиканских и местных органов управления в инвестиционной сфере регионов	57
<i>Нурумов А.А.</i> Микрообеспечение самодостаточности экономики	63
<i>Искаков Н.А.</i> Изменение парадигмы развития социальной сферы в рамках концепции устойчивого развития	67
<i>Туржанов С.А.</i> Формирование методики рейтинговой оценки регионов Казахстана по развитию малого предпринимательства	70

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

<i>Карина А.Т.</i> Аспекты оценки странового риска в зарубежных исследованиях	77
<i>Масатова Б.Б.</i> Вопросы теории и методологии изучения элит в политической теории	84
<i>Тастенов А.Ж.</i> Влияние самооценки личности политического лидера на его политику: исследования и теории	92
<i>Бектурганов К.</i> Роль социальной коммуникации в формировании общественного мнения	96
<i>Абдикерова Г.О.</i> Личность в качестве объекта и субъекта социологического познания	100

РЕЦЕНЗИИ

<i>Лаумулин М.Т.</i> Rashid A. Jihad. The Rise of Militant Islam in Central Asia	106
--	-----

SUMMARY	111
---------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	115
---------------------------	-----

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY	
<i>E. B. Tukumov.</i> Doctrine as Basis for Religious Extremism Spread	3
<i>K. I. Baizakova.</i> Cooperation of the Republic of Kazakhstan with the Structures of the European Security (<i>the end</i>)	10
<i>N. Sh. Abiesova.</i> Turkey and Central Asia: Yesterday and Today	14
INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES	
<i>G. K. Iskakova.</i> Human Rights Policy in Post-Soviet States	20
<i>A. N. Sakhanova.</i> Decentralization in a System of State Management	28
<i>K. G. Nugmanova.</i> Interest Groups as a Result of Civil Society Self-Organizing	34
<i>L. Yu. Zainieva.</i> International Practice and Some Aspects of Realizing the State Youth Policy in Kazakhstan	41
<i>S. B. Alimova.</i> Outsiders of Modernization and Strategic Priorities of a Social Policy of a State	46
ECONOMY	
<i>R. N. Shadiev.</i> Priorities of Investment Policy in Kazakhstan	52
<i>U. A. Tekenov.</i> About the Relationship System among Foreign Investors, the Republican and Local Administration in the Investment Sphere of the Region	57
<i>A. A. Nurumov.</i> Provision of Self-sufficiency of the Economy	63
<i>N. A. Iskakov.</i> Changing of Paradigm of Social Sphere Development in the Framework of Sustainable Development Concept	67
<i>S. A. Turzhanov.</i> Forming of Rating Methodology of Regions in Kazakhstan concerning Small Business Development	70
THEORETICAL WORKS	
<i>A. T. Karina.</i> Assessment of a Country Risk in Foreign Studies	77
<i>B. B. Masatova.</i> About the Theory and Methodology of the Elite Assessment in Political Theory	84
<i>A. Zh. Tastenov.</i> About the Impact of a Political Leader's Self-Assessment on his Policy: Studies and Theory	92
<i>K. Bekturganov.</i> The Role of Social Communication in the Public Opinion Formation	96
<i>G. O. Abdikerova.</i> Personality as an Object and Subject of Sociological Knowledge	100
REVIEWS	
<i>M. T. Laumulin.</i> Rashid A. Jihad. The Rise of Militant Islam in Central Asia	106
SUMMARY	111
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	115

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ
В РАСПРОСТРАНЕНИИ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Тукумов Е.В.

Исследователи в подходе изучения феномена религиозно-политического экстремизма, как правило, весьма выборочно и бессистемно обращаются к религиозным или доктринальным аспектам данного явления, сосредоточиваясь в своих работах над факторами социально-экономического, внутривнутриполитического, внешнего влияния и т.д. В случае же включения данного аспекта, эксперты часто выделяют его в качестве маргинального. Вместе с тем, на наш взгляд, исследование историко-доктринальных факторов позволяет нам не просто комплексно взглянуть на феномен религиозно-политического экстремизма, но и понять его т.н. «стартовые, исходные позиции». В данной статье мы попытаемся проследить взаимосвязь и обозначить общие параметры идеологического основания феномена религиозно-политического экстремизма на примере т.н. «исламского религиозно-политического экстремизма».

При изучении догматических аспектов распространения религиозно-политического экстремизма возникает ряд закономерных и одновременно спорных вопросов, таких, как: возможно ли в реальности рассматривать в качестве самостоятельного, отдельно выделенного фактора сугубо внутреннее, религиозное основание и каким образом экстремисты могут апеллировать к религиозным божественным первоисточникам (Корану, Библии и т.д.)? В связи с этим перед нами стоит достаточно сложная, деликатная и одновременно важная задача раскрытия и подробного освещения некоторых весьма дискуссионных вопросов, касающихся доктринальных аспектов распространения «исламского религиозно-политического экстремизма».

Прежде чем перейти непосредственно к дальнейшему изучению данной проблематики, следует сосредоточиться на таком важном и одновременно весьма неоднозначном и потому вызывающем нередко острые дискуссии вопросе, как правомерность ис-

пользования термина «исламский религиозно-политический экстремизм». В целом следует отметить, что само название и широкое практическое использование в научном, общественном обороте выражения «исламский экстремизм» вызывает самые серьезные дискуссии как среди экспертов, так и среди общественности. В этой связи, с одной стороны, когда в условиях роста исламофобии в глобальном масштабе, бездумного, безответственного связывания таких явлений, как экстремизм и терроризм, с исламом, с мусульманами, с рядом исламских стран, вполне понятна озабоченность и острая реакция со стороны многих мусульман на любое негативное использование ислама. В настоящее время практически повсеместно навязывается образ мусульманина как агрессивного и враждебного мировому сообществу субъекта. В этой связи очень верно замечание, что «западное общество переболело антисемитизмом, теперь оно заболело антиисламом» [1].

Однако также следует отметить, что сильная эмоциональная нагрузка на все события, происходящие вокруг ислама, мусульман, негативно влияет на исследование такой сложной проблематики, как религиозно-политический экстремизм, мешая трезво, без эмоций разобраться в этом вопросе. Существует и другая крайность, сторонники которой стремятся решить данную проблему, казалось, весьма простым и легким, но однозначно некорректным способом – путем отделения «настоящих» и «ненастоящих» мусульман. Следует заметить, что такая практика существует с момента основания ислама и никогда не играла позитивной роли в процессе объединения мусульман всего мира. В этой связи наиболее успешно, на наш взгляд, обосновал возможность применения в научном обороте термина «исламский экстремизм» дагестанский исследователь Курбанов Гарун. Он предлагает следующие основные критерии: «первый из них – употребление в самоназ-

вании субъекта экстремистских действий или воззрений тех понятий, которые имеют однозначные исламские коннотации. Речь идет о словах «ислам», «мусульмане», «исламский» и т.д. Второй – соотношенность характера деятельности данного субъекта с наследием исламской политической культуры, где самым заметным признаком является джихад. И третий – признание того или иного субъекта экстремизма в качестве выразителя интересов мусульман – либо как всей глобальной общности, либо как отдельных сообществ или групп» [2].

Таким образом, проставление четких знаков различия между словом «ислам» и прилагательным «исламский» позволит избежать терминологической путаницы и разграничить собственно религию от политической сферы. В этом случае, с одной стороны, мы тем самым категорически опровергнем применение к исламу ставших сегодня модными клише и стереотипов типа «религия насилия», «религия мракобесия» и т.д. В этой связи, прежде всего, необходимо, на наш взгляд, определить все, ставшие особо популярными в последнее время утверждения и описания ислама как наиболее агрессивной, воинствующей и, самое главное, оправдывающей насильственные действия религией как не просто некорректными, но и крайне опасными с точки зрения сохранения мировой межконфессиональной и межэтнической стабильности. Исходя из логики таких утверждений, можно прийти к выводу либо о низкой компетентности знаний об исламе, либо о предумышленности, направленной на достижение определенных деструктивных целей. Ислам, как и другие мировые религии, является, безусловно, религией мира, добра, терпимости и человеколюбия. Поэтому совершенно не случайно, что подавляющее количество мусульман всего мирового сообщества весьма негативно относятся к любым проявлениям насилия, в том числе и со стороны части исламских фундаменталистов, проповедующих крайние идеологические течения в исламе. Исторический опыт свидетельствует о том, что мусульмане на протяжении многих веков, с момента зарождения ислама в VII веке, мирно и гармонично сосуществовали с различными культурами и религиями мира, прежде всего с христианами и иудеями.

С другой стороны, мы попытаемся вникнуть в суть реально существующего вопро-

са религиозного основания распространения экстремистских идеологий. В этой связи нашей основной задачей является определение общего механизма, благодаря которому экстремистские религиозно-политические организации способны беспрепятственно и напрямую апеллировать к исламской религии. Данная попытка, естественно, не направлена на религиозное оправдание, освящение действий радикальных организаций, напротив, только точное, недвусмысленное, глубокое понимание эндогенных факторов ведет к значительному повышению эффективности решения задачи противодействия распространению религиозно-политического экстремизма в мировом сообществе. В рамках обозначенной задачи определения конкретного механизма религиозного обоснования экстремистской деятельности, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть в заданном формате эволюцию развития ислама, с целью выявления ее важнейших, ключевых исходных моментов появления феномена исламского религиозно-политического экстремизма. В этой связи можно утверждать, что фундаментальная основа, почва для появления крайностей в религии, проявления радикальных позиций в исламе была заложена в самом начале возникновения ислама.

Как известно, проблема сохранения единства религии является ключевой для любой религии, и ислам в этой связи не стал исключением. Однако, в отличие от других мировых религий – христианства, буддизма, в исламе отсутствует институт узаконения религиозных догматов. В исламе изначально исключалась сама возможность построения религиозного института с руководящим статусом и контролирующими функциями во всем исламском мире, над всей мусульманской общиной (умма). Вместе с тем такие религиозные институты, как, например, церковь в христианстве, объективно являются наиболее эффективными инструментами сохранения единства религии. В исламе же определенные функции таких институтов выполняет особая категория людей т.н. «риджаль ад-дин», или «люди религии» (муфтии, имамы, улемы, кади, факихи и т.д.), наделенные правом интерпретации Корана и Сунны Пророка. Данное обстоятельство, когда правом формирования общественного мнения по религиозным вопросам принадлежит не конституирован-

ной организации или главе государства, а частным лицам, авторитет которых основывается исключительно на их знаниях в области религиозных наук, естественным образом привело к появлению заметных, острых разногласий в богословско-правовых вопросах. При этом, как отмечают специалисты, «фактическому разномыслию способствовало в первую очередь то обстоятельство, что основные источники исламского вероучения – Коран и Сунна – не давали однозначного ответа на возникавшие вопросы теории и практики ислама. Стронники самых разных точек зрения черпали свои аргументы из Корана и Сунны, обвиняя оппонентов в искажении истинного смысла «откровения». В результате основополагающие идеи ислама, заложенные в Коране и хадисах и отличающие духовный мир ислама от других культурно-конфессиональных систем, объективно получали неоднозначное толкование и порождали многочисленные расхождения в отношении принципиальных положений вероучения права (единобожие, пророчество, вера, сущность и атрибуты Аллаха, имамат, эсхатология), не говоря уже о частных вопросах, а также об этике, ритуале и т.д.» [3].

Перевод главы о вере из «Китаб усул ад-дин фи-л-калам» ал-Багдади, представленный авторами хрестоматии по исламу, показывает, что, как на начальном этапе развития ислама, так и в последующем, именно проблема веры, а точнее правоверия и составляющих ее элементов, стала предметом острых дискуссий, независимо от принадлежности к той или иной богословской школе. В основу проблемы правоверия, вокруг которой разворачиваются основные теологические диспуты, входит «15 вопросов, таких, как: вопрос о сущности веры и неверия, вопрос о сущности повиновения и неповиновения, вопрос об увеличении и уменьшении веры, вопрос о допустимости в вере оговорки «если пожелает Аллах!» (ал-истисна'), вопрос о вере того, кто верил, подражая, вопрос о вере мальчиков и возрасте, когда вера обязательна, вопрос об умерших детях многобожников, вопрос о положении того, кто не достиг призыва ислама, вопрос о положении того, кто наделен своей верой, вопрос о деяниях, свидетельствующих о неверии, вопрос о религии пророков до пророчества, вопрос о том, чье повиновение истинно, а чье не истинно, вопрос о видах действий повиновения и

действий неповиновения, вопрос об условиях веры и ее предпосылках, вопрос об определении территории (ислама) и о различии между территорией неверия и территорией веры» [4]. Несмотря на предпринимаемые попытки на протяжении практически всей истории ислама со стороны различных богословов, проблему правоверия так и не удалось разрешить и она остается по-прежнему наиболее спорной и актуальной темой в исламской догматике.

В целом отсутствие в исламе внутренних общепринятых механизмов в обеспечении монолитности религии, с помощью которых можно было бы не просто обозначать критерии истинности веры, но и выступать в качестве инструмента легитимации этих критериев, с распространением на всю исламскую умму, привело к тому, что единой и общепризнанной богословской школы в исламе не сложилось. Более того, специфические обстоятельства развития ислама выступили факторами появления таких условий, в результате которых практически вся история этой религии стала нескончаемым периодом внутривероучительных расколов, вызванных политическими факторами (борьбой за власть), идеологическими (новыми интерпретациями Корана, Сунны Пророка). Естественно, что подобные явления характерны и для других конфессий, однако в исламе внутренние идеологические споры относительно вопроса правоверия приобрели максимально жесткий характер. За право монополизации выразителя истинности ислама, определения критериев правоверия соперничали разнообразные мусульманские направления, течения. «Идейные расхождения стали неотъемлемой чертой ислама. К середине II/VIII века в исламе существовало уже, по крайней мере, пять основных религиозно-политических направлений – сунниты, составляющие большинство мусульман, шииты, хариджиты, му'тазилиты и мурджииты. В свою очередь каждое из этих направлений подразделялось на множество общин школ, группировок. Острая идеологическая борьба между ними накладывала отпечаток на духовную жизнь мусульманского общества» [5]. Однако существовавшие религиозные разногласия оказывали свое влияние не только на духовную жизнь исламского общества, но и на политическую сторону. «Например, шииты, сторонники Али, утверждали: в Коране есть высказывания о том,

что он единственный законный преемник власти Муххамеда, а халифы Абу-Бакр, Умар (Омар), Усман являются поэтому узурпаторами» [6].

Таким образом, специфика развития ислама, заключающаяся, с одной стороны, в отсутствии института узаконения религиозных догматов, неоднозначности многих положений основных источников исламского вероучения – Корана и Сунны, а также их объективных ограниченных возможностей в поиске ответов, возникающих в процессе жизнедеятельности мусульманской общины вопросов различного характера, и одновременно сложных историко-политических условий появления и распространения ислама, детерминировала появление т.н. феномена «множественности» ислама, его распада на ряд направлений (шиизм, суннизм), течений (суфизм, мутазилизм), правовые школы (ханафитскую, ханбалитскую, маликитскую и шафитскую). При этом все идейные направления, течения, по мнению российской исследовательницы Л.Полонской, «учитывая влияние ислама как системообразующего принципа на различные области общественного сознания, можно разделить на два основных типа. Во-первых, течения традиционалистские, выступающие против любых новшеств, за сохранение нетронутой средневековой исламской религиозной системы. Во-вторых, течения реформаторского типа, допускающие изменения этой системы, новую трактовку догматов, касающихся политических, правовых, социальных проблем и регулирования хозяйственной жизни, и разработку новой модели развития, основанной на принципах ислама. Реформаторские течения, в свою очередь, выступают в двух формах: течения под лозунгами «возрождения фундаментальных принципов ислама» («фундаменталистские» или «возрожденческие») и течения, основанные на приспособлении ислама к современным условиям («модернистские»)» [7].

В контексте изучения проблематики нашего исследования, конкретный интерес для нас представляет возрожденческое или фундаменталистское течение в исламе, так как именно в его лоне возникли и получили дальнейшее распространение различные экстремистские религиозно-политические организации. Надо отметить, что, помимо, собственно, ставшей уже традиционной и повсеместно распространенной западной

интерпретации данного течения в исламе, к примеру «исламский фундаментализм», существует и арабская, шире исламская, версия трактовки этого явления – салафизм от выражения ас-салаф ас-салих (праведные предки). В обоих случаях сохраняется общее понимание данного течения в исламе – т.е. строгое, неукоснительное следование нормам Корана, Сунны Пророка Мухаммада, шариата и применение их во всех сферах жизнедеятельности мусульман – от личной жизни и семейно-бытовых отношений до политико-государственного устройства. Здесь важно добавить, что сама идея возврата к первоосновам, к периоду существования первоначального ислама не нова и, более того, данное явление, как указывает А.Игнатенко, «подвержено регулярным столетним циклам». В качестве доказательства он приводит хадис Пророка, гласящий: «В начале (Аля рас) каждого столетия Бог посылает того, кто обновляет этой (мусульманской) общине дело ее веры». Данный хадис, по мнению А.Игнатенко, «соплетается с другим хадисом, где также упоминаются столетние периоды, в конце каждого из которых мусульманская община будет подвергаться испытанию (митна) или смуте (фитна). Жизнь мусульманской общины-уммы на протяжении истории подчинена цикличности – следование истинной вере, постепенный отход от нее, кризис общины, появление восстановителя истинной веры, возрождение общины. Затем цикл повторяется» [8].

Употребляя термины «фундаменталистское» направление в исламе или «салафизм», необходимо с самого начала более точно сформулировать специфичность вкладываемого в них содержания, обозначить его критерии. В целом существует ряд принципиальных отличий, позволяющих отделить рассматриваемое течение от других течений в исламе. Среди исследователей-исламоведов наиболее четкое, на наш взгляд, определение основы салафизма или возрожденческого течения в исламе дал российский ученый Г.Милославский. По его мнению, «в основе возрожденческого течения лежит ряд ключевых положений, которые в самом общем виде могут быть сведены к следующему:

- строгое следование принципу единобожия;

- опора на Коран и Сунну, отвержение поздних комментаторов, за исключением

ханбалитских авторов; у подавляющей части возрожденцев новейшего времени «ханбалитские симпатии» отсутствуют;

- строгое осуждение бид'а, во всяком случае в теории; на практике – в основном «творческое», поскольку Коран и Сунна не позволяют точно определить весь возможный круг новаций;

- понимание общины – государства Муххамеда как идеальной модели организации исламского общества;

- непосредственная или завуалированная связь с суфизмом при осуждении культа святых и ритуальной практики некоторых тарика, а в более позднее время – неприятие значительной части элементов культовой практики вообще;

- негативное отношение к официальному духовенству как «посредникам между Аллахом и верующими (кроме шарифов – сейидов – ходжей)» [9].

Совершенно естественно, что и само салафитское направление в исламе не отличается монолитностью и в свою очередь делится, в контексте воплощения указанных выше теоретических положений в практическую плоскость, на экстремистов, или сторонников радикального подхода, и сторонников умеренного подхода. Тем самым, выступая с единых теоретических позиций, сохраняя единые стратегические цели – создание исламского государства периода жизни Пророка Мухаммада и четырех праведных халифов, салафиты, тем не менее, существенно различаются в практическом аспекте по методам достижения этих целей. При этом принципиальным различием между т.н. умеренными представителями данного направления ислама и радикальной ее частью является крайность последних в отстаивании своих позиций, готовность применения насилия в достижении своих целей. Общий смысл идеологии экстремистской части исламских фундаменталистов сводится к тому, что, в случае невозможности по тем или иным причинам мирного практического воплощения своих религиозно-политических целей, существует обязательная, предписанная Кораном и Сунной и таким образом «освященная» борьба со всеми противниками воплощения идеи построения исламского государства. Действия радикалов отличаются свойственной для экстремистов простотой мышления и укладываются в рамках дихотомии: «свой» – «чужой», при этом последний –

всегда враг. В этих рамках, согласно их концептуальному пониманию борьбы с «неверными», весь мир можно разделить на две части: Дар аль-ислам – территория, где господствуют законы шариата, или иначе Земля Ислама, и Дар аль-харб – территория, где эти законы пока не действуют, или иначе Земля Войны. Учитывая, что классическое состояние Дар аль-ислама, по мнению салафитов, существовало лишь в период жизни Пророка Мухаммада и четырех праведных халифов, то на весь остальной период истории исламского мира действует состояние Дар аль-харба, или иначе состояние постоянной и обязательной войны с «неверными». В связи с этим радикальные фундаменталисты весьма широко интерпретируют понятие «неверные». С их точки зрения, под «неверными» подразумеваются, с одной стороны, все немусульмане, то есть христиане, иудеи, буддисты и т.д., а с другой – все остальные мусульмане, не разделяющие идеи исламских экстремистов, а потому поддающиеся под концепцию такфира (провозглашение неверными мусульман). При этом «неверные» мусульмане, с точки зрения исламских экстремистов, гораздо хуже и опаснее любых других категорий «неверных». Как отмечает А.Игнатенко, «с позиций шариатского права существует принципиальная разница между тем, кто является неверным от рождения, и тем, кто был верующим, а потом стал неверным. Этот человек считается вероотступником (муртадд), и «его кровь разрешена» – его не только можно, но и нужно убить. Салафитская логика приводит к тому, что вероотступниками объявляют не только тех, кто непосредственно поддерживает «тирана», но и тех, кто не восстает против него, а это все мусульмане, кроме радикалов-салафитов» [10].

Использование такфира предполагает по шариату обязательность применения конкретных санкций, в подавляющем большинстве убийства неверных. В этой связи, с целью идейного обоснования применения насилия, исламские экстремисты апеллировали или напрямую к Корану и Сунне («А когда кончатся месяцы запретные, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте!..») или «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее...») [11], или же обосновывали свои на-

сильственные действия другими важными для них исламскими источниками (появившимися в течение многих веков разными идеологическими доктринами радикального толка – Ибн-Таймийи, Ибн-Кайима аль-Джавзийи, Абд-Ваххаба и пр.) [12]. При этом основная логика сводилась к тому, что совершаемые исламским экстремистом насильственные действия происходят в борьбе за «торжество истинного ислама» и на вполне законных религиозно-освященных основаниях. Как отмечает В.Бузова, «понятие “законного” и “незаконного” основано на теологической концепции деления власти на “небесную” (главную) и “земную” (второстепенную). Эта концепция ведет к обоснованию отказа от повиновения “земным” властям, давая санкцию на освобождение верующего от правовых обязанностей. Отказ этот обусловлен тем, что верующий принадлежит богу и бог для него высшее мерило ценностей» [13]. В русле этой логики борьба с «неверными» является богоугодным делом и несет оправдание любым, в том числе и насильственным, действиям исламских экстремистов.

Наиболее важным и распространенным идеологическим обоснованием применения насилия в религиозно-политической борьбе исламских радикальных фундаменталистов выступает концепция джихада, имеющая множество различных значений. В целом под термином «джихад» в мусульманской богословской литературе понимается борьба за веру, которая ведется в следующих основных направлениях:

- «джихад сердца» – борьба с собственными дурными наклонностями;
- «джихад языка» – «повеление достойного одобрения и запрещение достойного порицания»;
- «джихад руки» – принятие соответствующих мер наказания в отношении преступников и нарушителей норм нравственности;
- «джихад меча» – вооруженная борьба с неверными, павшему в которой уготовано вечное блаженство в раю [14].

Понятие о джихаде изначально основывалось на толкованиях Корана и диктовалось в раннем исламе способами взаимоотношений с представителями неисламских конфессий. В дальнейшем (и до сих пор) джихад всегда оставался предметом обсуждений на богословских и политических уровнях и получал, в зависимости от на-

правления ислама, разную интерпретацию с упором на те или иные выше обозначенные составляющие этой концепции. Так, к примеру, в ханафитском толковании этого термина, в котором основной джихад (или ал-джихад ул-кабир – великий джихад) должен быть направлен против собственных мирских привязанностей, то есть против низменных мирских потребностей и вожделений (ан-нафс), а милитаристское понятие джихада определялось термином «ал-джихад-с-сагир» (малый джихад), под которым в упомянутом мазхабе понимались военные действия, направленные на оборону мусульман. Все исламские правовые школы, за исключением ханбалитской, полагают, что основными направлениями в джихаде должны выступать именно насильственные методы, апеллируя к следующему аяту Корана: «Зови к Пути Господа с мудростью и хорошим увещанием и препирайся с ними тем, что лучше!» [15]. Применение насилия, джихад меча, оправдывается исламом лишь в крайних случаях.

В свою очередь исламские экстремисты концепцию джихада интерпретируют весьма узко, подразумевая под ним исключительно вооруженную борьбу с неверными, «кяфирами», как наиболее действенному и оправданному, по их мнению, способу. В частности, они апеллируют к такому высказыванию Пророка: «Если кто-нибудь из вас увидит нечто запрещенное шариатом, то пусть изменит его своей рукой, а если не сможет сделать это рукой, то пусть остановит грех своим языком, а если и так не сможет, то хотя бы своим сердцем, и это будет самым слабым проявлением веры» [16]. Широко интерпретируя данное высказывание Пророка Муххамеда, исламские радикалы приходят к выводу о приоритетности силовой составляющей джихада перед другими формами борьбы.

Подобные примеры, когда внутри одной религии существуют совершенно разные подходы в интерпретации одних и тех же положений, как, к примеру, с концепцией джихада, наглядно свидетельствуют о том, что в исламе можно обнаружить прямо противоположные явления, где, с одной стороны, одна часть мусульман делает выбор в пользу мирного и гармоничного сосуществования разных религий, народов, обращение к Богу (Аллаху) через борьбу с собственными низменными наклонностями. Другая же часть, выступая от имени исла-

ма, пытается решить объективно возникающие проблемы внутри религии, конфликтные ситуации в мусульманском сообществе через применение силы, оправдывая ее религиозными мотивами.

Обобщая проделанный анализ историко-доктринальных аспектов в механизме появления и распространения исламского религиозно-политического экстремизма, можно прийти к следующим ключевым выводам:

Во-первых, появление, эволюцию, современное распространение исламского религиозно-политического экстремизма нельзя рассматривать в отрыве от исторических условий развития ислама, доктринальной специфики этой религии. Экстремизм в исламе развивался с течением развития самой религии, объективным процессом ее дробления, распада на разные течения и направления и, соответственно, имеет глубинные исторические корни. Вместе с тем совершенно очевидно, что исламский экстремизм, хотя и невозможно рассматривать вне контекста этой религии, не происходит от Божественного Откровения (Корана и Сунны Пророка), а является прямым результатом их человеческой интерпретации. Таким образом, мы четко разграничиваем между самой религией и толкованием религии, т.е. Божественную правовую основу отличаем от человеческого нормотворчества в исламе, на основе Корана и Сунны (институт иджитхада).

Во-вторых, специфика развития ислама, выражающаяся в отсутствии в исламе института узаконения религиозных догматов, неоднозначности многих положений основных источников исламского вероучения – Корана и Сунны, а также их объективных ограниченных возможностей в поиске ответов на возникающие в процессе жизнедеятельности мусульманской общины вопросы различного характера, способствовала развитию двух совершенно неоднозначных тенденций. С одной стороны, как справедливо отмечает А.Игнатенко, «сложившаяся в этом виде система нормотворчества в исламе сделала религию исключительно динамичной, постоянно эволюционирующей, адаптирующейся к трансформирующемуся обществу и влияющей на его изменение» [17]. Динамизм, высокий адаптационный уровень ислама способствовали решению главной задачи в период становления: во-первых, вклю-

чение в ислам многих народов и территорий (Аравия, Иран, Мавераннахр, Индия и пр.), а также закрепление этой религии на данных территориях, посредством возможности участия народов, принявших ислам, в разработке исламской религиозной системы, адаптации ислама к собственным военно-политическим, экономическим, социальным и пр. условиям.

Одновременно специфика ислама детерминировала появление т.н. феномена «множественности» ислама, распада религии на ряд направлений, течений. Однако совершенно не правы те эксперты, которые полагают, что «разность» ислама, его деление на множество течений и направлений означает «перманентную и беспощадную» борьбу друг против друга. Как совершенно справедливо отмечает Г.Милославский, «почти вся история мусульманской мысли представляет собой перманентное возникновение идейных течений, рождавшихся в ходе столкновений по тем или иным проблемам. При этом ислам отнюдь не потерял своей общей мировоззренческой целостности и системной устойчивости» [18]. Вместе с тем, в результате этого процесса, закономерно появляется в исламе такое направление, как фундаментализм, или в арабской версии салафизм, в лоне которого и возникают различные экстремистские религиозно-политические течения, придерживающиеся крайних взглядов, методов в достижении главной цели – возврату к первоначальному, т.н. «чистому» исламу и построению исламского государства времен Пророка Мухаммеда и четырех праведных халифов.

В-третьих, появление идеологического обоснования исламского радикализма произошло в результате, на наш взгляд, определенного, целенаправленного селективного процесса положений Корана и Сунны. В рамках интерпретации Корана и Сунны Пророка исламские экстремисты прибегают к их весьма одностороннему восприятию, подгоняя положения Божественного откровения под разные политические, военные, экономические и пр. обстоятельства. К примеру, ваххабизм – как одно из наиболее радикальных течений в исламе возник в условиях борьбы за независимость арабских племен от Османской империи.

Вместе с тем совершенно очевидно, что отдельные фразы, выхваченные из Корана, вряд ли могут служить характеристи-

кой всего религиозного направления. Тем более что в Коране, наряду с изречениями, которые могут интерпретироваться как призывы к насилию, в обилии содержатся призывы к миру, терпению. Вот что, к примеру, говорится в Коране: «И если бы пожелал твой Господь, тогда уверовали все до одного, кто есть на Земле. Так неужели ты станешь принуждать людей к тому, чтобы они стали верующими?» [19].

Литература

1. Абашин С. Либеральный расизм. Независимая Газета. – 31.01.2003.
2. Курбанов Г. Дагестан: стратегия противодействия религиозному экстремизму // Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – №5(23). – С. 141–149 (С. 141).
3. Хрестоматия по исламу. – М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 238 с. (С. 6–7).
4. Там же. С. 112.
5. Там же. – С. 108.
6. Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. – М.: Политиздат, 1990. – 288 с. (С. 33).
7. Полонская Л. Современные мусульманские идейные течения в: «Ислам – проблемы идеологии, права, политики и экономики» – М.: Наука, 1985. – С. 6–25 (С. 8).
8. Игнатенко А. Радикализм в исламе // Россия и мусульманский мир. – 2000. – №11(101). – С. 115–127 (С. 121).
9. Милославский Г.В. Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран: Ислам и политика. – М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. – С. 70–85 (С. 73–74).
10. Игнатенко А. Исламский радикализм как побочный эффект «холодной войны» // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №1(13). – С. 114–131 (С. 119).
11. Коран. Пер. и коммент. Крачковского И.Ю., 2-е изд. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 727 с. (9:5, 47:4).
12. См. шире, например: Ибн-таймийя. Минхадж ас-Сунна ан-набавийя, в 9-ти томах. Эр-Рияд: Муххамад Рашад Салим, 1986.; Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими (ибн Абд аль-Ваххаб). Книга единобожия. – М.: Бадр, 1999.
13. Бузова Т.В. Феномен религиозного экстремизма. Дисс. канд. Пермь, 1989. – 153 с. (С. 59).
14. Добаев И. Исторические и доктринальные корни исламского радикализма, его современные проблемы и течения // Центральная Азия и Кавказ, 2001. – №2(14). – С. 136–148 (С. 141).
15. Коран. Пер. и коммент. Крачковского И.Ю., (16:126).
16. Сюкияйнен Л. Ислам против ислама // Россия и мусульманский мир. – 2002. – №11(125). – С. 93–107 (С. 103).
17. Игнатенко А. Радикализм в исламе. – С. 115–127 (С. 119).
18. Милославский Г.В. Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран. С. 72.
19. Коран. Пер. и коммент. Крачковского И.Ю., (10: 99).

СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН СО СТРУКТУРАМИ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Байзакова К.И.

(Окончание. Начало в № 2, 2003)

Казахстан рассматривает упрочение диалога с НАТО, прежде всего в области подготовки кадров, миротворчества, научно-технического сотрудничества, как свой вклад в укрепление безопасности на евразийском пространстве. В первую очередь – это военное сотрудничество, в том

числе подготовка миротворческих сил. Сотрудничество с НАТО, на наш взгляд, необходимо направлять на формирование нового типа Вооруженных Сил Казахстана. Поэтому такие направления сотрудничества, как оборонное строительство, в частности организация службы береговой охраны, функционирование вооруженных сил в условиях демократии, разработка

военной стратегии, и особенно обучение и подготовка военных кадров в военно-учебных заведениях НАТО, представляются весьма полезными для республики.

Одновременно целесообразно активизировать работу на двусторонней основе с ведущими членами НАТО и партнерами (США, Великобритания, Германия, Турция, Франция, Россия) для решения конкретных проблем военной реформы ВС РК, укрепления национальной безопасности Республики. Наиболее реальную помощь в становлении национальных вооруженных сил центральноазиатских государств оказывают пока три государства – участники НАТО: США, ФРГ и Турция. Эти государства с первых дней установления дипломатических отношений со странами региона предложили различные варианты и формы двустороннего военного сотрудничества, в результате чего с их стороны оказывается содействие в изучении иностранных языков, военном образовании и изучении принципов строительства современных вооруженных сил.

Стремление Казахстана к партнерству с НАТО обусловлено еще и тем, что правительство нашей страны убеждено в возможности открытия перспектив военно-политического, экономического и технического сотрудничества с Альянсом в области становления и развития их национальных армий. Считается, что такое партнерство будет способствовать созданию в стране вооруженных сил, соответствующих демократическим принципам, мировым стандартам и способных участвовать в миротворческих операциях под эгидой ООН. Кроме того, возлагаются надежды на то, что участие Казахстана в этой программе будет стимулировать развитие рыночных реформ и строительство правовых демократических государств.

Современные конфликты, независимо от их географии, чаще всего происходят на этнической основе. Поэтому в качестве основной проблемы выступает своевременное урегулирование конфликта. Для решения таких задач НАТО располагает достаточными предпосылками, обладая военной мощью, материально-техническим, людским и финансовым потенциалами. Достойны упоминания возможности НАТО по созданию банка данных соответствующей информации и службы мониторинга, необходимых при урегулировании конфликтов.

Все вышеперечисленное вызывает интерес у вновь образованных государств Центральной Азии к сотрудничеству с НАТО. За годы, истекшие после обнаружения программы «Партнерство во имя мира», военные и гражданские представители государств Центральноазиатского региона приняли участие в большинстве мероприятий, проведенных в рамках этой программы.

Со своей стороны Казахстан полагает, что «сотрудничество с НАТО в политической сфере может быть более широким по спектру решаемых задач. В этой связи, по мнению Вице-Министра МИД РК К.Абусеитова, возможно придать дополнительный импульс взаимодействию по таким направлениям, как оборонная политика и стратегия, планирование и организация исследований, разработка технологий оборонной сферы, политические и оборонные мероприятия по недопущению распространения ядерного, химического и биологического оружия» [12]. Потенциал СЕАП может быть использован для проведения консультаций и участия в процессе принятия решений теми партнерами ПИМ, кто принимает участие в миротворческих операциях под эгидой НАТО, а также в вопросах предотвращения и урегулирования кризисов.

В свою очередь Генеральный секретарь НАТО Дж.Робертсон в ходе официального визита в Казахстан в 2000 г. отметил, что НАТО придает огромное значение взаимоотношениям с нашей страной, поскольку Казахстан и Североатлантический Альянс объединяют общие интересы в борьбе с терроризмом, контрабандой, наркомафией, сотрудничество в области обороны, а также в вопросах планирования чрезвычайных ситуаций и катастроф [13].

В июне 2002 г. Казахстан первым из стран Центральной Азии присоединился к международной программе НАТО «Процесс планирования и анализа» (PARP), которая была разработана для оценки сил и средств, предоставляемых государствами-партнерами для многонациональных видов боевой подготовки и операций во взаимодействии с силами НАТО при проведении поисково-спасательных и гуманитарных операций. Процедура PARP рассчитана на шесть лет.

Расширение сотрудничества Казахстана с НАТО, использование огромного во-

енного и экономического потенциала, которым обладает эта организация и ее члены, в значительной степени будут содействовать укреплению национальной безопасности и обеспечению стабильности в геополитическом окружении Казахстана. Казахстан выступает за формирование дополнительных гарантий безопасности как на территории СНГ в целом, так и в Центральной Азии в частности. Не случайно именно Казахстан выдвинул инициативу по созданию новой структуры сотрудничества в Азии – созыва Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), которая занимает особое место в его системе внешнеполитических приоритетов.

События, последовавшие после террористического акта в США, позволили активизировать присутствие Америки в регионе. После заявления государств ШОС о готовности тесно координировать со всеми государствами и международными организациями меры противодействия терроризму, последовали переговоры США с центральноазиатскими государствами, результатом которых стало размещение американских войск в ЦА с согласия России.

Регион Центральной Азии в этом контексте играет одну из ключевых ролей. Мы находимся в эпицентре нестабильности, и развитие событий в регионе Центральной Азии в концентрированном виде отражает и будет отражать развитие ситуации на глобальном уровне.

С учетом роли региона в нынешней глобальной антитеррористической операции взаимоотношения НАТО с государствами Центральной Азии привлекают особое внимание международного сообщества. Первостепенной задачей в нестабильном мире становится противодействие вызовам безопасности, что в перспективе позволяет обеспечить пространство для решения актуальных задач в области экономики и прав человека.

Анализ и противодействие существующим вызовам и угрозам, включающим в себя терроризм, организованную преступность, неконтролируемую миграцию, торговлю наркотиками и распространение оружия массового поражения, становятся основным содержанием в диалоге Казахстана с НАТО и ОБСЕ в настоящем и в будущем. Нарастание присутствия этих организаций в регионе говорит о том, что Центральная Азия расценивается в каче-

стве буфера в противодействии угрозам и кризисам XXI века [14].

Участие центральноазиатских государств, в частности Казахстана, в СЕАП и «Партнерстве во имя мира» является «возможностью интегрироваться в глобальную систему безопасности, практически участвовать в международном военно-политическом сотрудничестве» [15].

Военное присутствие стран НАТО в Центральной Азии, возможно, будет долгосрочным. И в этих условиях обеспечение безопасности и стабильности в данном регионе могло бы стать еще одним направлением сотрудничества России и НАТО.

Сотрудничество государств Центральной Азии с НАТО в настоящее время не направлено на нанесение какого-либо ущерба коллективной безопасности в рамках СНГ, скорее оно способствует обеспечению евро-центральноазиатской безопасности в целом. При разработке и осуществлении оборонной политики руководство нашей республики исходит из того, что национальная безопасность Казахстана может быть обеспечена на основе сочетания собственных оборонительных средств с участием в системе коллективной безопасности и она должна выступать составной частью региональной и планетарной системы безопасности.

Говоря о формировании «архитектуры» безопасности в Центральной Азии, нельзя забывать о том, что наш регион в начале 90-х годов стал частью пространства ОБСЕ. Казахстан, как и остальные государства постсоветской Центральной Азии, является членом Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе не по географическому признаку, а в качестве правопреемников распавшегося СССР. Членство обязывает страны региона нести ответственность за укрепление и усиление данной организации, за ее дееспособность и мобильность в условиях постсоветской Центральной Азии, которые зачастую нестандартны и отличны по сравнению с европейскими. Наши страны совместно с ОБСЕ могут способствовать созданию евро-центральноазиатской системы безопасности.

Членство в ОБСЕ и подписи государств Центральной Азии под Хартией Европейской безопасности (1999 г.) накладывают на них определенные обязательства. Хартия направлена на обеспечение безопас-

ного развития всего пространства ОБСЕ, а Центральная Азия, граничащая с Европой, приобретает для нее и для организации все возрастающее значение.

В связи с признанием наличия дестабилизирующих факторов в регионе и долгим процессом урегулирования военно-политической обстановки вокруг Афганистана, ОБСЕ могла бы способствовать созданию в регионе Пакта стабильности для Центральной Азии. Подобный Пакт мог бы содействовать ОБСЕ в разработке новых инструментов, подходов и воздействовать в качестве не только рекомендательного органа, но и контролирующего органа за взятыми на себя обязательствами стран Центральной Азии – членом ОБСЕ. Пакт мог бы способствовать обмену информацией и опытом субрегиональными группами, мог бы также получать и хранить тексты договоренностей и соглашений между ними, оказывать эффективное воздействие на политические элиты стран региона в плане проведения демократизации и т.д.

Думается, что создание подобного Пакта будет вкладом в то «колоссальное развитие и диверсификацию деятельности ОБСЕ», – о чем говорит Хартия [16]. Создание Пакта могло бы быть осуществлено в рамках Центра по предотвращению конфликтов (оперативное реагирование РЕАКТ).

С целью поддержания мира и безопасности в Центральноазиатском регионе необходимо присутствие такой организации, как ОБСЕ.

Все это будет являться основой стабильности и процветания региона, и что очень важно, будет способствовать реализации идеи евро-центральноазиатской системы безопасности, в пользу которой можно привести следующие аргументы:

Во-первых, она закрепит регион Центральной Азии в поле европейского процесса безопасности и распространит на него общепризнанные в нем принципы нерушимости границ, территориальной целостности и т.д.

Во-вторых, центральноазиатские государства окажутся в более широком, чем

постсоветское, пространстве безопасности, что увеличит возможности ОБСЕ в случае необходимости осуществлять или контролировать в нем миротворческие операции.

В-третьих, установится разумный баланс взаимоотношений между ОБСЕ, НАТО, ЕС, ЗЕС и СНГ, которые в своей совокупности и под эгидой ООН могут стать столпами евро-центральноазиатской системы безопасности.

В-четвертых, создание евро-центральноазиатского пространства безопасности не противоречит усилиям Казахстана по созданию организационных основ Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Казахстанская инициатива по установлению взаимодействия и мер доверия в Азии родилась из опыта европейского процесса безопасности и имеет немало схожего также с опытом ОБСЕ.

И, наконец, на фоне ускоренного формирования подходов западных стран к Центральноазиатскому региону и возможности разработки планов НАТО по расширению деятельности в нашем регионе, евро-центральноазиатская система безопасности может стать приемлемой моделью этого сотрудничества.

Подходы Казахстана к складывающейся системе евроатлантической безопасности направлены, прежде всего, на наиболее полную реализацию имеющихся возможностей, предоставленных общей ситуацией нестабильности и неопределенности, и предотвращению угроз, свойственных этому периоду.

Таким образом, Казахстан с первых дней возрождения своей государственности привержен принципам укрепления международной безопасности и климата доверия, развития политического и экономического сотрудничества, выступая за создание эффективных и взаимоприемлемых систем безопасности, что проявилось в деятельности Казахстана в рамках СНГ, ОБСЕ, ЕС, НАТО, а также по созыву Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии и активному участию в работе ШОС.

Литература

12. Абусентов К. Некоторые аспекты сотрудничества Казахстана с международными организациями // Казахстан и мировое сообщество. – Алматы, 2000. – С. 44.
13. Дипломатический курьер. – 2000. – №3. – С. 95.

14. Бауэр Б. Борьба за влияние в Центральноазиатском регионе. Влияние Китая остается ограниченным // *Internationale Politik*. – 2002. – №2. – С. 19.
15. Хамзаева А. Новая стратегия НАТО. Последствия для Центральной Азии // *Казахстан и современный мир*. – 2002. – №1(2). – С. 85.
16. Декларация Стамбульского саммита // *Деловая неделя*. – 10 декабря 1999 года.

ТУРЦИЯ – ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Абиецова Н.Ш.

Сложившаяся обстановка в мире с распадом СССР в конце прошлого столетия подтолкнула Турецкую Республику, как и многие другие страны, сделать шаг к переориентации своего внешнеполитического курса в сторону Центральноазиатского региона. С развалом прежней системы вполне закономерным выглядело усиление турецкой политической, экономической и военной активности, стремящейся с максимальной эффективностью использовать неожиданно открывшийся для нее исторический шанс повлиять на Черноморско-Каспийский регион и взять реванш за прежние неудачи в борьбе с Россией. Смелости придавало и то обстоятельство, что за ее спиной стояли США и другие государства Запада, заинтересованные в переделе сфер влияния в соответствии со стратегией «нового мирового порядка».

Как близкое тюркоязычное государство, связанное культурными и историческими узами, Турция попыталась развернуть модель «тюркского мира», включая в нее и страны Центральной Азии. Она усилила свое стремление установить контакт с единовержцами, оживить историко-культурные связи как естественный процесс или, как сказал Президент Республики Казахстан Н.Назарбаев, «естественная тяга мусульманских народов, объединенных общей историей, языком, культурой, традицией».

Целью Турции по отношению к странам этого региона было постепенное втягивание их в ареал экономических интересов Анкары посредством подключения к региональным объединениям и создания новых экономических группировок с последующим политическим сближением.

К тому же центральноазиатские страны, обладающие крупными запасами полезных ископаемых, столкнулись с проблемой транспортировки энергоносителей на мировые рынки. Маршруты транспортировки энергосырья стали зависеть преиму-

щественно не от технических возможностей, а от межгосударственных отношений целой группы транзитных стран и мировых держав. Вместе с другими государствами Турция, также используя свои транзитные возможности, пытается получить не только доходы от платы за транспортировку, но все шире увязывает это со своими геополитическими и геоэкономическими целями [1]. В частности, Анкара рассчитывает на транспортировку нефти из Азербайджана и Казахстана, природного газа – из Туркменистана по трубопроводам, положенным через ее территорию, что сулит ей большие экономические выгоды.

Эти цели и другие приоритеты были основой для активного стремления Турции поддерживать дипломатическую деятельность в этом направлении. К началу 1992 года Турция одна из первых стран мира открывает посольства во всех центральноазиатских государствах. В январе 1992 года в структуре Министерства иностранных дел Турции было сформировано даже специальное ведомство – Агентство тюркского сотрудничества и развития, в задачу которого входила работа по организации различных контактов с постсоветскими республиками. Агентство, которому поручалось наладить связи и координировать проекты на базе помощи с турецкой стороны, а также развивать эти проекты и программы в таких секторах, как сельское хозяйство, малый и средний бизнес, энергетика, туризм, гражданская авиация и страхование.

По мнению многих экспертов, интерес Турции к центральноазиатским государствам также мотивирован возобновлением идеи пантюркизма, основной целью которого выступает политическое объединение всех тюркоязычных народов под эгидой Турции. Хотя сейчас в Турции и имеются сторонники пантюркизма, большая часть интеллигенции правящей элиты относится

к нему настороженно и стремится создать преграды на пути его возрождения. Доктрина пантюркизма как идеология не имеет реальных шансов официально внедриться в страны Центральной Азии, так как народам этого региона в целом не присуще чувство тюркской общности, тем более что центральноазиатские государства не высказывают огромного желания поддержать идею появления какой-либо надгосударственной идеологии, отдавая предпочтение экономическим и политическим интересам. К сотрудничеству с Турцией привлекает ее особая роль в региональных и международных делах, чему благоприятствует особое геополитическое положение Турции.

Следует отметить, что для стран Центральной Азии в первые годы независимости более предпочтительным оказался турецкий вариант, где превалирует секуляристский, светский путь развития с элементами демократической политической системы и рыночной экономикой. В ответ Турция сразу же активизировала свои внешние действия по отношению к данному региону: расширение экономических, культурных и гуманитарных связей, выделение инвестиций, обмен студентами и т.д.

Между странами Центральной Азии и Турцией были заключены более пятисот соглашений и договоров в различных направлениях жизнедеятельности, запущены многочисленные проекты, открылись совместные компании. Взаимные визиты на высшем уровне способствовали дополнительному импульсу для дальнейшей консолидации отношений между ними.

Турецкий бизнес прочно зарекомендовал себя на центральноазиатском рынке строительных услуг, телекоммуникации и в торгово-финансовой сфере. Будучи страной, достигшей успехов в использовании западных технологий, Турция ставит задачу оказывать новым тюркским государствам экономическую и техническую помощь, включая обучение в Турции студентов, подготовку гражданских, военных и управленческих кадров. Турция не будет ограничиваться только экономическими связями, а, возможно, распространит их на политическую, военную, социальную и культурную области.

Кроме того, Турция прилагает все свои усилия по сплочению центральноазиатских государств вокруг идеи экономического сотрудничества в регионе. Уже на-

метились определенные тенденции к созданию организации, объединяющей тюркоязычные государства Центральной Азии.

Одной из таких структур, где участвуют Турция и страны Центральной Азии, считается Организация экономического союза (ОЭС), которая в перспективе может стать авторитетной региональной экономической организацией, объединяющей потенциал стран Центральной Азии и Среднего Востока.

В числе факторов, благоприятствующих развитию стран Центральной Азии как членов ОЭС, являются следующие: поиски новых рынков сбыта членами ОЭС, расширение торгово-экономических связей между государствами Центральной Азии и Ближним и Средним Востоком, реализация интересов, основанных на религиозной, этнической и культурной общности. Вхождение центральноазиатских государств в ОЭС открывает перед ними новые перспективы: они обретают возможность получить экономическую помощь, в том числе и для развития новых технологий. Расширяются и их торговые отношения с государствами Ближнего и Среднего Востока.

Однако следует отметить, что, хотя ОЭС и открывает для центральноазиатских государств возможности для вхождения в региональную систему, этому препятствует целый ряд обстоятельств. В их числе – экономические трудности, испытываемые как Центральной Азией, так и Ближним и Средним Востоком, а также политические разногласия. Как показывает опыт сотрудничества государств Центральной Азии и Ближнего и Среднего Востока в рамках ОЭС, эта организация стала скорее заявкой на объединение двух групп государств, а не реальным инструментом экономического сотрудничества.

В рамках ОЭС Турция весьма активно старается воздействовать на своих новых партнеров, но все же основная политика ведется по линии двусторонних отношений. Турция расширяет торговлю и капиталовложения в новые независимые государства. Однако ее вклад не идет ни в какое сравнение с теми объемами экономической помощи, которые центральноазиатские государства получают от США, Англии и Германии, отдающих предпочтение прямым капиталовложениям.

Поэтому пока еще с весьма скромными результатами остается участие цент-

раальноазиатских государств в ОЭС. Главными направлениями ее деятельности остаются торгово-экономические отношения, вопросы транспорта и коммуникаций. При этом такие участники, как Турция, Иран, Пакистан, сами не обладают значительным экономическим потенциалом, не располагают капиталами для вложения в серьезные проекты, не играют столь уж самостоятельной роли в регионе и выступают на международной арене в основном в качестве посредников, используя свое географическое положение с тем, чтобы коммуникации из Центральной Азии и Закавказья пролегли через их территории.

Кроме ОЭС, Турция и Центральная Азия поддержали идею о сотрудничестве в области культуры, образования, науки и совместных исторических исследований между их народами, имеющими общее историческое и культурное наследие. Для реализации этой идеи в 1993 году в Алматы был создан Совет по культуре и искусству тюркских народов (ТЮРКСОЙ), целью которого является развитие, преподавание, распространение и популяризация общей культуры и искусства [2].

Данная организация по своим функциям и осуществляемой деятельности имеет общие признаки с ЮНЕСКО.

В рамках ТЮРКСОЙ проводятся значимые культурные мероприятия и празднуются исторические и памятные даты, связанные с тюркской цивилизацией. Свидетельством тому является широкое празднование в Бишкеке 1000-летия кыргызского эпоса «Манас», в Ташкенте – 660-летнего юбилея Амира Тимура, в Алматы – 150-летнего юбилея Абая и др.

Однако не все региональные инициативы Турции так успешны, как покажется на первый взгляд. Богатейшие энергетические ресурсы Центральной Азии волнуют Турцию намного больше, чем «зарабатывание» плюсов в вопросе сотрудничества с государствами Центральной Азии в рамках международных организаций. Тем более что район Каспия – самый основной источник сращивания интересов многих мировых держав в Центральноазиатском регионе. Анкара проявляет особый интерес к сфере нефте- и газоразработки, с чем связана разыгравшаяся в регионе вторая «большая игра».

Энергетические интересы Турции в Центральноазиатском регионе направле-

ны, прежде всего, в нефтеносный регион Каспийского моря и газовые проекты Туркменистана. Лишившись иракской нефти, турецкая экономика испытывает острую нехватку в энергосырье. Несмотря на свою заинтересованность в отмене санкций против Ирака, Турция не может не считаться с большинством союзников, особенно с США. В связи с этим Турция чрезвычайно выгоден проект прокладки нефтепровода из Каспийского региона, к тому же не загружен имеющийся нефтепровод на юге Турции.

Проблема нефтепроводов порождает острое соперничество в регионе. Вокруг добычи нефти и ее транспортировки ведется сложная политическая игра, которая, как предсказывают аналитики, в ближайшее время будет оказывать решающее воздействие на ситуацию в регионе. США с самого начала поддержали вариант транзита нефти через Турцию, а, по заявлениям аналитиков, Вашингтон является инициатором проекта «Баку – Джейхан». Однако интересы Турции остро пересеклись с российскими [3].

В своем стремлении ограничить возможности России по экспорту нефти через Новороссийск и далее танкерами через Черноморские проливы, Турция пошла на беспрецедентный шаг, в одностороннем порядке изменив статус этих проливов, зафиксированный Конвенцией в Монте-Невено. Введенный Турцией с 1 июля 1994 года под предлогом защиты окружающей среды новый регламент судоходства в проливной зоне позволяет турецким властям задерживать проход крупных торговых судов, танкеров, военных кораблей на срок до нескольких суток, подвергать их контролю и досмотру, и даже отказывать в следовании через проливы. Бывший министр иностранных дел Турции Н. Четин заявил, что Турция не допустит прохождения танкеров через проливы и российская нефть должна идти только по нефтепроводу через турецкую территорию. Для Турции замыкание каспийско-черноморского нефтяного транзита на свои коммуникации означает автоматическое обретение статуса региональной сверхдержавы, способной оказывать существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику стран – экспортеров нефти, а также стран через территорию которых проходят транзитные нефтепроводы, например Грузию.

От строительства еще одного запланированного трубопровода через Турцию Россия ожидает не только финансовых потерь для своего бюджета, но и ускорение отдаления ряда стран бывшего Союза от Москвы в направлении Анкары, а значит и США. Российское правительство опасается вытеснения из данного региона и связанного с ним нефтегазового бизнеса, а также из «традиционной» сферы влияния.

Что касается самого проекта «Баку – Джейхан», то этот маршрут коммерчески непривлекателен для инвесторов без масштабированных государственных субсидий и гарантий. Сомнения в непривлекательности данного проекта были высказаны с самого начала объявления о перспективах маршрута. Минусы заключаются, во-первых, в дороговизне. Протянуть трубопровод через Каспий или доставлять нефть до Баку танкерами – это стоит дорого. При таких расстояниях могут выручить только большие объемы поставок. А их существование – и это второй минус – до сих пор под вопросом [4].

Есть и положительные стороны. Самый большой экономический плюс в том, что порт Джейхан в Турции – первоклассный морской глубоководный порт. К нему могут подходить супертанкеры большой вместимости. Второй плюс в том, что в случае с Джейханом не будет сложностей выхода судов. Это важно, поскольку Босфорский пролив перегружен. Любые дополнительные суда, тем более такие большие и потенциально опасные, как нефтяные танкеры, создадут там большую напряженность.

Тем не менее сейчас начался процесс строительства трубопровода Баку – Джейхан и в ближайшее время будет задействован как альтернативный существующим на этой территории транзитный путь переноса углеводородов на Запад, как не противилась этому Россия.

В целом вопрос каспийской нефти остается проблемным и спорным не только для стран Центральной Азии, но и ряда стран, которые намерены получить экономические выгоды от нефти и газа Каспия.

Так или иначе, теоретически регион Каспия потенциально может стать одной из основных зон мировой нестабильности, источником различных конфликтов и столкновений интересов различного уровня: от локальных до глобальных.

Дело в том, что любой из предлагаемых маршрутов трубопроводов на своем протяжении обязательно проходит через спорные территории. Региональные конфликты, политическая нестабильность и отсутствие регионального сотрудничества задерживают освоение каспийского шельфа и угрожают отбросить этот регион назад, к временам советского правления. Большинство стран-инвесторов опасается, что соперничество из-за стремления контролировать освоение этих громадных ресурсов может превратить регион в «зону нестабильности и кризиса». По признанию Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева: «Центральная Азия – один из потенциальных конфликтогенных регионов... Конфликты в перспективе могут проявиться и внутри региона, и вокруг него, в том числе из-за территорий, водных и богатейших природных ресурсов» [5].

* * *

Сегодня, имея десятилетнюю новейшую историю турецко-центральноазиатских отношений, можно с уверенностью отметить, что межгосударственные связи между ними имеют долгосрочную перспективу почти во всех сферах жизнедеятельности этих стран, включая такие основные области, как политические, торгово-экономические, культурные и военные.

Установление дипломатических отношений между государствами Центральной Азии и Турцией, развитие сотрудничества в различных сферах жизнедеятельности позволяют говорить о том, что сделаны большие усилия, чтобы построить отношения на основе долговременного и стабильного сотрудничества.

Перспективы межгосударственных социально-политических взаимоотношений между Турцией и странами ЦА представляются собой огромный и сложный комплекс различных сфер деятельности, включая политические, экономические, военнотехнические контакты. Все эти отношения базируются, прежде всего, на качестве и характере, принципах внешнеполитической деятельности этих государств, которые, безусловно, должны строиться на миролюбивой основе и равном партнерстве.

Естественно, что в межгосударственном сотрудничестве стороны придают большое значение перспективным направ-

лениям взаимовыгодного сотрудничества. При каждой встрече на высшем уровне обсуждаются вопросы дальнейших стратегических проектов, тем самым создавая необходимые условия для расширения своих целей с учетом интересов каждого. Исключительно мирное сотрудничество, взаимовыгодные контакты способны сохранить, укрепить и обеспечить прогрессивное мирное совместное партнерство. В этом и заключается главный смысл всех взаимосвязей и их перспективность.

Как и любой естественный процесс, отношения между Турцией и государствами Центральной Азии имеют тенденции в сторону активизации взаимоотношений и, наоборот, снижения темпов на пути к достижению поставленных задач.

Несмотря на колоссальные усилия по обеспечению своего регионального влияния, начиная с середины 90-х годов, активность Турции в Центральной Азии стала заметно ослабевать. Одной из главных причин этого, по всей видимости, можно считать осознание турецкими политическими элитами абсурдности попыток достижения центральноазиатского политического лидерства при заметной географической изолированности Турции от Центральноазиатского региона. Тем не менее Турция сохраняет немалый объем своего присутствия в регионе, выступая проводником атлантического влияния в центре континента.

Однако важно заметить тот факт, что, после весенней войны в 2003 году в Ираке, сомнительным кажется дальнейшее союзничество Турции с Америкой по старым правилам. Дело в том, что отношения между Анкарой и США до и после 11 сентября 2001 года характеризовались как союзнические, тем более что Турция – это единственная мусульманская страна – член НАТО и представительница американских интересов в регионе. Эти отношения носили бы стабильный характер, если бы Турция не пыталась демонстративно на глазах мирового сообщества выгодно «продать» США использование турецких военных баз в ходе войны в Ираке. При этом Анкара была настроена не только на обеспечение американской многомиллиардной финансовой помощью, но и на поддержку в политико-территориальных претензиях к Ираку, в северных районах которого по-прежнему дислоцируются вооруженные курд-

ские формирования, являющиеся очагом нестабильности турецкой государственности. Вместе с тем анализ последних внутривнутриполитических событий в Турции определяет также другую причину в беспрецедентном отказе США в антииракской коалиции, которая связана с приходом к власти нового правительства во главе с премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом – лидером «Партии справедливости», основанной на исламском толке. В заявлениях активистов «Партии справедливости» не раз высказывалось о нежелании следовать в русле американской стратегии в регионе, «определяющей» роль Турции для ее достижения.

Существует также основание полагать о потере или, по крайней мере, занижении статуса Анкары в контексте стратегического партнерства США. Сегодня, имея прямой доступ как в Ирак, так и в другие страны Персидского залива, Вашингтон без посредничества Турции, но при участии других стран мира способен по собственному плану обеспечить реализацию проекта восстановления Ирака.

Спорным пока остается вопрос о дальнейшем партнерстве США и Турции не только на Ближнем Востоке, но и в регионе Центральной Азии. Международные политические обозреватели заявляют, что «Турции следовало бы пересмотреть свои отношения с союзником, поскольку известно, что США придерживаются принципа “кто не с нами...”».

С учетом вышесказанного возникает вопрос о том – куда и как будет направлен вектор влияния Турции в Центральноазиатском регионе как проводника проамериканской политики.

Турция, прежде всего, приложит все усилия, чтобы сохранить достигнутые позиции в регионе. Однако есть веская причина спада турецкой активности в регионе, которая связана с экономическим кризисом в самой стране и невозможностью «обуздать аппетиты» своих братьев. Центральноазиатские государства нуждаются в больших инвестициях, а Турция в настоящее время не в состоянии оказать такую помощь, что в результате приведет к постепенной потере своей роли в процессах развития государств Центральной Азии.

Как бы то ни было, пока ясно одно – региональная политика Турции приобретает явно пассивный характер, что, навер-

ное, объясняется отсутствием согласованной концепции действий Анкары в Центральной Азии.

Однако нужно учесть то обстоятельство, что какими бы ни были межгосударственные отношения между Турецкой Республикой и пятью странами Центральной Азии сегодня, турецкое присутствие на данной территории имеет огромное значение для молодых государств этого региона хотя бы потому, что у них нет доступа к открытому океану, что приводит к зависимости от других государств. Турция – это та страна, которая имеет выгодное геополитическое положение и через территорию которой проходят основные пути выхода на мировые рынки, что является важным фактором стабильности отношений с центральноазиатскими государствами.

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на отсутствие каких-либо разногласий и серьезных проблем во взаимоотношениях между странами, на совпадении взглядов по ряду вопросов, Турция пока не смогла завоевать «сердца» центральноазиатских государств, к чему она долго и упорно стремится, хотя по активности в установлении и развитии связей она занимает одно из ведущих мест среди партнеров центральноазиатских стран.

Она и сегодня принимает активное участие во многих экономических проектах, развивает торговлю с государствами региона и является важным звеном транскавказского транспортного коридора, через который планируется экспорт сырья из Центральной Азии в Европу. Однако уже очевидно, что Центральная Азия, как это предполагалось раньше, не окажется целиком в сфере влияния Турции [6].

Роль Турции в качестве региональной сверхдержавы несколько превышена в силу того, что ей не благоприятствуют ни ее экономическое состояние с быстрыми

темпами инфляции и большим внешним долгом, ни неразрешенный курдский вопрос. Еще одной причиной является иное мнение стран Центральной Азии, которые не придают большого значения политическому объединению всех тюркских народов под эгидой Турции, иначе – тюркскому единению.

К настоящему времени значительное присутствие Турции в регионе объясняется скорее экономическими, нежели политическими факторами.

Вчера Турция занимала одну из ведущих позиций в Центральноазиатском регионе, стремилась к лидерству среди претендующих на «лакомый пирог», ставила перед собой геополитические и геоэкономические планы. Сегодня вырисовывается картина, где ясно видно, что Анкара все же не определилась со своими приоритетами в Центральной Азии и ведет «инерционную» политику в регионе, императивом которой являются «родственные отношения народов» и «культурная близость». Однако и в данной сфере у Анкары есть мощный противник в лице исламского Ирана, который также намерен расширить свои «геополитические границы», все активнее внедряясь в Прикаспийский регион.

В целом необходимо отметить, что уровень влияния Турции в регионе будет во многом зависеть от стремления Анкары реально помочь укреплению политической и экономической систем стран Центральной Азии, их международному имиджу, противодействовать выходу на турецкую авансцену имеющихся в обществе исламско-радикальных настроений. В свою очередь решение этих проблем будет способствовать налаживанию взаимоотношений с США и Европейским Союзом и приданию им нового импульса, подтверждению мировым сообществом международного статуса Турции на пересечении Европы и Азии.

Литература

1. Кожантаева У. Центральная Азия: интеграция и ностальгия // Деловая неделя. – 29.10.2002.
2. Казахстан – Турция: пять лет дружбы и сотрудничества. – Анкара, 1996. – С. 446.
3. Решкин А. Каспий: регион остается в зоне внимания // Энергия Казахстана. – 2001. – №1(11). – С. 32.
4. Касымов С. Большие проблемы большой нефти. Нефтяная стратегия Казахстана в XXI веке // Энергия Казахстана. – 2001. – №1(11). – С. 22-29.
5. Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. – Алматы: Онер, 1996. – С. 198-205.
6. Эсенов М. Центральная Азия на пороге XXI века. Доклад на семинаре Стокгольмского института международных отношений // www. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ. Общественно политический журнал.htm.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Искакова Г.К.

Обеспечение прав человека – это комплекс преобразований, призванных создать человеку достойные условия для жизни, гарантировать свободу, социальную защищенность, активное участие в политическом процессе. Концептуальной основой политики постсоветских государств в области прав человека являются принципы, признанные международным сообществом и отраженные в основных международно-правовых актах по правам человека. Так, в Конституции Грузии международным принципам и нормам о правах человека придан высокий статус: «Грузия признает и соблюдает общепризнанные права и свободы человека как непреходящие и высшие человеческие ценности. При осуществлении власти народ и государство ограничены этими правами и свободами как непосредственно действующим правом» (ст. 7). В конституциях России, Украины, Грузии, Казахстана, Кыргызстана и др. четко прослеживается ряд принципиальных различий, касающихся конституционных прав и свобод, по сравнению с положениями, закрепленными в советских конституциях.

Во-первых, концептуально по-иному определена роль института прав и свобод человека и гражданина: большинство стран постсоветского пространства отказалось от абсолютного приоритета прав и интересов государства по отношению к правам и интересам личности.

Во-вторых, права и свободы получили новое теоретико-правовое обоснование: отвергается их трактовка как исключительно дарованных государством, права и свободы человека признаются неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения.

В-третьих, конституции содержат иную систему прав и свобод, отвечающую сложившимся общепринятым международным стандартам, на первое место выдвинуты гражданские права и свободы.

В-четвертых, существенно расширена связь национального законодательства о

правах и свободах с международным правом: общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры объявлены в большинстве конституций составной частью правовой системы.

В-пятых, конституции формулируют конституционно-правовые принципы реализации прав и свобод, в том числе: не должны издаваться законы, отменяющие или ущемляющие установленные права и свободы; последние могут быть ограничены только законом; нормативные акты, затрагивающие права, свободы и обязанности гражданина, подлежат обязательно опубликованию; осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободу других лиц.

В-шестых, современное конституционное регулирование прав и свобод ряда постсоветских государств отличается широкими возможностями – оно может использовать различные средства защиты: судебные органы, институт парламентского уполномоченного по правам человека; право обращения в международные органы, право обжалования не только действий и актов, но и бездействия со стороны государственных служащих, институт адвокатуры и др.

Конституции России, Кыргызстана, Армении, Украины и др. четко определяют пределы ограничений в интересах общественного блага, запрещая ограничивать и вовсе ряд прав и свобод. Конституционное закрепление прав и свобод личности – только первый этап реализации в жизнь новых взаимоотношений личности и государства. Для оценки реальности обеспечения прав человека важна конституционно-правовая практика.

Известно, что государственная политика в области прав человека должна опираться на прочный фундамент законов. Принимаемые государством законы должны быть непротиворечивыми, не иметь пробелов и предусматривать механизм их ре-

ализации. Несоответствие этим критериям, с одной стороны, позволяет органам власти принимать решения, опираясь на тот юридический акт, который в большей мере отвечает их ведомственным, корпоративным или иным интересам, а также восполнять пробел закона собственным усмотрением, а с другой стороны, лишает гражданина реальной возможности отстаивать свои права и интересы. Во многих постсоветских государствах разработаны документы, определяющие основные принципы и содержание государственной политики в области прав человека. Например, Российская Декларация прав и свобод человека и гражданина (ноябрь 1991 г.) базируется на признании естественных и неотъемлемых прав человека, равенства всех перед законом и судом; закрепляет необходимость последовательной гуманизации общественных отношений и утверждение человеческого измерения как главного критерия конституционности государственной деятельности [1]. Вместе с тем в разработанных нормативно-правовых актах, концепциях и программах отражилось наблюдаемое в политике постсоветских государств противоборство насилия и права. В Российской внешнеполитической концепции (2000 г.) выше прав человека ставится испытанный принцип государственного суверенитета. Россия не приемлет приоритет прав человека над международным правом в его традиционном понимании, что выражается в выступлении ее против легализации «гуманитарных интервенций», основанных на абсолютизации принципа прав человека [2].

Содержание и методы внешнеполитической деятельности постсоветских государств изменялись в зависимости от международной обстановки и внутриполитической ситуации. Во внешнеполитической деятельности постсоветских государств в осуществлении курса на утверждение прав и свобод человека имеется ряд общих и особых черт, позволяющих выделить три периода. Первый – «эйфорический» (начало 90-х гг. XX в.) – это период развития молодых независимых государств в рамках внешнеполитических инициатив Запада. СНГ принял активное участие в создании новой «инфраструктуры прав человека». Второй период – «освобождение от иллюзий» (середина 90-х гг. XX в.). Внешняя политика России, Беларуси, Украины, Грузии и др., в связи с обозначившимися разногла-

сиями с Западом, усложнением условий выполнения принятых обязательств в области прав человека, стала более взвешенной и осторожной. Третий период – «прагматический» (со второй половины 90-х гг. XX в.) – характеризуется появлением определенной согласованности национальных целей с конкретным содержанием политики [3].

Важнейшим направлением политики постсоветских государств стало вступление их в различные международные организации, а значит, и принятие обязательств по выполнению общепризнанных норм в области прав человека, что позволило расширить политические и правовые возможности защиты прав человека. Став членами ОБСЕ, постсоветские государства согласились на контроль со стороны других членов ОБСЕ за положением прав человека. Вместе с тем ряд политологов считает, что, например, присоединение России к Совету Европы было преждевременным и продиктовано политическими соображениями. С учетом того, насколько российское законодательство и правоприменительная практика отличаются от стандартов Совета Европы, членство в нем неизбежно вызовет проблемы и для России, и для Совета. Марк Дженис выразил опасение, что «при неспособности России внутренними средствами добиться выполнения европейских законов по правам человека и подчиниться решениям страсбургских институтов стремление помочь России приведет к образованию двухъярусной системы прав человека и даст правительствам некоторых стран-членов повод ослабить собственные усилия по выполнению требований страсбургской системы».

Серьезно снижена конституционная ценность человеческой жизни законодательством, регулирующим деятельность правоохранительных органов. В первые годы независимости в постсоветских государствах достаточно четко звучали требования необходимости общественного контроля над силовыми структурами, но во второй половине 90-х гг. вопрос о контроле над органами безопасности ставится уже не так настойчиво [4]. За последние годы прослеживается опасная тенденция решать внутригосударственные проблемы вооруженным путем (война в Чечне, события в Кыргызстане 2002 г.), под предлогом борьбы с преступностью и коррупцией возобладала тенденция расширения полно-

мочий правоохранительных органов и спецслужб (при отсутствии за ними гражданского контроля) в ущерб конституционным правам и гарантиям граждан [5].

Известно, что законопроекты разрабатываются, как правило, ведомствами, призванными их исполнять. В силу этого нередко их собственные, внутриорганизационные интересы становятся приоритетными в ущерб интересам человека и общества. Ведомственные инструкции на практике приводят к созданию дополнительных препятствий для осуществления гражданами своих прав. Они носят фактически закрытый характер, отсутствует процедура оценки их соответствия конституции и законам. Таким образом, наблюдаемый разрыв между положениями конституции, действующими законами, подзаконными и ведомственными актами свидетельствует о раздробленности правового пространства в сфере защиты прав человека и гражданина и отражает объективные закономерности развития постсоветских государств, борьбу политических интересов, незавершенность экономических и социальных преобразований.

Закрепленные в конституциях и законах международно признанные нормы и принципы в области прав человека побудили государства постсоветского пространства к созданию некоторых механизмов и органов, которые обеспечивали бы их реализацию. В большинстве стран были созданы Комиссии по правам человека при президентах государств, Уполномоченные по правам человека (Латвия, Грузия, Россия и др.), которые играют различную политическую роль и занимают разное положение в системе органов государственной власти постсоветских государств.

Важным инструментом соблюдения прав и свобод граждан являются органы конституционного контроля постсоветских государств. Политика права, проводимая органами конституционного контроля независимо от модели их организации и способа контроля за законностью, должна выражаться в защите конституции и гарантии прав граждан, а также в случае необходимости в осуществлении активной роли политического посредника между законодательной и исполнительной властями. К примеру, за 1991–2001 гг. Конституционный Суд РФ рассмотрел свыше 3 тыс. обращений, принял около 200 постановлений, ты-

сячи определений по жалобам граждан направленных на защиту их конституционных прав и свобод [6]. Органы конституционного контроля в принятых постановлениях и решениях утверждают и расширяют многие демократические гарантии граждан в уголовном процессе, устраняя при этом скрытые препятствия на пути осуществления права на судебную защиту.

Органы конституционного контроля России, Кыргызстана, Казахстана и др. нередко оказывались в центре политических кризисов и выступали арбитрами по принципиальным проблемам переходного периода. С одной стороны, став заложниками предшествующей модели номинального конституционализма, с другой – активной силой конституционной модернизации, они очутились в противоречивом положении. Противоречие заключалось в выборе позиции между формально-правовым решением проблемы (исходя из несовершенства конституционного законодательства переходного периода) и ее решением с точки зрения демократических принципов. Второй путь часто оказываясь менее обоснованным. Формально-нормативной точки зрения, предусматривал необходимость соответствия правовых решений с их социальными и политическими последствиями, что в большинстве соответствовало задачам правовой модернизации. В постсоветской истории возникали ситуации, когда необходимо было сделать выбор между правовым и политическим решением. Нередко в условиях сложных социальных реформ преимущество отдавалось политическим решениям, под которые затем подводилась правовая основа.

На начальном этапе политической трансформации постсоветских государств органы конституционного контроля нередко занимали консервативную позицию, а их решения носили противоречивый характер в силу своего положения в политической системе, а также быстрой смены законов. Все «правового климата» в обществе. Социальное давление на органы конституционного контроля выражалось в моральной оценке его постановлений обществом, признании их легитимными или нелегитимными. Так, особую роль в сфере защиты конституционных прав и свобод человека в странах Центральной Азии выполняли конституционные суды (кроме Туркменистана, где институт конституционного суда не учрежден), а в Казахстане – конститу-

ционный совет. При реализации своей правозащитной функции органы конституционного контроля центральноазиатских государств используют различные подходы. Например, Конституционный суд Кыргызской Республики принимает решения о конституционности правоприменительной практики, затрагивающей конституционные права граждан. Право на обращение в Конституционный суд КР с конституционной жалобой принадлежит юридическим лицам и гражданам по вопросам, непосредственно затрагивающим их конституционные права, если они не подведомственны другим судам. Предметом конституционной жалобы в этих случаях являются правоприменительные акты либо практика. В результате могут быть признаны неконституционными не только правоприменительные акты и практика, но и положения соответствующих нормативных актов, обуславливающих такую практику. Это является особенностью кыргызской модели конституционного контроля. Конституционный суд не рассматривает вопросы о законности приговоров и иных решений судов, решений органов расследования, прокуратуры по гражданским, уголовным, административным и арбитражным делам, за исключением случаев, когда эти акты были приняты на основании закона, противоречащего конституции. Особенностью конституционного судопроизводства Узбекистана является то, что субъектами обращения в Конституционный суд Узбекистана являются высшие органы государственной власти и должностные лица, т.е. защита прав и свобод гражданина осуществляется опосредованно, через процедуру рассмотрения запросов высших государственных органов и должностных лиц в конституционном судопроизводстве [7]. В Республике Казахстан правом обратиться с запросом в Конституционный Совет обладает суд, если усмотрит, что закон или иной правовой акт, подлежащий применению по конкретному делу, ущемляет закрепленные конституцией права и свободы человека и гражданина (ст. 78 Конституции РК). Конституция РК не дает права юридическим лицам и гражданам обращаться с жалобой в Конституционный Совет.

Не создало правового поля для обеспечения равенства в судебном процессе законодательство постсоветских государств о прокуратуре. Прокурор располагает по-

прежнему широкими возможностями, в том числе правом опротестовывать уже вынесенные приговоры и прекращать дело в любой момент, не доводя его до суда. Прокуратура, выдвигая обвинение (например, в уголовном правонарушении) и, следовательно, априори защищая интересы государства, не может одновременно противостоять государству; в равной степени, учреждение, которое санкционирует арест того или иного лица, не может одновременно гарантировать соблюдение прав арестованного. Нередко прокурор не присутствует на судебном заседании и функцию поддержки обвинения приходится выполнять судье, роль которого в судебном процессе искажается.

За последние десять лет в большинстве постсоветских государств не удалось достигнуть серьезного продвижения в области прав человека. События последних лет в России, Кыргызстане, Узбекистане, Туркменистане, по мнению зарубежных исследователей, показывают, что правительства взяли курс на ограничение определенных прав и гражданских свобод [8]. Одна из главных причин – неостребованность идеи и концепции прав человека со стороны государственных институтов, недостаточно высокий уровень гуманитарного мышления представителей государственной власти, что выражается в расширении применения авторитарных методов управления, росте коррупции, несоблюдении законности, слабости исполнительных и правоохранительных органов, судебных органов в защите прав и законных интересов граждан. Механизмы по обеспечению законности и порядка мало изменились, по-прежнему приоритет отдается защите интересов государства, а не отдельных граждан. Положительный индекс в оценках экспертов среди государственных структур, например России и Молдовы, имеют лишь органы конституционного контроля, Уполномоченный по правам человека, Комиссия по правам человека при Президенте. В целом демократические институты, в том числе правозащитные институты, постсоветских государств слабы и неразвиты, не в полной мере выполняют свои функции, что объясняется также отсутствием глубоких демократических традиций.

Приоритетом современного этапа посткоммунистической трансформации должно стать создание институтов и механизмов,

способных обеспечить демократическую направленность развития общества. В ситуации посткоммунистического транзита процесс освобождения от переживших свое историческое и политическое время институтов, структур и личностей возможен посредством выборов. Только через политико-правовую ротацию власти здесь может сложиться устойчивое равновесие сил и интересов, составляющих в действительности реальную основу необратимости проводимых реформ, реализации прав и свобод человека в обществе. Выборы последних лет, например центральноазиатских республик, по оценке ОБСЕ, не соответствуют принятым стандартам. В Кыргызстане (2000 г.) наблюдалось принятие решений, препятствующих участию политических партий и кандидатов в состязательном электоральном процессе, вмешательство прокуроров и других должностных лиц в электоральный процесс. В Таджикистане (2000 г.) избирательное законодательство не отвечало стандартам ОБСЕ, в том числе по вопросам независимости избиркомов, прозрачности процесса подсчета голосов и обобщения результатов выборов, отмечались вмешательства со стороны государственных должностных лиц и ангажированность СМИ. В Туркменистане (1999 г.) констатируется отсутствие плюрализма и серьезное ограничение основных прав человека, полное отстранение граждан от участия в политической жизни [9]. Как попытку законсервировать порядки, при которых власть оставалась вне общественно-политического и гражданского контроля, можно расценить проведение референдумов о власти, инициируемых и организуемых властью. Парадокс политической ситуации в постсоветских государствах (перенос срока выборов Федерального Собрания Российской Федерации с 1996 г. на 1998 г., референдум 2001 г. в Узбекистане о продлении полномочий Президента И. Каримова и др.) заключается в том, что готовность отказать от идеи выборной власти демонстрирует не народ, а сама власть [10]. Значение периодически проводимых выборов и связанных с ними юридических гарантий прав и свобод граждан в том и состоит, чтобы блокировать любые проявления монополии на власть. Тенденции политического развития Туркменистана – от продления полномочий без выборов до полной отмены этих выборов – показывают, что ситуация

будет развиваться в направлении подавления политических прав и свобод граждан. Сложная ситуация с правами человека и в Таджикистане: лишение свободы за участие в политической деятельности, запрет независимых политических и общественных организаций, преследование оппозиционных СМИ. Ситуация в области прав человека еще более усложнилась с началом международной антитеррористической кампании: под прикрытием борьбы с терроризмом начались новые преследования оппозиционных партий. В Узбекистане правительство использовало войну против терроризма как предлог для расправы со своими внутренними политическими оппонентами. Около 7500 человек было брошено в тюрьмы по политическим и религиозным мотивам или по подозрению в терроризме [11]. В 2001 г. в России, Беларуси, Кыргызстане и других государствах под предлогом борьбы с преступностью и коррупцией расширялись полномочия силовых структур, нарушались права граждан, велась борьба с политической оппозицией. Эти тенденции могут привести к утере постсоветскими обществами некоторых демократических завоеваний.

Наблюдается и ограничение свобод прессы. Представитель ОБСЕ по вопросам свободы слова Фреймут Дуве в отчете за 1999 г. определил Узбекистан как государство со слабой независимой прессой, а Туркменистан – как государство с полным ее отсутствием. В Казахстане же, по его мнению, давление на прессу в основном происходит непрямым путем, а через регистрационные требования, налоговые инспекции [12]. В Таджикистане большинство газет находится под контролем исполнительных органов страны, в результате которого информация подвергается искажениям, а работа СМИ протекает в условиях самоцензуры. Не свободны СМИ и Молдове. В ряде стран наиболее крупные СМИ находятся под влиянием или контролем мощных финансовых групп.

Серьезной проблемой для постсоветских государств явились вопросы соблюдения прав человека в исправительных учреждениях, следственных изоляторах, тюрьмах. Основными причинами наиболее грубых и массовых нарушений являются неудовлетворительные бытовые и санитарно-гигиенические условия содержания подсудимых и осужденных. Государ-

ство не обеспечивает признание достоинства личности, защиту гражданина от пыток, жестокого обращения с ним, нарушаются права человека на охрану здоровья и жизни. Основным показателем, по которому оценивается работа правоохранительных органов, по-прежнему является раскрываемость преступлений, и в погоне за показателями правоохранительные органы не останавливаются перед нарушением конституционных прав граждан.

В странах региона возникла огромная напряженность и в деятельности судебной системы, не обеспечивался справедливый характер самого судебного процесса. В ряде стран получило распространение положение, когда граждане лишались свободы в течение длительного времени без решения суда. В Грузии, например, в 1998 г. один из каждых пяти заключенных не получал официально предъявленных обвинений в совершении преступления. В Таджикистане к 1998 г. по-прежнему действовал советский Уголовный кодекс, сохранялась прежняя незащищенность обвиняемых. Продолжала применяться судебная практика жестокого и несоразмерного наказания за преступления, не представляющие значительной общественной опасности. Тревожная ситуация наблюдалась и в других государствах (Украина, Беларусь, Узбекистан и др.). В большинстве постсоветских государств отсутствовала устойчивая и взвешенная судебная политика, а правосудие было нередко небескорыстным. Медленные темпы судебной реформы не позволяли преодолеть отчуждение населения от системы правосудия. Провозглашенное Конституциями право на получение квалифицированной юридической помощи существенно ограничивалось также малочисленностью (по сравнению с цивилизованными странами) адвокатуры, ее низким профессиональным уровнем, узким пределом ее действия. Повышение качества правосудия, четкое разграничение функций суда и органов уголовного преследования, расширение сферы судебного контроля за предварительным расследованием, обеспечение права обвиняемого на суд присяжных позволят сформировать судебную власть, способную осуществлять не только защиту прав человека, но и контроль за законностью действий двух других ветвей власти.

Во второй половине 90-х гг. XX в. в большинстве постсоветских государств

начался процесс пересмотра законов и нормативных актов, направленных на обеспечение и защиту прав человека и гражданина. Грузия, например, чтобы обеспечить автономный характер деятельности судов, вывела их из подчинения Министерства юстиции, ввела мораторий, а затем и запрет на смертную казнь, отменила систему прописки. Россия (1998 г.), Казахстан (2001 г.) предприняли «демилитаризацию» системы исполнения наказания и управления местами лишения свободы путем передачи ее в ведение министерств юстиции. В этих государствах также предусмотрена замена смертной казни пожизненным заключением. Наказание в виде смертной казни, согласно решению Федерального Конституционного Суда (февраль 1999 г.), вообще не может назначаться, пока реально не обеспечено право обвиняемого на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей, как это предусмотрено Конституцией РФ. Поскольку суд присяжных существовал к этому времени только в 9 регионах из 89, решение Конституционного суда означает, что приговор к исключительной мере наказания не может быть вообще вынесен на территории Российской Федерации.

За десять лет список актуальных проблем прав человека значительно изменился. В начале 90-х гг. в странах постсоветского пространства, в частности в Латвии, были приоритетны проблемы, связанные с гражданством, с видом на жительство. В середине 90-х гг. абсолютно преобладали социально-экономические вопросы, в том числе связанные с жилищной проблемой, с невыплатами заработной платы и социальных пособий. 2/3 обращений в государственное Бюро по правам человека носят именно экономический характер. Новые экономические тенденции (возникновение частной и других форм негосударственной собственности, свобода предпринимательства, возросшие возможности самореализации в бизнесе и др.) постепенно приобретают устойчивый характер. Вместе с тем в обществе еще не сложилось понимание фундаментального значения *собственности* для статуса гражданина, его самостоятельности и свободы. В большинстве постсоветских государств реформы были направлены главным образом на быструю трансформацию отношений собственности. Серьезным испытаниям под-

верглись экономические и социальные права: высокий уровень безработицы, практика невыплаты заработной платы в течение длительного времени, тенденция разрушения сферы образования и здравоохранения и др. В результате «перехода к рыночной экономике» постсоветские государства утратили созданную в советский период вполне эффективную систему обеспечения социальных прав граждан. А ведь была реальная возможность путем сохранения ее наиболее жизнеспособных элементов и адаптации их к новым рыночным условиям избежать столь резкого падения жизненного уровня большей части населения. Важно учитывать, что социальные права привлекательны для большинства населения по причине своей универсальности, т.е. каждый человек лично заинтересован в реализации широкого круга социальных прав (права на образование, медицинскую помощь и др.). Как показали опросы населения, экономические и социальные права, точнее их обеспечение, являются основой консолидации общества, означают согласие в обществе, мирный созидательный труд, отсутствие чрезмерного разрыва в уровне жизни различных слоев населения. Как показывают социологические исследования, граждане, имеющие достаточно высокий материальный и социальный статус, в том числе предприниматели, в большей степени, чем другие, способны активно выступать в защиту гражданских прав. Это говорит о том, что представители малого и среднего бизнеса как неотъемлемая часть среднего класса могут стать социальной базой развития гражданских прав и свобод, развития демократии. Однако эта категория населения составляет незначительный социальный слой постсоветских обществ. Поэтому именно развитие малого и среднего бизнеса в постсоветских государствах будет способствовать не только стабилизации экономической ситуации, но и развитию демократии.

Известно, что вся система защиты прав человека состоит из трех ведущих составляющих: судебных органов, несудебных органов (включая Уполномоченных по правам человека, Комиссии по правам человека и др.) и некоммерческих, в том числе правозащитных, организаций. От их взаимоотношений и взаимодействия зависит, будет ли эффективна защита прав человека в государстве. Проводимые в пос-

ледние годы исследования показывают, что среди всех структур, составляющих единый механизм реализации защиты прав человека, правозащитные организации одни из немногих имеют положительный индекс в оценках экспертов. Они оказывают поддержку осуществлению международных норм в области прав человека на национальном уровне, влияют на формирование общественного мнения в стране, за рубежом, а также на государственную политику в сфере прав человека, в силу своего характера обладают свободой выражения мнений, гибкостью действий. Вместе с тем для постсоветских государств характерны низкий уровень развития правозащитного движения; несовершенство существующей законодательной базы, регулирующей деятельность НПО; отсутствие должной правовой культуры в их деятельности, недостаток авторитетных лидеров в правозащитном движении, радикализм в деятельности отдельных правозащитных организаций и др.

Если для начального этапа деятельности правозащитных организаций Литвы, России, Украины, Казахстана, Армении (первая половина 90-х гг.) была характерна жесткая конфронтация отдельных некоммерческих (неправительственных) организаций с органами государственной власти, то в последующем установились отношения взаимоуважения и признания друг друга. По мере взаимодействия неправительственного сектора с государственными органами сложилась система правозащитных организаций, негосударственных и государственных, которые постепенно стали действовать как одно целое. Таким образом, в России, Беларуси, Украине, Казахстане и других постсоветских государствах стало ясным, что спектр деятельности НПО в новых условиях должен быть, с одной стороны, проблемно расширен за счет охвата различных сфер, в том числе гражданских прав и свобод, отношений собственности и др., а с другой – методологически переориентирован: отказ от жесткой конфронтации с государственными структурами и акцент на установление конструктивных отношений. Правозащитникам необходимо формировать культуру сотрудничества с государством и диалога со всеми общественными и политическими институтами, действующими в обществе. При этом представляется

очень важным подавать позицию защиты прав человека как внутреннюю, национальную позицию, а не как нечто, привнесенное извне. Во многих постсоветских государствах население, хотя и трудно, медленно, но все же воспринимает демократические ценности, постепенно формируется как сообщество полноценных граждан.

Таким образом, несостоятельность государственной политики в 90-е годы в области прав человека – наряду с экономической нестабильностью, низкой правовой культурой граждан – объясняется и невосприимчивостью идеи и концепции прав человека со стороны органов государственной власти, низким уровнем гуманитарного мышления, что выражается в раздробленности правового пространства в области прав человека, принижении ценности человека на законодательном уровне и, особенно, в правоприменительной практике. Слабость судебных органов, обвинительный уклон, низкий профессиональный уровень адвокатуры не позволяют преодолеть отчуждение населения от системы правосудия. В последние годы наблюдается тенденция расширения полномочий правоохранительных органов и спецслужб в

ущерб конституционным правам и свободам граждан. Постсоветские государства оказались не в состоянии пока предоставить своим гражданам необходимые политические, правовые, социальные и экономические гарантии, обеспечивающие конституционные права и свободы, а каждому – достойную жизнь. Постсоветские государства, находясь на начальной стадии посткоммунистической трансформации, осознают, что им предстоит сложный и длительный период утверждения прав человека. Важнейшей предпосылкой эффективной системы защиты прав человека выступает наличие демократического политического режима и правового механизма его осуществления, в том числе разделение властей, зрелый уровень рыночных отношений и экономическая независимость человека в обществе и государстве; структурно-производственная, инфраструктурная, институционально-правовая подготовленность реформ. Изменения в системе прав и свобод граждан, чтобы стать легитимными для большинства членов общества, должны готовиться не только социально-экономически, но и культурно и идеологически.

Литература

1. Эбзеев Б.С. Конституция. Демократия. Права человека. – М., 1992. – С. 155. Права человека в России – международное измерение: Сб. документов. Вып. 1. – М., 1995. – С. 261.
2. Чугров С. К вопросу о правах человека в Российской внешней политике // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2001. – №6. – С. 3–13.
3. Там же.
4. Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: Сб. докл. – М., 1999. – С. 36, 206; Закон РФ «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации» // *Собр. законодательства Российской Федерации*. – 1995. – №15. – С. 2326; Закон РФ «О борьбе с терроризмом» // *Российская газета*. – 04.08.98.
5. О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах: Доклад Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации. – М., 1996. – 88 с. – С. 80–81.
6. *Закон и право*. – 2002. – №2. – С. 16.
7. Алайбаев Б. Защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в странах Центральной Азии // *Фемида*. – 2001. – №10. – С. 24–26.
8. The Putin Path: Civil Liberties and Human Rights in Retreat // *Problems of Post-Communism*. – 2000. – Vol. 47. – №5. – P. 3–12; Mendelson S.E. The Power of Human Rights? Getting Away with Norms Violations in Russia // *International Security*. – 2002. – Vol. 26. – №4.
9. Вестник ОБСЕ. – Январь, март 2000 г.; Утегенова А.Р. ОБСЕ в Центральной Азии: права человека, демократия и верховенство закона // *Саясат*. – 2001. – №7–8. – С. 47, 48.
10. Веденеев Ю.А., Лысенко В.И. Политика и федеральные выборы // *Государство и право*. – 1995. – №2. – С. 83.
11. Сапаров Н. Об особенностях «туркменской модели демократии» // *Центральная Азия и Кавказ*. – 2000. – №2(8). – С. 252–260; Брянцева Д. Права человека в Таджикистане // *Фокус*. – 2000. – 26 марта; *Время по*. – 11.03.2002. – С. 8.
12. Утегенова А.Р. Указ. раб. – С. 50.

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ПАРТИСИПАТИВНОСТЬ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Саханова А.Н.

В большинстве стран Центральной и Восточной Европы, бывшего Советского Союза активизируются процессы децентрализации управления в бюджетной и политической сферах. По данным Всемирного Банка, в 63 странах с развивающейся экономикой происходит передача полномочий на местный уровень управления [1]. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в долгосрочной стратегии «Казахстан – 2030» отметил, что и для нашей страны характерен принцип децентрализации «внутри министерств, от центра к регионам и от государства в частный сектор» [2]. Этим вопросам был посвящен общественный форум «Децентрализация и местное управление в Республике Казахстан: выбор приоритетов», прошедший в Алматы в феврале 2002 года, в работе которого приняли участие депутаты Парламента, представители центральных и местных органов государственного управления, партий и неправительственных организаций.

Под децентрализацией понимается процесс передачи властных полномочий от правительства местным органам самоуправления, не зависящим от него политически, финансово, экономически, предполагающей трансформацию политической системы с проведением демократических выборов органов местного менеджмента. Основные принципы местного самоуправления законодательно закреплены в «Европейской хартии о местном самоуправлении», принятой в Страсбурге в октябре 1985 года: обладание органами местного самоуправления независимостью; осуществление их выборов путем тайного, равного, прямого, всеобщего голосования; обладание достаточными финансовыми ресурсами и коммунальной собственностью для осуществления своих функций.

Не существует достаточной ясности в изложении термина «децентрализация», который эволюционировал с течением времени и сейчас имеет несколько оттенков значения. Впервые использование этого термина получило широкое распространение в начале 1950-х годов, когда колониальными странами был совершен ряд последова-

тельных институциональных изменений в ходе подготовки к представлению независимости многим африканским государствам. Р. Маувуд и К. Дэвей назвали этот процесс «классической децентрализацией» [3], организованной на пяти принципах: институциональное отделение местных властей от центрального правительства и их ответственность за эффективную организацию местных служб; наличие у местных властей отдельных фондов, бюджетов и возможности повышать существенную часть доходов за счет местного прямого налогообложения; наличие собственного персонала; управление через советы, в которых преобладают выбранные популярные представители общества; отход членом правительства от исполнительной к консультативной роли по отношению к местной власти.

Обычно политическая верхушка развивающихся стран использует термин «классической децентрализации» для описания различных административных реорганизаций.

Одно из определений различает четыре формы децентрализации: децентрализация делегация, деволюция и приватизация/партнерство [4]. Децентрализация относится к институциональным изменениям, передающим власть от кадров в столице представителям гражданской службы, рассеянным по всей территории. При этом местные чиновники принимают операционные решения без обращения в главное управление. Деволюция относится к реорганизационным мероприятиям, которые более приближены к «классической децентрализации» в том, что существенная часть независимых законодательных и фискальных властей трансформируется в субнациональные правительства с высоким уровнем автономии в принятии решений. Делегация предполагает передачу власти общественным корпорациям вне регулярной бюрократической структуры. Здесь центральное правительство ставит цели перед общественными корпорациями, передавая им ресурсы на базе одобренных планов и бюджетов и достаточный уровень автономии в осуществлении своих функ-

ции. Приватизация/партнерство предусматривает передачу ответственности за общественные функции волонтерским организациям, частным предприятиям и мобилизацию сил гражданских общественных организаций, работающих над социально-экономическим развитием. Из перечисленных четырех форм децентрализации, децентрализация представляет минимальную передачу власти на местный уровень. Делегация также не означает передачу полной власти людям, хотя делегированные агентства должны стремиться к вовлечению местного населения в свой процесс принятия решений. Два других вида, деволюция и приватизация, обеспечивают максимальные возможности для развития подлинного управления на местном уровне, основанного на всеобщем участии. Децентрализация в определенной степени происходит в Казахстане. Однако, когда местные исполнительные органы входят в систему исполнительных органов, происходит только передача ответственности, а полномочия фактически остаются за вышестоящими органами власти.

Эксперты Всемирного Банка выделяют следующие направления децентрализации: политическое (гражданские свободы и политические права); финансовое (бюджетные ресурсы и бюджетная самостоятельность); управленческое (структурность, системность менеджмента и партисипативность). В соответствии с вышеперечисленной классификацией направлений выделяют следующие виды децентрализации: географическая (предполагает активизацию экономического развития в районах, не относящихся к основным городским территориям); децентрализация системы принятия и исполнения административных решений (означает более широкое делегирование полномочий местным органам власти); бюджетная децентрализация (требует укрепления финансовой системы органов местного самоуправления) [5].

И с точки зрения эффективности, и с точки зрения справедливости является спорным тезис о том, что участие людей в процессе управления (партисипативность) является основным фактором для успешной децентрализации. Децентрализация способствует эффективности, так как она дает возможность местным менеджерам приспосабливаться к предпочтениям через механизм распознавания местных предпочтений при размещении ресурсов. Этот момент был

выделен Д. Кластером [6] при изучении позитивного опыта в Мехико, где общественные ассамблеи обеспечивают членов общества качественным потоком информации.

Партисипативность позволяет использовать знания местных людей о локальных условиях для оптимального решения местных проблем. Значение партисипативности для государственного менеджмента широко освещено в разных исследованиях:

1. Исследование в Индии (Мадхия Прадеш). Деревенские комитеты по защите и реабилитации разрушенных лесов активно вовлекали в процесс управления лесным хозяйством местных жителей, что дало значительные результаты в начале 90-х годов [7].

2. Исследование в Непале. В рамках общественного проекта по защите лесных ресурсов зеленые насаждения были переданы в местное самоуправление определенным группам пользователей, которые в законодательном порядке определялись как «автономные и корпоративные институты с бессрочным правом наследования» [8]. Две крупномасштабные ирригационные программы в Непале были успешны в связи с участием народных масс в их планировании и осуществлении [9].

3. Проект оценки бедности в Уганде. Большим преимуществом децентрализации было то, что люди почувствовали мобилизацию ресурсов для выгод местных жителей с учетом их предпочтений, они проявили более высокую готовность платить налоги местным органам власти одновременно [10].

Источники неудач децентрализации можно классифицировать в две группы: а) проблемы, связанные с передачей власти сверху вниз; б) проблемы, связанные с фактическим участием людей в управлении. Часто лозунг партисипативности и децентрализации использовался политиками для усиления своего влияния в правительстве:

1. В Сенегале реформы децентрализации начались с 1972 года. Особый упор делался на сотрудничество с крестьянами при реализации правительственных программ в сельских районах, однако государственные органы сохранили полный контроль над всеми аспектами местных действий [11].

2. Кенийское правительство провозгласило политику децентрализации и вовлечения людей в местное управление, однако, в связи с лидерством президента, местные органы власти ослаблены [12].

3. Административные реформы в Танзании с созданием деревенских советов и консультативных комитетов, с целью увеличения народного участия, укрепили центральную власть [13].

4. Двигателем децентрализации в Монголии было стремление уменьшения финансового бремени в центре с передачей на местный уровень финансирования здоровья и образования. В каждой области собрания выдвигали своих губернаторов, которые подчинялись вышестоящему органу. В результате только десятая часть решений принималась на местном уровне [14].

5. Опыт Йемена – выдвинуто на первый план нежелание центра оставить власть как главное препятствие к децентрализации [15].

Х.Блэр попытался идентифицировать условия успешной партисипативности: а) участие граждан в политическом процессе должно быть широким; б) должна быть обеспечена подотчетность и ответственность местных органов управления [16]. Индия и Непал для гарантирования всеобъемлющего участия народа в управлении выбрали систему избрания деревенских советов (пансхауты), которая даже нашла свое отражение в Конституции Индии (статья 40). Деревенские советы функционируют как единицы самоуправления. Первый раунд выборов имел место в Карнамаке, а затем в Мадья-Прадеш. Широко были представлены в пансхаутах женщины и представители более низких каст. Деревенское собрание – главное звено в структуре децентрализованного управления, оно собирается два раза в год для рассмотрения отчетов работы за данный период времени [17].

Необходимо сделать социальную мобилизацию краеугольным камнем процесса децентрализации. В Непале местные власти юридически получили мандат для разработки планов развития районов и их финансирования. В Индии были созданы миссии Раджи Ганди, названные в честь имени бывшего премьер-министра Индии. В них включались и должностные лица из разных министерств для удовлетворения первичных нужд пользовательских групп. В Кыргызстане и Монголии неправительственные организации сосредоточены на решении бытовых проблем, что приводит к пренебрежению более широкой задачи социальной мобилизации [18].

В практике государственного менеджмента принято различать три основных типа местного самоуправления: англосаксонский тип характеризуется глубокой альянсной мобилизацией через уполномоченность местных органов и отсутствие бедных; в) попытка влиять на политический процесс от имени бедных [19]. Существуют две довольно различные концепции гражданского общества. Первая – развитая система контроля центральных властями; смешанный тип раскрывается в работе Д.Токвилля «Демократия в Америке» где неправительственные организации и составляют как децентрализованные части единого гражданского общества, являясь важным средством уменьшения власти государства. В действующей Конституции Республики Казахстан имеется отдельная глава, в которой признается местное самоуправление и гарантируется самостоятельность органов местного самоуправления. Источником деятельности органов местного самоуправления является население в тех границах, в которых организовано самоуправляющееся общество. На муниципальном уровне создана комиссия по децентрализации. Экспериментальные выборы акимов сельских округов состоялись 20 октября 2001 года и проходили в два этапа: на сходах граждан избирались борщички, в свою очередь борщички избирали акимов. Выбор того или иного типа местного самоуправления зависит от многих факторов. В унитарном государстве управление осуществляется непосредственно из центра, при этом центральная власть вправе по своему усмотрению изменять границы входящих в нее территорий. В современных условиях для Казахстана наиболее интересен опыт местного самоуправления, используемый в таких европейских странах, как Франция и Италия. Французский тип самоуправления представляет пирамиду, в которой происходит передача полномочий сверху вниз. На центрально-местном уровне работает система неправительственных организаций на местах. В Италии иерархическая соподчиненность выражается в праве областей осуществлять контроль за деятельностью актов в провинциях и коммунах. Традиционно органы местного самоуправления выдержаны в ступенчатой форме: избирательный корпус, партийный аппарат, представительный совет, главное должностное исполнительное лицо.

Неправительственные организации играют значительную роль в социальной мобилизации. По М.Эдварду (1999) неправительственные организации являются наиболее успешными, когда они принимают трехаспектную стратегию: а) попытка к существованию; б) попытка к соционскому типу характеризуется глубокой альянсной мобилизацией через уполномоченность местных органов и отсутствие бедных; в) попытка влиять на политический процесс от имени бедных [19]. Существуют две довольно различные концепции гражданского общества. Первая – развитая система контроля центральных властями; смешанный тип раскрывается в работе Д.Токвилля «Демократия в Америке» где неправительственные организации и составляют как децентрализованные части единого гражданского общества, являясь важным средством уменьшения власти государства. В действующей Конституции Республики Казахстан имеется отдельная глава, в которой признается местное самоуправление и гарантируется самостоятельность органов местного самоуправления. Источником деятельности органов местного самоуправления является население в тех границах, в которых организовано самоуправляющееся общество. На муниципальном уровне создана комиссия по децентрализации. Экспериментальные выборы акимов сельских округов состоялись 20 октября 2001 года и проходили в два этапа: на сходах граждан избирались борщички, в свою очередь борщички избирали акимов. Выбор того или иного типа местного самоуправления зависит от многих факторов. В унитарном государстве управление осуществляется непосредственно из центра, при этом центральная власть вправе по своему усмотрению изменять границы входящих в нее территорий. В современных условиях для Казахстана наиболее интересен опыт местного самоуправления, используемый в таких европейских странах, как Франция и Италия. Французский тип самоуправления представляет пирамиду, в которой происходит передача полномочий сверху вниз. На центрально-местном уровне работает система неправительственных организаций на местах. В Италии иерархическая соподчиненность выражается в праве областей осуществлять контроль за деятельностью актов в провинциях и коммунах. Традиционно органы местного самоуправления выдержаны в ступенчатой форме: избирательный корпус, партийный аппарат, представительный совет, главное должностное исполнительное лицо.

Неправительственные организации играют значительную роль в социальной мобилизации. По М.Эдварду (1999) неправительственные организации являются наиболее успешными, когда они принимают трехаспектную стратегию: а) попытка к существованию; б) попытка к соционскому типу характеризуется глубокой альянсной мобилизацией через уполномоченность местных органов и отсутствие бедных; в) попытка влиять на политический процесс от имени бедных [19]. Существуют две довольно различные концепции гражданского общества. Первая – развитая система контроля центральных властями; смешанный тип раскрывается в работе Д.Токвилля «Демократия в Америке» где неправительственные организации и составляют как децентрализованные части единого гражданского общества, являясь важным средством уменьшения власти государства. В действующей Конституции Республики Казахстан имеется отдельная глава, в которой признается местное самоуправление и гарантируется самостоятельность органов местного самоуправления. Источником деятельности органов местного самоуправления является население в тех границах, в которых организовано самоуправляющееся общество. На муниципальном уровне создана комиссия по децентрализации. Экспериментальные выборы акимов сельских округов состоялись 20 октября 2001 года и проходили в два этапа: на сходах граждан избирались борщички, в свою очередь борщички избирали акимов. Выбор того или иного типа местного самоуправления зависит от многих факторов. В унитарном государстве управление осуществляется непосредственно из центра, при этом центральная власть вправе по своему усмотрению изменять границы входящих в нее территорий. В современных условиях для Казахстана наиболее интересен опыт местного самоуправления, используемый в таких европейских странах, как Франция и Италия. Французский тип самоуправления представляет пирамиду, в которой происходит передача полномочий сверху вниз. На центрально-местном уровне работает система неправительственных организаций на местах. В Италии иерархическая соподчиненность выражается в праве областей осуществлять контроль за деятельностью актов в провинциях и коммунах. Традиционно органы местного самоуправления выдержаны в ступенчатой форме: избирательный корпус, партийный аппарат, представительный совет, главное должностное исполнительное лицо.

Партисипативность как одна из составляющих целей устойчивого социального развития повышает потенциал демократического государства и наделяет людей полномочиями, приобретенными ими в процессе самостоятельной деятельности по принятию решения и ответственности за его реализацию. Формы партисипативности разнообразны: манипулирование, консалтинг, достижение консенсуса, совместная выработка решений, разделение риска, партнерство и самоуправление.

Децентрализация наиболее совместима с целями человеческого развития, когда этому предшествуют меры, которые перераспределяют богатство в пользу бедных и нарушают монополию власти местных интересов. Общественный сектор является весьма большим и поставяет широкий диапазон товаров и услуг от роскошного международного путешествия авиалинией до производства азотного удобрения. Государственные предприятия, производящие эти товары и услуги, часто субсидируются, потому что их прибыли от продаж не в состоянии покрыть общие затраты. Субсидии не всегда могут быть оправданы, и поэтому государственные предприятия уменьшают свои затраты или поднимают цены. Увеличение цены товаров и услуг, предоставляемых государственными предприятиями, может уменьшить требования к казне по финансированию дефицита предприятия. Правительство может наложить пользовательские обвинения или установить плату за услуги, которыми обеспечивает. Пользовательские обвинения возможны только для некоторых типов услуг. Номинальные платы предотвращают чрезмерное использование парков, берегов и покрывают ежедневные эксплуатационные расходы. В случае других природных ресурсов, составляющих часть естественного капитала, нормы отличаются. В Китае даже бедные должны осуществлять символическую доплату к стоимости первичного образования и основного медицинского обслуживания.

В налогообложении два пункта являются критическими:

- Как можно рационально использовать налогообложение с целью роста дополнительных доходов, когда существующий ресурс неадекватен?

- Как преобразовать налоговую систему, если она препятствует человеческому развитию?

Правительство имеет обычно больший контроль над распределением дохода, чем по его сбору. Люди с верхними группами доходов способны использовать свою власть, чтобы заставить правительство субсидировать действия, в которых они заинтересованы. Обе части бюджета (доходная и расходная) имеют тенденцию к поддержке богатых. Богатые почти всегда умеют избежать оплаты большей части налогов. Некоторая прогрессивность достигается при освобождении группы с самыми низкими доходами от оплаты некоторых налогов, особенно подоходного. Ситуацию можно улучшить, если правительство поддерживает низкие однородные тарифные нормы на импорте и экспорте. Налоговая система имеет уклон в пользу инвестиций в физический капитал. Эрозия подоходного налога из-за уклонений глубока. Сфера действий уклонений имеет тенденцию к увеличению с уровнем дохода. Подвижность капитала ограничивает предел, по которому налогообложение может использоваться для передистрибутивных целей.

Так как богатство и политическая власть часто идут вместе, богатые налогоплательщики часто преуспевают в перемещении налогового бремени до потребителей. Проблема для налоговых властей – дать точные оценки ценности государственной собственности. Даже очень простой налог на землю может внести достаточный вклад в правительственные доходы. Власти должны знать только четыре факта для проектирования эффективной системы сельскохозяйственного налогообложения земли: область собственности, ее местоположение, качество почвы, имя владельца. В Индонезии все здания, стоимость которых ниже 1600 долл., исключены из сферы налогообложения [23]. В течение последних 10–15 лет косвенные налоги на потребление стали основными средствами подъема дохода. Косвенное налогообложение имеет тенденцию к регрессивности. Освобождение от налогообложения основных пищевых продуктов, используемых в значительной степени бедными, было бы совместимо с человеческим развитием. Правительству, стремящемуся продвигать человеческое развитие, важно концентрировать внимание на расходной стороне бюджета не только потому, что человеческие цели развития здесь достигаются с меньшей трудностью, но так же и потому, что политически может

быть неблагоприятно вести бой на двух фронтах одновременно.

Для финансирования программ развития Казахстан прибегал к некоторым формам иностранной помощи – ссуды, продовольствие, техническая помощь, инвестиции. Результаты помощи неутешительны: иностранный капитал повысил неадекватные внутренние сбережения и позволил стране иметь более высокую норму инвестиций, но не был нацелен на человеческое развитие. Иностранная помощь имела извращенные эффекты, сокращая внутреннюю норму сбережений и поощряя «бегство» капитала, понижая реальную норму процента. Социальные нормы возвращения на иностранных проектах были относительно низки, и выгоды в значительной степени обошли бедных. Таким образом, иностранная помощь не только необходима в теории для социального развития, но даже не была эффективна практически. В Казахстане должно приветствоваться, что иностранные инвестиции будут меньше доступны в будущем и страна будет меньше зависеть от них.

Человеческое развитие как стратегия мобилизует местные ресурсы, концентрируется на росте скрытых способностей все людей и может финансироваться внутри страны без потребности зависеть от внешних дотаций или милосердия. Сторонники человеческого развития ратуют за децентрализацию, они требуют государства-активиста, способное завербовать и мобилизовать людей для продвижения их собственного развития. Некоторые из функций государства постепенно будут заменены учреждениями гражданского общества. Если люди не осуществляют демократический контроль над центральным аппаратом государства, маловероятно, что децентрализация будет сопровождаться увеличенной политической властью людей.

Децентрализацию необходимо рассматривать в политическом контексте. Если политическая власть авторитарна, административная децентрализация укрепляет центральную власть. В последние этапы колониального периода, например, децентрализация иногда использовалась с целью сотрудничества с местными лидерами для расширения поддержки колониальному правлению. Политическое полномочие – основной аспект партисипативного развития. Прямая демократия на местном уровне – лучший способ способствовать человеческому

развитию. Роль катализатора или аниматора, в зависимости от конфигурации политической власти, может принадлежать учреждениям местных органов власти или централизованному аппарату, работающим через массовые кампании мобилизации населения для решения определенных проблем. Было бы неправильно предположить, что местная бюрократия является более сочувствующей демократией широких масс, чем централизованная бюрократия. Программы децентрализации наиболее успешны, когда местные органы власти работают совместно с учреждениями гражданского общества. Наиболее эффективная стратегия продвигает демократию «от основания», а не от «вершины вниз». Местные учреждения гражданского общества в соединении с организациями местного органа власти могут функционировать как «школы демократии». Данный подход был применен в Бангладеш.

Децентрализация управления успешна в осуществлении программ борьбы с бедностью. Однако цель партисипативной децентрализации остается отдаленной для большинства развивающихся стран несмотря на усилия, сделанные в течение последней половины прошлого столетия. Мы попытались идентифицировать два главных препятствия успешной децентрализации: нежелание политических бюрократов передать власть более низким уровням управления; неспособность бедного населения активно участвовать в политическом процессе. Полномочия бедных становятся центральным пунктом повестки дня в любой программе децентрализации. Необходимо улучшить экономическую безопасность бедных и их социальную мобилизацию, а также отзывчивость государства к нуждам бедных. Тогда, действительно, партисипативная децентрализация станет реальностью в Казахстане...

Литература

1. Межбюджетные отношения и финансовые основы местного самоуправления. Мат-лы семинара Института Всемирного Банка, фонда «Евразия», совета Европы и Академии государственной службы при Президенте РК. – Алматы, 17–21 апреля 2000 года.
2. Назарбаев Н.А. «Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев». – Алматы: Білім, 1997.
3. Mawhood, P and Davey, K. (1980) «Anglophone Africa», in D.C. Rowat (ed.) International Handbook on Local Government Reorganization. Greenwood Press: Westport, Conn.
4. Rondinelli, D.A. and Nellis, J.R. (1986) «Assessing Decentralization Policies in Developing Countries: The Case For Cautious Optimism», Development Policy Review 4: 3–23. Blair, H. (1998) «Spreading Power to the Periphery: An Assessment of Democratic Local Governance» USAID: Washington, D.C.
5. Адабаев Е., Кантарбаева А. Децентрализация государственного управления в Казахстане: проблемы и пути решения // АльПари. – 2000. – №3–4.
6. Klooster, D. (2000) «Institutional Choice, Community, and Struggle: A Case Study of Forest Co-Management in Mexico», World Development 28(1): 1–20.
7. Ascher, W. and Healy, R. (1990). Natural Resource Policymaking in Developing Countries. Duke University Press: Durham N.C.
8. Ostrom, E. (1994) Neither Market nor state: Governance of Common-Pool Resources in the Twenty-first Century. Lecture Series No. 2 International food Policy Research Institute: Washington D.C.
9. Ostrom, E., Lam, W. and Lee, M. (1994) «The Performance of Self-Governing Irrigation Systems in Nepal» Human Systems Management 13(3): 197–207.
10. Adato, M., Haddad, I., Horner, D., Ravjee, N. and Haywood, R. (1999) From Works to Public Works: The Performance of Labour-Intensive public Works in Western Cape Province, South Africa. Report submitted to the Department for International Development, London.
11. Vengroff, R. and Johnston, A. (1987) «Decentralization and the Implementation of Rural Development in Senegal: the Role of Rural Councils», Public Administration and Development 7: 273–88.
12. Wallis, M. (1990) «District Planning and Local Government in Kenya», Public Administration and Development 10: 437–452.
13. Maro, P. (1990) «The Impact of Decentralization on Spatial equity and Rural Development in Tanzania», World Development 18: 673–693.
14. UNDP/GOM (1997) «Human Development Report: Mongolia 1997». (mimeo) UDNP mission and the Government of Mongolia: Ulaan Baatar.

15. GOY/UNDP (1988) «An Operational Strategy for Community – Based Regional Development in the Republic of Yemen». (mimeo) Government of the Republic of Yemen and UNDP: Sana'a.
16. Blair, H. (2000) «Participation and Accountability in Periphery: Democratic Local Governance in the Periphery», *World Development* 28(1): 21–39.
17. GOK (1999) «Human Development in Karnataka 1999». (mimeo) Government of Karnataka (India): Bangalore.
18. Jain, P. (1994) «Managing for Success: Lessons from Asian Development programs», *World Development* 22(9): 1363–1377.
19. Edwards, M. (1999) «NGO Performance – What Breeds Success? New Evidence from South Asia», *World Development* 27(2): 361–374.
20. Tocqueville, A. (1961) *Democracy in America*. Schocken Books: New York.
21. Gramsci, A. (1971) *Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci* (edited by G. Hoare and G. Smith). International Publishers: New York.
22. Virchow D. (2000). *The Contribution of Volunteerism to Sustainable Development in the Twenty – first Century*. University of Born.
23. UNDP, *Human Development Report 1992*, New York: Oxford University Press.

ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ САМООРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Нугманова К.Ж.

Важность идеи гражданского общества осознается в смысле улучшения функционирования и возможности актуализации всех ценностей через институты гражданского общества. Институты гражданского общества являются ведущими субъектами формирования системы ценностей.

Переживаемый Казахстаном период системных общественно-политических преобразований с особой остротой ставит вопрос об отношениях между обществом и властью, гражданским обществом и государством. Вопрос этот имеет несколько аспектов, один из которых – институциональный, поскольку взаимодействие между обществом и государством осуществляется преимущественно через институты.

Несмотря на то, что термин *гражданское общество* не является согласованным и унифицированным в научной среде, тем не менее его можно определить как систему социальных институтов, составляющих субстанцию политического общества.

Гражданское общество у итальянского политического деятеля А.Грамши – это уже не просто система производственных отношений, а все, что не есть государство, есть область гражданского общества, включая его политические (негосударственные) институты [1].

Гражданское общество не занимает пассивную позицию по отношению к государству, а активно с ним сотрудничает на почве построения развитых право-

вых отношений, через систему институциональных образований; государство – это инструмент, с помощью которого общество актуализирует себя. Государственная власть также нуждается в гражданском обществе, без него она не может быть легитимной. Таким образом, государство и гражданское общество находятся в диалектической взаимосвязи. Одними из ключевых действующих субъектов в процессе этого взаимодействия являются группы интересов – экономические, социальные, региональные, культурные и т.д., причём структура группы интересов в обществе имеет асимметричное строение, перекошена в сторону определенных слоев и групп населения.

Гражданское общество представляет собой систему социальных связей, в которой формируются и реализуются осознанные и организованные интересы людей, являющиеся основой для плетения тканей гражданского общества. Наличие различных сфер гражданского общества позволяет людям самим решать, какие интересы преследовать и каким образом. Группы организованных интересов, существование которых выходит за пределы классовой организации общества, воплощают в себе и тип деятельности общества. Именно в них формируются предпочтения различных частей общества. Г.Алмонд и Дж.Пауэлл понимают «группой интересов» объединенных особыми связями

взаимной заинтересованности или выгоды и в определенной мере осознающих это [2].

Группа организованных интересов становится таковой лишь в том случае, если ее интерес артикулируется в социальном пространстве, т.е. выражается как настоятельное требование, побуждающее структурные элементы гражданского общества или государства осуществлять практические действия, способствующие реализации этих требований. Эта группа не является стабильным структурным образованием, это скорее поле взаимодействий индивидов на базе их общих интересов. Интерес – это не просто адекватно или неадекватно осознанная субъектом необходимость сохранения или изменения своего жизненного положения, а осознание, переходящее в действие.

Группами интересов называют институциональные структуры самого разного типа (предпринимательские, профсоюзные, негосударственные, неправительственные, культурные и т.д.), которые не претендуют на политическую власть, пытаются влиять на нее, посредничая в деле обеспечения специфических интересов своих членов.

Анализ научной литературы показывает, что интересы бывают самые разные и они делятся по определенным признакам. Например, в зависимости от носителя: личные, коллективные, общественные, национальные или по сферам общественной жизни: экономические, политические, духовные интересы.

Типология заинтересованных групп представляет большую трудность, что объясняется их многочисленностью и многообразием. Однако все исследователи сходятся в том, что группы интересов – есть, прежде всего, результат самоорганизации гражданского общества.

Так, американские ученые Г.Алмонд и Дж.Пауэлл выделяют четыре типа групп интересов:

- спонтанные, т.е. стихийно организованные, часто ориентированные на насилие (манифестации, бунты);
- неассоциативные, т.е. неформальные, непостоянные и ненасильственные, формирующиеся на основе родственных связей, вероисповедания и т.п.;
- институциональные, т.е. формальные организации, помимо выражения интересов, наделенные и другими функциями (партия, собрание, администрация);

• ассоциативные, т.е. добровольные, специализирующиеся на выражении интересов организации (профсоюзы, группы деловых людей, этнические, религиозные ассоциации граждан) [3].

Французский политолог М.Дюверже предложил подразделять группы интересов по критерию их организованных структур на: а) массовые (профсоюзы, молодежные организации, организации ветеранов и т.д.) и б) кадровые (предпринимательские союзы, элитарные организации). К третьему типу группы интересов Дюверже отнес научно-исследовательские центры и фонды, рекламные агентства. Кроме того, Дюверже различал группы интересов, действующие исключительно в политической сфере и организации, для которых оказание политического давления составляет лишь какую-то часть их деятельности (профсоюзы и др.) [4].

Для достижения своих целей группы интересов применяют самые разные методы. Это и оказание консультационных и экспертных услуг правительству, и разворачивание общественных кампаний, чтобы убедить правящую элиту в законности своих требований, для чего широко используются средства массовой коммуникации. Это и угрозы, и использование «потенциала для шантажа», если же они не приводят к цели, то могут использоваться деньги, для того, чтобы «купить согласие». Наиболее мощные группы интересов могут саботировать действия правительства, например, парализуя производство, затрудняя действия некоторых важных государственных служб или вызывая в стране финансовую панику. Иными словами, ресурсы для достижения групповых интересов охватывают чрезвычайно широкий спектр – от убеждения и консультирования до прямого действия.

Деятельность организованных групп интересов в промышленно развитых странах Запада давно уже регулируется нормативными актами, основным законом, постулирующим право граждан на объединение.

Развитие теории групп интересов тесно связано с реальным политическим процессом, в котором действуют самые различные организации, имеющие специфические интересы и специфические организационные структуры. Так, историческое развитие гражданского общества в США свидетельствует о многообразии таких

организаций. На это обратил внимание еще А. де Токвиль, который подробно описал добровольное участие граждан во всевозможных самоорганизованных ассоциациях и движениях, обобщенно определяемых современной политической наукой понятием «группы интересов».

«Американцы, самых различных возрастов, положений и склонностей, беспрепятственно объединяются в разные союзы. Это не только объединения коммерческого или производственного характера, в которых они все без исключения участвуют, но и тысячи других разновидностей. Американцы объединяются в комитеты для того, чтобы организовывать празднества, основывать школы, строить столовые и, наконец, чтобы проливать свет на истину, или о том, чтобы воспитывать чувства, опираясь на великие примеры, они объединяются в ассоциации» [5].

Эта склонность американцев к объединению для более действенного участия в общественно-политической жизни составляет особенность национальной политической традиции. Современные американцы не утратили эту готовность присоединяться к любой группе, чтобы эффективно влиять на принятие политических решений.

Представительство интересов является одним из важнейших факторов успешного функционирования демократических систем. Однако степень вовлеченности групп интересов в политический процесс неодинакова, пожалуй, наибольших масштабов она достигла в США. Именно в американской политической практике зародилась около 200 лет назад и сформировалась особая форма представительства интересов – лоббирование. Лоббистская деятельность является одним из механизмов, с помощью которых группы интересов участвуют в процессе принятия решений политических и реализуют на практике свои интересы, цели и задачи. Сегодня влияние лоббистов оказывается настолько велико, что их зачастую называют «третьей палатой» Конгресса США. Лоббистские организации, энергично действующие в политической сфере, представляют, прежде всего, интересы большого бизнеса и профсоюзов.

В современном мире лоббизм стал обязательным атрибутом демократического политического процесса, но его проявление в разных странах зависит от целого комплекса и исторически сложившихся форм

экономической, социальной и политической жизни того или иного народа.

О росте лоббистской деятельности в Казахстане отмечает Б.Аяган: «Аккумуляция власти в руках узкого круга лиц напрямую связана и с ростом лоббистской деятельности. Не секрет, что сегодня мы имеем несколько устоявшихся очагов лоббистских группировок и бороться с ними можно только с помощью законодательных и регулирующих актов. Например, надо пойти на принятие специального закона по пресечению лоббистских устремлений, тем более что во многих государствах такие законы уже существуют. В США закон о регулировании лоббизма был принят в 1946 году» [6].

Американцы стали первыми, кто попытался поставить контроль лоббистской деятельности на правовую основу. Закон, который начал действовать с 1946 года, работал почти полвека, однако его действие не распространялось на лоббирование исполнительных органов власти и особой сферы непрямого лоббизма.

«Недостаточная проработанность первого закона о лоббизме сказалась на неэффективности его функционирования, в декабре 1995 года новый закон о раскрытии лоббистской деятельности вступил в силу. Его отличает более тщательная проработка понятийного аппарата, четкие требования по регулированию деятельности лоббистов и тех лиц, с которыми они входят в контакт, постоянный контроль со стороны ответственных лиц за отчетными документами и как обязательное условие – ознакомление общественности с деятельностью лоббистов через публикацию их отчетов. Закон распространяется исключительно на профессиональных лоббистов, т.е. тех, кто получает вознаграждение за проделанную работу. Закон не рассматривает таковыми тех, кто действует на общественных началах, и потому в нем оговариваются минимальные суммы доходов от лоббистской деятельности и расходов на нее, ниже которых лоббисты не рассматриваются как лоббисты и не подлежат процедуре регистрации и последующего контроля за их действиями» [7].

Во Франции, чтобы не дать лоббистам действовать напрямую, т.е. непосредственно воздействовать на представителей законодательной и исполнительной власти, видных политических деятелей, созданы соответствующие государственные структу-

ры для регулирования взаимоотношений, которые складываются между государством и основными заинтересованными группами, сформировавшимися в недрах гражданского общества. К таковым структурам относится экономический и социальный совет, на который возложены консультативные функции. В состав совета входят представители профсоюзов, частного промышленного бизнеса, госпредприятий, ремесленников, более двухсот человек, частично назначаемых правительством и избранных заинтересованными организациями. Количество занимаемых мест распределено пропорционально значимости представленных организованных интересов. Так, больше всех у профсоюзов – 69, частным предприятиям выделено 27, сельскохозяйственным производителям – 25, Французское правительство выделило специально 40 мест наиболее авторитетным ученым и общественно-политическим деятелям. Через Совет проходят все законопроекты и законодательные предложения, на которые он дает экспертные заключения. Структурно Совет разбит на девять секций, которые рассматривают определенные проблемы по социальным вопросам, вопросам занятости, экономики регионов, уровня жизни, финансов, внешних связей, производственной деятельности, научных исследований и технологий, развития агропромышленного сектора, а также общие экономические проблемы и конъюнктура. Каждая секция готовит аналитические отчеты, которые поступают на рассмотрение руководящего органа Совета – бюро. Своеобразное положение экономического и социального Совета, выполняющего связующую функцию между заинтересованными группами гражданского общества и органами государственной власти, позволяет ему регулировать поток возникающих в обществе как частных групповых интересов, так и потребностей общественного характера, требующих своего разрешения во внутренней политике государства. Помимо центрального консультативного органа, во Франции узаконена целая сеть так называемых «исследовательских групп» типа Национальной комиссии по информатике и свободам, Национального совета статистики и другие. Представители законодательного органа делегируются им для связи этих организаций с соответствующими парламентскими постоянными комиссиями

в целях сотрудничества в законодательном процессе. Такие структуры способствуют приданию узкогрупповым интересам характер общенационального интереса, таким образом, смягчаются негативные моменты, сопутствующие лоббизму в виде коррупции, взяточничества [8].

В ФРГ сложилась иная ситуация с представительством и реализацией групповых интересов. Немецкая конституция, объявив о свободе союзов, обществ и коалиции, наделила их правом обращаться с соответствующими просьбами к органам государственной власти, т.е. свободного воздействия на исполнительные и законодательные структуры государства. Представители властных структур взаимодействуют с лицами, представляющими групповые интересы в рамках так называемого «регламента деятельности» для бундестага и для федерального правительства. Инициатива в подобных контактах принадлежит депутатам и государственным чиновникам. Помимо этого, имеется «Единое положение о федеральных министерствах», которое дает право последним привлекать к работе над законопроектами вневедомственных экспертов, консультантов, иных представителей «заинтересованных профессиональных кругов». Причем заинтересованные группы могут сами инициировать тот или иной законопроект. Для германского бундестага стало обязательным правило приглашать на обсуждение очередного законопроекта все организации, интересы которых данный законопроект затрагивает.

Своеобразие немецкой политической жизни заключается в том, что депутаты высшего законодательного органа могут свободно, без каких-либо ограничений заниматься лоббистской деятельностью или входить в контакт с лоббистами. От депутата требуется лишь заявить о своих связях с заинтересованными организациями. Относительная свобода действий депутатов в этом направлении дает следующие среднестатистические данные: на каждого депутата Бундестага приходится до 20 внешних лоббистов.

Если немецкое законодательство запрещает государственным чиновникам получать любые вознаграждения со стороны, то в отношении депутатов и партийных функционеров закон рассматривает такой акт, как дар, и налагает на него налог. От депутата закон требует официального оформле-

ния любого пожертвования в его адрес. Такую практику можно классифицировать как подкуп законодателя, при этом не подпадающую под действие закона. Попытки все же ограничить действия депутатов исключительно депутатскими полномочиями не имели успеха. Свобода действий депутатов дает им возможность совмещать свои непосредственные обязанности законодателей с членством в какой-нибудь одной и даже нескольких предпринимательских структурах.

Относительно свободное проявление лоббизма вызывает критическое отношение со стороны германского общества. Сам термин «лоббизм» воспринимается населением негативно. Ряд видных немецких политиков и политологов настаивают на принятии специального закона, ограничивающего и регламентирующего лоббистскую деятельность, прежде всего в законодательном органе страны [9].

Сложившаяся практика лоббистской деятельности показывает, что самым мощным лоббистом был и остается бизнес. Его влияние может выходить за национальные рамки. Существующие законодательства по лоббизму, как правило, особо выделяют деятельность иностранных лоббистов или лоббистов, проводящих интересы иностранной компании или фирмы. Делается это, прежде всего, для того, чтобы оградить интересы национальной экономики.

По значимости и влиянию следующей за группами интересов бизнеса можно поставить их «социального партнера» – профсоюзы, выражающие интересы лиц наемного труда.

Одним из наиболее ранних институтов гражданского общества и одним из видов групп организованных интересов являются наследники средневековых гильдий – профсоюзы. Профессиональные союзы, представляющие собой одну из наиболее крупных и хорошо организованных групп интересов, играют важнейшую роль в гармонизации отношений между гражданским обществом и государством. Профсоюзы, в силу своей природы, выполняют функцию проводника социально-экономических требований в политическую систему. Они действуют как на локальном уровне, так и в масштабах всей страны. В последнем случае профсоюзы, взаимодействуя с элементами политической системы общества, становятся политическим субъектом.

Сила профессиональных союзов основывается на двух базовых факторах. Первым из них является та роль, которую они играют в системе социального партнерства, представляющего собой такой тип системы отношений между работодателями и работниками, при котором в рамках социального мира обеспечивается согласование их важнейших социально-трудовых интересов. В реальной жизни именно социальное партнерство выступает альтернативой любой диктатуре – класса или личности и является цивилизованным методом решения социальных конфликтов на различных уровнях.

В основе социального партнерства лежит не только идея разделения собственности между профсоюзами как представителями трудящихся, работодателями и правительством за результаты принимаемых и реализуемых решений, но и механизм ослабления монополии государственных органов власти на управление экономикой, их опора над всеми слоями общества. Именно это в значительной степени предопределяет его роль как чрезвычайно важного и необходимого компонента становления рыночной экономики, укрепления основ гражданского общества.

На начальном этапе экономических реформ в Казахстане социальному партнерству отводилась роль социального амортизатора. Произошедшие изменения структуры собственности на средства производства привели к существенным переменам трудовых отношениях. В частности, снизился уровень социальных гарантий работников, сократились возможности для легальной защиты их прав. Одним из результатов этого стала высокая дифференциация уровне оплаты труда внутри предприятия, а также между отраслями и регионами.

Однако партнерства в полном смысле этого слова так и не получилось. Практически система трансформировалась в односторонние и согласованные требования профсоюзов и работодателей к правительству. Эта ситуация связана с тем обстоятельством, что и работодатели, и работники заинтересованы в создании условий, которые способствовали бы развитию производства как главного источника решения социальных проблем. Кроме того, общим является и понимание необходимости снижения социальных издержек реформы, логической встраиваемости социальной поли-

тики в политику экономических преобразований.

Вместе с тем, как показали события последнего времени, естественные, присущие работникам и работодателям, интересы имеют и будут иметь разную направленность. Поэтому важнейшим условием совершенствования системы социального партнерства в Казахстане на данном этапе является развитие коллективных трудовых отношений с участием профессиональных союзов как представителей работников на уровне отдельных предприятий и организаций, где социально-экономические условия трудовой деятельности являются более однородными, чем на уровне отраслей и регионов.

В переходный период профсоюзы столкнулись с принципиально новыми реалиями общественной жизни, стали действовать в условиях становления рыночной экономики. Трудящиеся ощущают всю остроту противоречия между трудом и капиталом через такие болезненные явления, как высокий уровень безработицы, наблюдение и нарушение трудового законодательства, произвол новых хозяев и т.д.

В развитии страны стала доминировать государственно-политическая парадигма, а не социально-экономические проблемы. Политические партии и общественные объединения оказались на периферии политической системы, в стороне от реальной власти.

Все это в совокупности потребовало от профсоюзов переосмысления прежних функций, реформирования своей деятельности, оно проходит под воздействием сложного сплетения внешних и внутренних факторов.

В условиях рынка система социальной защиты должна вырабатываться на основе партнерства и взаимного понимания между основными группами населения, социальными институтами, общественными движениями.

Профсоюзы, будучи выразителем социально-профессиональных интересов людей наемного труда в обществе, выполняя роль института социальной защиты, обязаны участвовать в разработке целевых установок экономического и социального развития страны. В условиях рыночных отношений потребность в защите прав и интересов людей будет возрастать. Поэтому в концепции защитной функции профсоюзов должен быть заложен важнейший принцип ее формирования – предупредительный характер.

Другой фактор, определяющий реальное влияние профсоюзов, – возможность объявления забастовки. Возможность дестабилизировать социально-экономическую ситуацию протестными действиями наделяет профсоюзы наибольшей потенциальной силой, чем любую другую группу интересов. Однако с забастовками необходимо обращаться крайне аккуратно. Во-первых, они всегда носят защитный характер, это ответное, а не прямое действие. Во-вторых, ее успех зависит от конкретно складывающихся обстоятельств, таких, как экономическая конъюнктура, уровень рабочей солидарности, социально-политический климат и т.п.

Следует подчеркнуть, что уровень забастовочного движения в Казахстане по сравнению с другими странами находится на весьма низком уровне. Многие казахстанцы признают, что коллективные акции могут служить средством демонстрации пролетарской солидарности и силы, с которыми правительство порой вынуждено считаться, но лишь немногие рассматривают их как действительно эффективное средство политического воздействия на власть.

Профсоюзы, как и ряд других ассоциаций гражданского общества, опираются на группу людей, выделяющихся в обществе особенностями своего существования. Исторически профсоюзы двигались от «закрытых» объединений цехового типа к все более добровольным, полнее соответствующим складывающемуся гражданскому обществу организациям. С самого начала в деятельности профсоюзов сочетались разные функции.

Как отмечает В.Песчанский, профсоюзы с момента своего становления – объективно и порой субъективно – были орудием эмансипации рабочего класса, средством обретения прав ими громадной массы населения. Профсоюзы способствовали становлению рабочих как граждан, как социальных субъектов. Одновременно, отстаивая свое право на существование и свободное функционирование, профсоюзы этим защищали гражданско-политическое право своих членов на организацию, на объединение для защиты своих интересов [10].

Выступая против крайних форм эксплуатации, добиваясь создания и развития различных институтов социальной защиты, профсоюзы боролись за социальные права своих членов, были агентами обретения со-

циального гражданства. В силу этого можно утверждать, что профсоюзы всегда участвовали в становлении гражданского общества, играя в этом процессе важную роль. В современных казахстанских условиях эта роль не менее важна.

Роль профсоюзов в огромном обществе зависит от трех основных моментов: от состояния этого общества, от состояния профсоюзного движения, от состояния и политики государства.

Исторически возникнув как организация рабочего класса, профсоюзы своей деятельностью способствовали изменению характера гражданского общества. Первоначально оно формировалось как общество собственников и для собственников. Основопологающим было право частной собственности. Довольно широкую гамму гражданских и демократических политических прав имели в основном собственники.

Массы несобственников – составляли большинство населения. Понадобилось длительное время и упорная борьба ущемленного большинства, чтобы изменить характер гражданского общества. Профсоюзы как организации наемных работников сыграли огромную роль в этом преобразовании, в приобретении современным гражданским обществом, с одной стороны, качества всеобщности, универсальности, а с другой – социального измерения, наряду с гражданско-политическим.

Как и на Западе, профсоюзы в Казахстане призваны сыграть большую роль в развертывании гражданского общества современного типа – с развитой инфраструктурой, с ограничением неравенства, с борьбой против крайних его форм. Социально-трудовые отношения есть производные от типа общества, которое формируется в Казахстане в результате ее трансформации, а сами они детерминируют тип профсоюза, который станет господствующим в стране. Оптимальной модели социально-трудовых отношений в Казахстане пока не существует. В настоящее время ни старые, ни новые профсоюзы не соответствуют в полной мере ни существующим, ни формирующимся социально-трудовым отношениям, но каждый из них соответствует частично. Перед ними стоит задача трансформации, которая фактически означает конвергенцию. В противном случае профсоюзам не справиться со своей задачей – формированием основ гражданского общества.

Кроме того, повторяется во многом уже описанная в литературе ситуация: «Система функционального представительства – особенно в ее “корпоративистском” варианте, решающую роль в которой стали играть предпринимательские ассоциации и профсоюзы, оказалась со временем скорее препятствием, нежели стимулятором перемен, диктуемых потребностями научно-технического прогресса и структурной перестройки экономики, полной занятости и традиционной технологии; профсоюзы стали использовать свою позицию силы в системе политического управления для сдерживания назревших перемен. Узкокорпоративный интерес стал брать верх над общенациональным. Одновременно корпоративистский “треугольник” государство – бизнес – профсоюзы стал оттеснять на задний план институты парламентской демократии, начала снижаться роль партии, партийно-парламентской системы вообще» [1].

В результате получил подкрепление тезис о «неуправляемости общества». Наряду с явным перекося в сторону институциональных заинтересованных групп и слабостью организаций, объединяющих индивидуальных и коллективных членов на основе добровольности. Ни предпринимательские ассоциации, ни профсоюзы не являются объединениями, имеющими достаточный авторитет и влияние, чтобы адекватно представлять своих членов. Влияние же фирм, холдингов, финансово-промышленных групп растет. Для усиления роли профсоюзов в системе институтов гражданского общества необходимым представляются:

1. Оказание профсоюзам новых услуг и создание соответствующих служб: сбор и предоставление информации, облегчающей совещательные процедуры между профсоюзами и соответствующими отраслевыми объединениями предпринимателей.

2. Вовлечение новых членов. Для профсоюзов это означает распространение своего влияния, прежде всего, на молодежь, женщин, работников малых и средних предприятий и неформального сектора, а также на безработных.

3. Расширение международного сотрудничества. Профсоюзы заинтересованы в развитии международных связей, в налаживании прямых контактов с коллегами из других стран, в частности занятых в транснациональных компаниях. Несмотря на правовые барьеры и различия в культуре

отдельных стран, подобные встречи помогают обмену полезным опытом, укрепляют связи и солидарность, участников профсоюзного движения.

4. Формирование новых объединений. Неправительственные организации, союзы потребителей, объединения работодателей и профсоюзы, которые преследуют различные, но в чем-то сходные цели, становятся все более важным резервом общественных сил, заинтересованных в решении комплексных социальных проблем, таких, как права человека, торговая политика, экологическое развитие и окружающая среда. Создание нетрадиционных альянсов такого рода организацией в конечном счете поможет расширению поля социального согласия и ускорит прогрессивное развитие страны.

Анализируя реальное состояние и перспективы дальнейшей эволюции возникших в стране за последнее десятилетие институциональных структур гражданского общества, приходим к выводу, что большинство казахстанских профсоюзов и предпринимательских ассоциаций демонстрируют слабое понимание интересов партнера (а нередко – и своих собственных) и низкий уро-

вень толерантности в межгрупповых отношениях. Слабость и незрелость казахстанских профсоюзов – прямое следствие их молодости и неопытности, смутного представления о том, как следует действовать в новых условиях. В политическом отношении казахстанские профсоюзы раздроблены: весьма скромны их успехи и в выполнении своих общественных функций.

В то же время в деятельности казахстанских профсоюзов можно обнаружить позитивные моменты во взаимоотношениях со всеми контрагентами – с работодателями, государством и обществом. Отношения с работодателями многие профсоюзы стремятся перевести в плоскость права. Наблюдаются немалые «подвижки» и в отношениях профсоюзов с государством. Часто критикуемые за популизм и бесплодность своих попыток повлиять на власть путем проведения массовых акций протеста, профсоюзы, тем не менее, добиваются с их помощью привлечения внимания власти и общественности к наиболее острым проблемам наемных работников и тем самым оказывают пусть косвенное, но реальное влияние на социально-экономическую политику.

Литература

1. Гринин А. Тюремные тетради / Избранные произведения. Т.3. – М., 1959.
2. Almond G. Comparative study of interest groups and political process // American Political Science Review. – P., 1958. – P. 52.
3. Almond G., Powell G. Comparative Politics: A Developmental Approach. – Boston, 1966.
4. Duverger M. Sociologie politique. – 1968. – P. 441.
5. Токиль А. Демократия в Америке. – М., 1992. – С. 378.
6. Аяган Б.Г. Политическая мысль в Казахстане в начале и в конце XX века: опыт сравнительного анализа // Мысль. – 2001. – №1. – С. 85.
7. Зяблюк Н.Г. Лоббизм в США как политический институт // США. Экономика. Политика. Идеология. – 1995. – №1.
8. Лейсан В.А. Лоббизм. – М., 1995.
9. Вяткин К.С. Лоббизм по-немецки // Подис. – 1998. – №1.
10. Пещанский В. Профсоюзы в гражданском обществе // МЭиМО. – 1994. – №1. – С. 102.
11. Перегудов С. Гражданское общество в политическом измерении // МЭиМО. – 1995. – №12. – С. 83.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА

Зайниева Л.Ю.

Молодежная политика является одним из важных направлений деятельности современного государства. Многими странами накоплен богатый и интересный опыт решения молодежных проблем. Важно не повторять ошибок, использовать зарубеж-

ный опыт с учетом своих особенностей развития, условий и практики. Привлечение зарубежного опыта важно и с точки зрения активной интеграции Казахстана в мировое сообщество. Рассмотрим некоторые вопросы, играющие ключевую роль в раз-

работке и реализации государственной молодежной политики.

Одно из необходимых условий осуществления государственной молодежной политики – ее правовое обеспечение. В мировом сообществе накоплен немалый опыт разработки и принятия законов о молодежной политике, получивший особенно заметное обогащение во второй половине XX века. К середине 80-х годов законодательство о молодежи отличалось большим разнообразием подходов. Этому в немалой степени способствовали подготовка и проведение Международного года молодежи в 1985 году, реализация резолюции сороковой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций «Руководящие принципы для дальнейшего планирования и осуществления соответствующих последующих мер, касающихся молодежи» от 18 ноября 1985 года, в которой правительствам предлагалось «рассмотреть, обновить и, в случае необходимости, улучшить национальные законы, касающиеся молодежи, приводя их в полное соответствие с международными нормами, установленными в соответствующих международных документах» [1].

В Казахстане истоки создания специального закона о политике государства по отношению к молодежи восходят к разработке и принятию в апреле 1991 года Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», так как параллельно шел процесс создания республиканских законодательных актов. В Казахстане работа протекала активно: спустя два месяца, в июне 1991 года, еще до августовского путча, был принят Закон «О государственной молодежной политике в Казахской ССР».

Однако различные изменения, происшедшие в жизни государства, привели к тому, что многие статьи указанного Закона вошли в противоречие с действующей Конституцией и современным законодательством. Возникла потребность в новом законе, отвечающем реалиям сегодняшнего дня. Отсутствие его способствует накоплению проблем в развитии молодого поколения страны.

В октябре 1996 года Президентом Казахстана Н.А.Назарбаевым Правительству республики сделано распоряжение подготовить проект Закона «О молодежи» и внести на рассмотрение Парламента Рес-

публики Казахстан в первом квартале 1997 года. В январе 1997 года Правительство включило в план законодательных работ новый законопроект «О молодежи», но затем в мае этого же года исключило его. 28 августа 1999 года распоряжением Президента Республики Казахстан утверждена «Концепция государственной молодежной политики Республики Казахстан». 17 февраля 2001 года Постановлением Правительства утверждена государственная программа «Молодежь Казахстана».

Свидетельством внимания общества молодежи явились парламентские слушания по вопросу «Государственная молодежная политика в Республике Казахстан», состоявшиеся 15 июня 2001 года. Слушаниям предшествовала большая подготовительная работа. Депутаты выезжали в округ, встречались с молодежью. Состоялись выездные заседания Комитета по социально-культурному развитию Мажилиса Парламента РК. В слушаниях приняли участие спикеры обеих палат Парламента, руководители различных правительственных структур, делегация из всех областей республики, представители профсоюзов, неправительственных организаций, многих молодежных организаций, средств массовой информации и др. Участники слушаний обсудили проблемы молодежи и пути активного вовлечения ее во все сферы жизни общества, целесообразность принятия специального закона о молодежной политике.

В мае 2002 года был опубликован проект Закона Республики Казахстан «О государственной молодежной политике в Республике Казахстан». Мажилис Парламента РК своим специальным постановлением поручил Комитету по социально-культурному развитию рассмотреть данный проект закона и подготовить по нему заключение [2]. 29 мая 2003 года этот законопроект был рассмотрен. В обсуждении его приняли участие первый вице-министр культуры, информации и общественного согласия О.Рябченко, представители молодежных объединений. В процессе работы над законопроектом депутаты обсудили около ста поправок. Было высказано мнение, что для продолжения работы над законопроектом необходимо заключение Правительства относительно отдельных его положений, требующих финансовых затрат [3].

Успех реализации самого хорошего закона, осуществления государственной

молодежной политики в целом во многом связан с ее кадровым обеспечением, наличием дееспособных структур.

На Международном Симпозиуме по вовлечению молодых людей в жизнь общества, проведенном ООН в тесном сотрудничестве с Институтом по делам молодежи Министерства по социальным вопросам Испании в Толедо (июнь 1990 года), отмечалось: «Должны быть созданы такие национальные структуры по осуществлению политики в отношении молодежи, чтобы они могли координировать участие всех секторов правительства, всех слоев общества и самой молодежи в разработке и осуществлении политики в отношении молодежи, чтобы у них был непосредственный выход на высшие директивные органы страны. Поэтому эти структуры должны отражать политическую приверженность правительства и в то же время способствовать использованию целостного подхода, без которого не может быть полноценного осуществления национальной политики в отношении молодежи» [4]. Пути создания таких структур государствами – различны.

Представляется целесообразным привести опыт Швеции. Работа с молодежью в этой стране выделена в особое направление деятельности государства. В 1986 году правительство установило должность министра по делам молодежи, спорта и туризма, который является членом правительства. Министр отвечает за государственную поддержку молодежных организаций, организацию досуга молодежи (спорт и туризм – в частности), обеспечивает контроль за молодежной политикой и ежеквартальное информирование правительства по этим вопросам.

С этой целью министру, кроме Совета по спорту и туризму, подчинен специально созданный в 1986 году Совет по делам молодежи с небольшим количеством штатных работников, который обязан обеспечивать координацию деятельности различных министерств на стадии выработки и принятия решений в той части, в которой они касаются молодежи, и представлять правительству ежеквартальную информацию об улучшении условий жизни, труда и развития молодежи, основанную на научных исследованиях.

Министр по делам молодежи может остановить принятие любого правительственного решения, если оно не отвечает

принципам и задачам молодежной политики. А в случае, когда переговоры на рабочем уровне не дают возможности урегулировать противоречия, имеет право обращаться к премьер-министру, который обязан создать специальную комиссию для изучения конфликта и выработки компромиссного решения [5].

Процесс создания и реформирования структур по осуществлению государственной молодежной политики в Казахстане выглядит следующим образом. 17 декабря 1990 года Указом Президента Казахстана образован Государственный Комитет Казахской ССР по делам молодежи, физической культуре и спорту. Вскоре, Указом Президента Н.А.Назарбаева от 31 августа 1991 года, он был преобразован в Государственный комитет Республики Казахстан по делам молодежи. В декабре этого же года постановлением Кабинета Министров Республики Казахстан было утверждено «Положение о Государственном комитете Республики Казахстан по делам молодежи». Главными задачами комитета были определены: осуществление государственной молодежной политики в Республике Казахстан и выработка действенного механизма ее реализации; разработка и реализация комплекса социально-экономических, политических, в том числе правовых и организационных мер, различных конкретных республиканских программ, обеспечивающих социальную защищенность и поддержку молодежи, регулирование занятости, профессиональной переподготовки молодых людей, осуществление международных молодежных связей и др.

В числе задач Комитета были обозначены также: активное участие в разработке проектов законодательных актов Республики Казахстан, решений Кабинета Министров РК и других республиканских правовых актов, касающихся молодежи; координация деятельности республиканских министерств, ведомств и органов общественных организаций по вопросам реализации государственной молодежной политики, своевременному решению возникающих молодежных проблем, определению путей и форм внедрения в жизнь насущных социально-экономических и духовных запросов молодежи; сбор, координация и анализ всей имеющейся в республике информации о молодежи, организация на этой базе научных исследований, про-

гнозирование процессов в молодежной среде и результатов проводимых мероприятий; подготовка и рациональное использование молодежных кадров, пропаганда молодежного движения.

В 1993 году были упразднены Государственный комитет по делам молодежи и Министерство туризма, физической культуры и спорта. Указом Президента республики от 17 декабря 1993 года создан вместо них единый орган: Министерство по делам молодежи, туризма и спорта Республики Казахстан. Сделано это, как подчеркнуто в Указе, во исполнение действующего законодательства о единой государственной молодежной политике, а именно: создание условий для всестороннего развития и социального становления молодежи, реализация в интересах республики ее научного и творческого потенциала, осуществление единой государственной политики в области международного и внутреннего туризма, развитие отрасли физической культуры и спорта, укрепления материально-технической базы этих сфер.

На Министерство по делам молодежи, туризма и спорта возложили координацию деятельности министерств и ведомств, предприятий, учреждений независимо от их ведомственной подчиненности, а также взаимодействие с общественными объединениями в области молодежной политики, туризма, физической культуры и спорта; разработку и реализацию государственных программ, направленных на осуществление молодежной политики, развитие туризма, физической культуры и спорта; реализацию законов «О государственной молодежной политике в Казахской ССР» и «О туризме», подготовку предложений по совершенствованию законодательства РК по проблемам молодежной политики, туризма, физической культуры и спорта.

В 1997 году в связи с очередным реформированием систем государственных органов Казахстана Министерство по делам молодежи, туризма и спорта РК было упразднено, а его функции и полномочия по управлению имуществом и делами переданы созданному Министерству образования и культуры Республики Казахстан [6].

Позже вопросами молодежи стал заниматься отдел молодежной политики Министерства культуры, информации и общественного согласия РК. В 2002 году наметилось повышение статуса структуры, за-

нимающейся государственной молодежной политикой. В Министерстве культуры, информации и общественного согласия РК теперь функционирует Департамент молодежной политики.

Постановлением Правительства РК от 31 июля 2000 года утверждено Положение о Совете по делам молодежи при Правительстве Республики Казахстан. Он является консультативно-совещательным органом, осуществляет свою деятельность во взаимодействии с государственными органами, общественными объединениями, также международными и иными организациями других государств. Основной целью Совета обозначена выработка предложений по важнейшим вопросам молодежной политики в стране. В числе задач: изучение и анализ молодежных проблем; разработка предложений по формированию приоритетных направлений государственной молодежной политики; анализ и экспертиза проектов законодательных и иных нормативных правовых актов по вопросам молодежи; разработка приоритетных направлений международного молодежного сотрудничества; информирование государственных органов управления Республики Казахстан о состоянии и перспективах реализации государственной молодежной политики. Организационно-техническое обеспечение деятельности Совета возложено на Министерство культуры, информации и общественного согласия РК [7].

Большое значение имеет информационно-аналитическое обеспечение государственной молодежной политики. МКЦИО в рамках единой информационной политики государства проводит работу по актуализации деятельности средств массовой информации в целях освещения проблем молодого поколения и молодежной политики в республике, информационной поддержки инициатив молодежи.

Положение молодежи в обществе, вклад в развитие страны, потенциальные возможности молодого поколения, наиболее острые молодежные проблемы, оптимальные пути и методы решения текущих и перспективных задач содержат доклад о положении молодежи и молодежной политике. Подготовка таких докладов практикуется ООН, а также на национальном уровне. Интересен опыт Российской Федерации. Традиционно доклады готовятся в Научно-исследовательском центре при

Институте молодежи (с ноября 2000 года – Московская гуманитарно-социальная академия) с привлечением ведущих ученых, практических работников различных учреждений и организаций, активистов молодежных общественных объединений. Источниковой базой докладов служат правительственные документы, данные министерств и ведомств, органов власти субъектов Российской Федерации, сведения государственной статистики, материалы социологических исследований и докладов о положении молодежи в регионах, научные труды и публикации в периодической печати и др.

Первый доклад был опубликован в виде книги под названием «Молодежь России: Тенденции, перспективы» [8]. Последующие два доклада посвящены проблемам воспитания жизнеспособного молодежного поколения и социальному статусу молодежи, ее месту и роли в различных сферах общественной жизни. В дальнейшем в докладах наметилась тенденция освещения положения молодежи и государственной молодежной политики за два года. Так, в 1998 году опубликован государственный доклад «Положение молодежи в Российской Федерации и государственная молодежная политика», в котором содержатся основные показатели положения российской молодежи и оценка эффективности мер в области государственной молодежной политики за 1996–1997 годы [9]. Изданы в России два сборника документов, посвященные государственной молодежной политике в российском законодательстве.

Развивается практика подготовки докладов в Республике Казахстан. Впервые опубликован государственный доклад «Молодежь Казахстана – 2000: положение, тенденции, перспективы», подготовленный рабочей группой Министерства культуры, информации и общественного согласия совместно с Агентством по статистике. В докладе использованы материалы, представленные Агентством по статистике, Министерством юстиции, Центром правовой статистики и информации при Генеральной прокуратуре, Министерством труда и социальной защиты и другими ведомствами. В докладе освещаются проблемы, связанные с социально-демографическими процессами, экономическим положением, социальным статусом,

политической культурой, самоидентификацией, ценностными ориентациями молодежи, образованием и рынком труда, а также вопросы реализации государственной молодежной политики в Казахстане. Основная часть доклада подготовлена с привлечением результатов социологического исследования в рамках проекта «Молодежь Казахстана – 2000».

Доклад опубликован в сборнике «Государственная молодежная политика Республики Казахстан», в котором также помещены «Концепция государственной молодежной политики Республики Казахстан», программа «Молодежь Казахстана» [10]. В основном же документы публикуются в периодической печати, чаще – в «Казахстанской правде».

Представляет интерес деятельность информационно-молодежных центров. Их сеть довольно широко развита в Испании, Португалии, России, других государствах. В Германии центры имеются во всех крупных городах. В Бонне, например, центр входит в структуру молодежного ведомства города. В нем на общественных началах трудятся лидеры и другие представители молодежных организаций. Сотрудники центра стремятся дать конкретные и быстрые ответы на разнообразные вопросы молодых людей, заданные по телефону или лично: где можно интересно провести время, до которого часа разрешено гулять подросткам на улице, где можно найти работу за рубежом, как уберечься от СПИДа и др. Оперативным ответам способствуют постоянно пополняющийся банк информации, богатый книжный фонд. Для пользования Интернетом имеются компьютеры. Сотрудники центра проводят работу не только с молодыми людьми, но и с родителями [11].

Кроме оперативной информационной помощи молодежи по интересующим ее вопросам, центры могли бы оказывать информационно-консультативные услуги молодежным структурам, быть связующим звеном между институтами общества и молодежью, прежде всего местными органами власти. Организаторами таких центров, возможно, могли выступить местные администрации, они вполне органично вписались бы в систему социальной службы для молодежи.

Необходимость создания социальных служб нашла отражение в Законе «О госу-

дарственной молодежной политике в Казахской ССР». В 1993 году Кабинетом Министров республики принято постановление «О создании социальных служб для молодежи». Утверждено «Положение о социальной службе для молодежи». Для ознакомления с полезным зарубежным опытом в этой области в конце 1993 года группа работников Государственного комитета РК по делам молодежи и специалистов по службам побывала в Германии. В марте 1995 года было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере молодежной политики между Министерством по делам молодежи, туризма и спорта Республики Казахстан и Федеральным министерством по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи ФРГ. В сентябре 1995 года в Павлодаре состоялся международный семинар «Социальная помощь молодежи: проблемы и перспективы», в котором, кроме педагогов и специалистов по молодежным проблемам из всех областей Казахстана, приняли участие их коллеги из Германии.

Литература

1. Международные документы по молодежной политике // Социум. – 1993. – С. 67.
2. Казахстанская правда. – 14 мая 2002 года.
3. Там же. 30 мая 2003 года.
4. Международные документы по молодежной политике. С. 150–151.
5. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. – М. Голос, 2001. – С. 604–605.
6. Зайниева Л.Ю., Омаров Ш., Сыдыков У.Е. Политические процессы в молодежной среде. – Астана: Елорда, 1998. – С. 72–76.
7. Государственная молодежная политика Республики Казахстан. – Астана, 2001. – С. 88–90.
8. Молодежь России: Тенденции, перспективы. – М.: Молодая гвардия, 1993. – 224 с.
9. Положение молодежи в Российской Федерации и государственная молодежная политика. Государственный доклад. – М., 1998. – 164 с.
10. Государственная молодежная политика Республики Казахстан. – Астана, 2001. – 160 с.
11. Казахстанская правда. – 8 января 2003 года.

АУТСАЙДЕРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Алимова С.

Масштабные социально-экономические и политические преобразования фактически в течение одного десятилетия полностью изменили природу казахстанской государственности. Практически не осталось ни одной сферы общественной жизни, которая не претерпела бы существенных изменений и глубоких трансформаций. И, тем не менее, трудно согла-

В настоящее время социальные службы различной организационно-правовой формы осуществляют деятельность в области социальной поддержки молодежи предоставления медицинских, психологических, педагогических, правовых услуг, а также помощи в социально-психологической адаптации и реабилитации молодых людей и др. Количество социальных служб растет: в конце 2002 года их в Казахстане насчитывалось не менее 100 единиц. К сожалению, не во всех регионах местной власти имеют возможность изыскать достаточное количество средств для функционирования молодежных социальных служб, что, в свою очередь, мешает их полноценной и регулярной деятельности. Умелое использование зарубежного опыта способствует совершенствованию государственной молодежной политики. Принятие нового Закона в Казахстане, последующая работа по его реализации должны улучшить положение молодежи, повысить ее роль в жизни страны.

ситься с положением, трактуемым некоторыми исследователями аксиоматически, о том, что процесс модернизации представляет собой перманентное и динамическое движение от более низкого к более высокому, от однозначно отжившего безусловно перспективному. Общественная практика со всей очевидностью свидетельствует, что рост многих ее параметров

ров сопровождается распадом и регрессом других.

Говоря о неотвратимости и благотворности процесса модернизации, некоторые исследователи предпочитают замалчивать его драматические последствия для миллионов людей, персональная жизнь и судьба которых тесно и неразрывно связана с теми глубинными изменениями, которые претерпевает казахстанское общество. Таким образом, из сферы исследовательского интереса зачастую исключается всеохватывающий анализ того, что, по нашему мнению, составляет не фон, а выражение глубинной сущности этого явления: барьеры и препятствия, противоречия и срывы, откаты и попятные движения модернизации. Рассуждения о либерально-демократических ценностях в таком контексте наполняются демагогическим содержанием. Данное обстоятельство крайне негативно сказывается на восприятии самой идеи модернизации, стратегии политического реформирования массовым общественным сознанием.

Переход к новой парадигме политического развития неизбежно сопровождается кардинальными общественными потрясениями. Изменения такого радикального типа характеризуются возрастанием внутренней конфликтности общества, сопровождаются негативными последствиями, усложняющимися, тормозящими и даже в некоторых случаях срывающими этот процесс. В условиях структурной неопределенности общества, потери им организационной целостности, разрушения его ценностной системы, в течение длительного времени являющейся скрепляющей, и в то же время – резкого возрастания масштабов человеческих потребностей, оказывающих определяющее влияние на политический процесс, общество может в значительной степени или полностью потерять способность к рациональной модернизации. Это приводит к кризису или стагнации в его развитии.

Характеризуя изменения в мироощущениях миллионов казахстанцев, следует указать на некоторые позитивные моменты, соответствующие устремлениям модернизирующегося общества. Это, прежде всего, возрастание чувства личной свободы, которое проявляется в свободе выражения своих политических пристрастий и возможности политического выбора. Но

одновременно следует указать на формирование и повсеместное распространение такого, деструктивного по существу, явления, как утрата чувства определенности в отношении будущего. У значительной части граждан (преимущественно старшего и среднего возраста) развиваются пессимизм и отчаяние, парализующие чувства напрасно прожитой жизни. Это не только реакция на снижение социального статуса, падение жизненного уровня большинства граждан, социально-экономическую дифференциацию общества, безработицу, появление такого феномена, как абсолютная нищета, которые вполне укладываются в «социально-экономический синдром модернизации» (Д.Лернер).

«Участь аутсайдеров ужасна» (Дж.Аттали) прежде всего потому, что их жизнь сведена к элементарному «выживанию». Они ощущают свою «невписанность» в реальную жизнь, и тем более – в перспективный проект общества. Они перестали идентифицировать себя с обществом, «признавать себя узлом сети взаимоотношений людей» (Дж.Дель Веккьо). Отсюда драматическое снижение уровня гражданской самоидентификации, пессимистическое восприятие современного политического порядка и скептическое – в отношении будущего. Консервация подобного состояния казахстанского общества будет свидетельством не только экономической слабости, но и фактором, перманентно провоцирующим политическую нестабильность государства.

Многочисленные социологические исследования общественного мнения подтверждают наличие такой тенденции в современном Казахстане. В частности, результаты социологического опроса, проведенного Институтом развития Казахстана и информационно-аналитическим журналом «Саясат-полису» в декабре 2001 года с целью выяснения общественного мнения об уровне эффективности общественных преобразований за десять лет государственного суверенитета Республики Казахстан, выявили неоднозначную и противоречивую электоральную позицию опрошенных в отношении перспектив будущего общественно-политического развития страны. Так, 34,1% респондентов высказало мнение, что в стране устанавливается авторитарный режим. 33% опрошенных считает, что республика стре-

мится к построению демократического общества. 5,7% – связывает будущее государства с восстановлением тоталитарного режима. И довольно значительная часть респондентов не смогла адекватно определить свою позицию, затрудняясь ответить на поставленный вопрос (18,2%) [1].

Можно утверждать, что в этих условиях ценности, традиционно трактовавшиеся как сугубо экономические или социальные (материальное благополучие и процветание, социальное партнерство и солидарность, высокий социальный статус, психологический комфорт и т.д.), приобретут вполне определенное и при этом, на наш взгляд, мощное политическое измерение. Это связано с тем, что в массовом

общественном сознании успешность и результативность политического реформирования прежде всего ассоциируются с уровнем и качеством жизни, партнерскими и равноценными взаимоотношениями общества и государства. И это вполне понятно, так как люди восприимчивы прежде всего к тем аспектам жизни, которые самым непосредственным образом определяют их повседневность, судьбу и перспективу их детей.

Идея экономического процветания неизбежно находит отклик в массовом сознании. Следует отметить в этой связи, что респондентов политологов связывает с современным этапом развития политической системы в Республике Казахстан с доминированием социально-экономической парадигмы [2]. Начиная с 1998 года в Казахстане наметилась тенденция устойчивого экономического роста. Макроэкономические показатели экономики (ВВП, объем промышленного производства, номинальные денежные доходы населения и др.) имеют положительную динамику (табл. 1).

Таблица 1
Индексы основных социально-экономических показателей за 1998–2001 гг. [3]

	1998	1999	2000	2001
Валовой внутренний продукт (млрд тенге)	1733,3	2016,5	2599,9	3258,8
Валовой внутренний продукт (в % к предыдущему году)	98,1	102,7	109,8	113,8
Объем промышленного производства (в % к предыдущему году)	97,6	102,7	115,5	112,8
Номинальные денежные доходы населения (в среднем на душу населения в месяц, тенге)	-	5539	6102	7312
Реальные располагаемые среднедушевые денежные доходы населения (в % к предыдущему году)	99,8	104,4	103,6	106,8

Наличивают, казалось бы, позитивные сдвиги и по некоторым другим показателям социально-экономического развития Казахстана. В частности, согласно базисным расчетам Агентства Республики Казахстан по статистике, общая численность безработных за период 1998–2001 годы уменьшилась с 925,0 тысяч до 780 тысяч человек, т.е. на 2,7%. Уровень безработицы к экономически активному населению также уменьшился на 0,8% (табл. 2). И, тем не менее, экономический рост равно как и снижение уровня безработицы и бедности (если судить по данным статистики), еще не означает достижение положительных результатов в области социаль-

Таблица 2
Динамика показателей уровня безработицы на казахстанском рынке труда за 1998–2001 гг. [3]

	1998	1999	2000	2001
Уровень экономической активности населения, в %	86,9	86,5	87,2	88,1
Общая численность безработных, тыс.	925,0	950,0	906,4	780,0
Уровень безработицы, в %	13,1	13,5	12,8	11,9

ной политики государства. Данное положение было отмечено Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым. Формулируя долгосрочные стратегические приоритеты государственной политики, Президент констатировал: «Экономический рост сам по себе не сможет гарантировать благополучия наших граждан» [4].

Действительно, чисто механическая фиксация положительных сдвигов в социально-экономической сфере не проясняет и не объясняет глубинной сущности многих проблем, которые приобрели в современном Казахстане острый характер. В частности, положительные, казалось бы, сдвиги в области занятости и уменьшение уровня безработицы (по данным официальной статистики) объясняются не только улучшением экономических показателей развития страны. Следует учитывать и специфические формы проявления казахстанского рынка труда. Существование теневой экономики, нелегального рынка труда, возможность иметь двойной источник дохода (неучитываемый – в неформальном секторе и одновременно получать социальное пособие по безработице) способствуют тому, что данные, приводимые официальной статистикой, не адекватны реальным. Кроме того, специалисты называют и другие причины, которые искажают подлинную картину: скрытые формы безработицы, несовершенная методика исчисления, отсутствие точных данных о количестве экономически активного населения и др.

Достаточно затруднителен, если опираться только на официальные статистические данные, всеохватывающий и адекватный анализ и других социальных проблем, обострившихся с начала переходного периода. Например, рост бедности, который приобрел в Казахстане лавинообразный и массовый характер. Остановка и банкротство предприятий, рост безработицы, инфляция, острый финансовый дефицит социальной сферы, массовые миграционные процессы на постсоветском пространстве и др. способствовали появлению такого трагического явления, как «абсолютная нищета». По нашему мнению, при анализе данного феномена явно недостаточно оперировать только экономическими и социальными критериями оценки. Бедность имеет и вполне осязаемые политические измерения и аспекты.

Она неконструктивна и, более того, деструктивна по существу. Бедность не только «выдавливает» человека из настоящего, она лишает его будущего. Очевидно, что именно это широко распространенное в обществе ощущение «невписанности» в социальную жизнь, и тем более в перспективный общественный проект, является одной из главных причин формирования самых драматических фактов казахстанской повседневности: роста алкоголизма и наркомании, преступности и суицида, общественной депрессии и парализующего чувства равнодушия к собственной судьбе. Кроме того, это является одним из наиболее весомых мотивов, определяющих рост многообразных форм протестного поведения, вплоть до самых экстремистских. Чрезвычайно правильное понимание политического измерения данного явления, опасности роста и углубления бедности для общества, движимого модернизаторскими импульсами, проявил Улоф Пальме, констатировавший: «Бедность – это цепи для человека... Сегодня подавляющее большинство людей считает, что свобода от нищеты и голода гораздо важнее многих других прав. Свобода предполагает чувство уверенности. Страх перед будущим, перед насущными экономическими проблемами, перед болезнями и безработицей превращает свободу в бессмысленную абстракцию... Наиболее важным фактором уверенности является работа. Полная занятость означает колоссальный шаг вперед в предоставлении свободы людям. Потому что, помимо войны и стихийных бедствий, не существует ничего, чего люди боялись бы больше, чем безработицы» [6].

Адекватный и всеохватывающий анализ масштабов и причин распространения бедности в современном Казахстане, построенный только на основе данных официальной статистики, чрезвычайно затруднителен. Наличие теневой экономики, невозможность точного учета нелегальных доходов, расплывчатость критериев дифференциации населения по экономическому положению, сомнительность принятого в республике расчета прожиточного минимума по потреблению низкодоходного населения и др. не дают возможности учитывать ни динамику уровня жизни населения по стране в целом, ни реальные потребности людей. Это создает вполне определен-

ные трудности для конструктивной реализации стратегического курса государства в области социальной политики.

Обратимся к материалам социологических исследований. В марте 2002 года Институтом развития Казахстана и информационно-аналитическим журналом «Саясат-полісу» был проведен опрос жителей г. Алматы с целью изучения общественного мнения по вопросам функционирования социальной политики государства. Один из аспектов исследования связан с выявлением причин, масштабов и отношения граждан к бедности. Респондентам было предложено конкретизировать задачи социальной политики государства и определить их приоритетность (табл. 3). Однако, как свидетельствуют материалы, полученные в результате опроса, только 65,2% респондентов однозначно признает возможность проведения оптимальной социальной политики государства в современных условиях. 28,7% опрошенных отметило, что не ощущает

Таблица 3

Оценка респондентами приоритетности задач социальной политики государства [6]

Задачи социальной политики государства	Респонденты, %
Борьба с бедностью	56,8
Социальное обеспечение граждан	51,3
Повышение качества и доступности медицинского обслуживания	45,2
Развитие и реформирование сферы образования	40,9
Дальнейшее осуществление пенсионной реформы и предоставление гарантий сохранности пенсионных накоплений вкладчиков	40,0
Решение проблемы занятости населения	38,3
Поддержка стабильности межэтнических отношений	33,0
Защита прав и свобод граждан	29,6
Контроль за ростом цен и инфляцией	25,2
Поощрение и стимулирование предпринимательской деятельности населения	16,5
Реформирование сферы культуры, проведение мероприятий массового характера	10,4
Улучшение демографической ситуации	7,8
Развитие спорта	7,0
Все перечисленное	23,5
Никакие из названных	0,9
Затруднились ответить	1,7

разницу от того, регулируется или не социальная сфера государством. 6,1% затруднилось с определением собственной позиции.

Симптоматично, что, при оценке респондентами приоритетности задач социальной политики государства, очень незначительное количество опрошенных (1,7%) не смогло определиться с собственной позицией. И в то же время 23,5% респондентов считает, что оптимальная социальная политика государства должна в качестве приоритетных рассматривать все возможные направления работы. Как свидетельствуют данные опроса общественного мнения, большинство респондентов в качестве ведущего приоритета социальной политики определило борьбу с бедностью (56,8%).

Выше нами отмечалось, насколько затруднительно адекватное определение бедности, и даже с привлечением возможностей статистики, которая исходит, казалось бы, из точного количественного расчета. В качестве критерия бедности в Казахстане официально используется двукратный размер расчетного показателя, утверждаемый Законом о республиканском бюджете. Но данный Закон отражает в большей степени состояние и возможности бюджета, а не исходит из реальных потребностей населения. Кроме того, критерий уровня бедности никогда не бывает полностью объективным. Сопоставление позиции государства и общественного мнения по этому вопросу подтверждает справедливость этого тезиса. Ни один из респондентов не высказал сомнения из-за затруднения в связи с определением своей позиции. Следует отметить, что такая ситуация довольно редко встречается при проведении опросов общественного мнения. В качестве критериев бедности были определены следующие:

- неспособность людей к удовлетворению своих базовых потребностей (в пище, жилье, одежде и др.) – 67,8%;
- отсутствие стабильного заработка постоянной работы – 48,7%;
- отсутствие дополнительных источников дохода, кроме заработной платы, пенсии или стипендии – 40,9%;
- ограничение доступа к материальным благам социально уязвимых слоев населения (инвалидов, многодетных семей, сирот и др.) – 38,3%;

- ограничение доступа к благам нематериального характера (культурная изоляция, ограничение в выборе профессии и образования) – 28,7%;

- отсутствие возможности свободного передвижения внутри и за пределами страны – 16,5%;

- отсутствие возможностей приобретения средств роскоши или престижа – 13,0%;

- все перечисленные критерии – 15,7%.

Результаты опроса общественного мнения показали, что респонденты осознают, насколько сложным и многомерным феноменом является бедность. Вполне понятна отсюда позиция 21,7% респондентов, которые высказали мнение о невозможности ее искоренения, т.к. бедность существовала всегда. Только 4,3% опрошенных высказалось за возможность полной ликвидации бедности. И, тем не менее, абсолютное большинство респондентов так или иначе признает возможность если не полного ее искоренения, то сведения к определенному минимуму.

По мнению этих респондентов, оптимизация социальной политики государства в данной области связана с активизацией следующих направлений его деятельности (табл. 4).

Таким образом, результаты опроса общественного мнения показали, что респонденты в полной мере осознают сложность и многомерность феномена бедности, равно как и объемность задач, которые предстоит решать государству в области социальной политики. Можно констатировать также, что в массовом общественном со-

Литература

1. Оценка общественных преобразований за 10 лет независимости (результаты опроса жителей г. Алматы) // Саясат. – 2002. – №1. – С. 39–40.
2. Нысанбаев А., Машан М., Мурзалдин Ж., Тулегулов А. Эволюция политической системы Казахстана. Т.2. – Алматы: Главная редакция КЭ, 2001. – 544 с.
3. Статистический ежегодник Казахстана: Сборник статей / Под ред. А.Смаилова. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2002. – С. 131–132.
4. Назарбаев Н.А. Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание Президента страны народу Казахстана. – Алматы: Білім, 1998. – С. 61.
5. Пальме У. Шведская модель. Цит. по: Кара-Мурза С. Идеология и мать ее наука. – М.: Алгоритм, 2002. – С. 219.
6. Социальная политика и бедность (результаты опроса жителей г. Алматы) // Саясат. – 2002. – №3–4. – С. 76–79.

Таблица 4

Меры государства по борьбе с бедностью [6]

Государственные меры	Респонденты, %
Увеличение прямой адресной поддержки наиболее уязвимых слоев населения	34,8
Создание новых рабочих мест посредством развития малого и среднего бизнеса	31,3
Принятие дополнительных государственных программ по борьбе с бедностью	31,3
Повышение эффективности деятельности служб занятости	26,1
Создание центров повышения квалификации работников и временного трудоустройства	19,1
Совершенствование системы распределения доходов государства	11,3
Совершенствование законодательной базы в области социальной политики	8,7
Развитие системы социальных гарантий государства	7,8
Совершенствование деятельности правовых институтов защиты граждан	7,8
Увеличение уровня натуральных видов помощи населению	6,1
Расширение системы привлечения инвестиций в социальный сектор	3,5
Создание служб психологической поддержки и реабилитации населения	1,7
Преодоление регионального неравенства	0,9
Все перечисленное	13,0
Затруднились ответить	9,6

знании возможность и результативность решения социальных проблем связывается прежде всего с экономической стабильностью страны и рациональной постановкой приоритетов социальной политики государства.

ПРИОРИТЕТЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КАЗАХСТАНЕ

Шадиев Р.Н.

Эффективная государственная инвестиционная политика должна предусматривать:

- четкое определение целей привлечения инвестиций;
- для решения каких задач и в каком объеме нужен иностранный капитал в форме инвестиций (и нужен ли он вообще);
- каким образом направить иностранный капитал в нужные отрасли (регионы), обеспечив при этом повышение эффективности его использования.

На 9-м заседании Совета иностранных инвесторов (2003 г.) подчеркивалась хрупкость нашей экономики с преимущественно минерально-сырьевой направленностью. В соответствии со стратегией индустриально-инновационного развития инвестиционный процесс в будущем должен быть настроен на развитие отраслей, способных выпускать конкурентоспособную продукцию. Что касается добывающих отраслей, то наукоемкость и капиталоемкость – так определены иностранными инвесторами общие характеристики, к которым должен стремиться нефтегазовый сектор Казахстана [1].

В соответствии со своей Программой особое внимание Правительство Д.Ахметова, при совершенствовании инвестиционной политики, намерено уделять структуре капиталовложений. В этой связи, для повышения инвестиционной привлекательности обрабатывающей промышленности и стимулирования производства товаров с высокой добавленной стоимостью, государству предстоит определиться по своему участию в каждом инвестиционном проекте.

Достижение намечаемых в индустриально-инвестиционной политике целей наиболее эффективно путем концентрации всех возможных мер государственной поддержки на небольшом количестве приоритетных направлений и активного ведения бизнеса самими предприятиями в этих приоритетных отраслях.

Приоритетом №1 в реальном секторе экономики является реализация Государственной программы освоения казахстан-

ского сектора Каспийского моря. Этот документ, утвержденный Указом Президента в мае 2003 г., прогнозирует развитие нефтяной отрасли страны до 2015 г. Целью программы является согласование и упорядочение деятельности государственных организаций, недропользователей, инвесторов физических лиц и других участников освоения КСКМ. При этом среди первоочередных принципов (после соблюдения интересов Казахстана) значатся международное сотрудничество, снижение рисков страны при заключении контрактов на недропользование, а также комплексное и безотходное использование углеводородов.

Прогнозные запасы углеводородного сырья Каспийского шельфа на сегодня (2003 г.) определены в 15 млрд тонн условного топлива, а по разведанным запасам природного газа страна занимает пятнадцатое место в мире. С точки зрения нынешней науки, извлекаемые запасы углеводородного сырья в казахстанской части Каспийского моря составляют 8 млрд тонн. Причем 64% ожидаемых запасов казахстанских углеводородов находится на шельфе Каспия, оставшиеся 34% – на суше.

Программа предусматривает три этапа. В 2003–2005 гг. будут созданы условия для комплексного освоения Каспия. Вторым этапом, с 2006 по 2010 гг., назван период ускоренного освоения. На третьем – до 2015 г. добыча углеводородного сырья будет стабилизирована и, по предварительным оценкам, составит 3,5 млн баррелей в день.

Прогноз инвестиций в освоение КСКМ таков: на первом этапе потребуются \$ 1 млрд, на втором – \$10 млрд. Всего необходимые инвестиции в шельф оцениваются к 2015 г. в \$28–30 млрд. В основе финансовой стратегии лежит полное принятие недропользователем и инвестором всех рисков разведки до утверждения первого плана освоения. Крупные объекты производственной инфраструктуры предполагается финансировать на основе долевого участия заинтересованных недропользователей национальной нефтегазовой компании [2].

Вероятнее всего, оператором на многих блоках будет «КазМунайГаз», которому предоставляются значительные преференции. Первым из них станет «Курмангазь», разрабатываемый совместно с российскими компаниями и расположенный на границе шельфовых зон. Важнейшим приоритетом экономики страны является дальнейшее освоение «Карачаганака». Нынешний этап развития этого крупнейшего нефтегазоконденсатного месторождения характеризуется огромным объемом инвестиций – \$4,5 млрд, в том числе казахстанское участие – \$1,5 млрд.

Компания «Би-Джи Групп» (BG, Великобритания), с начала деятельности в Казахстане инвестировавшая в нефтегазовые проекты \$1,5 млрд, основную часть инвестиций также направила в развитие месторождения «Карачаганак», где британской компании принадлежит 32,5% участия. BG, в частности, принимала участие в финансировании двух фаз этого проекта, реализация которых позволила к настоящему времени значительно увеличить добычу углеводородов. В 2003 г. на «Карачаганак» планируется добыть свыше 6 млрд кубометров газа, против 4,7 млрд кубометров в 2002 г., добыча конденсата должна возрасти до 7 млн тонн по сравнению с 5,2 млн тоннами в 2002 г.

С ростом добычи газа и конденсата на этом месторождении для участников Карачаганакского проекта, среди которых итальянская Eni (32,5%), американская Chevron Texaco (20%) и российская «Лукойл» (15%), возникает вопрос реализации продукции. Большая часть карачаганакского конденсата с 2003 г. будет транспортироваться на мировые рынки через трубопровод Аксай – Большой Чаган – Атырау и далее по системе каспийского трубопроводного консорциума [3].

В настоящее время по системе КТК транспортируется нефть из Казахстана, в том числе СП «Тенгизшевройл», СП «Арман», ТОО «Торговый дом «КазМунайГаз»», ТОО «Казахойл-Актобе» и ОАО «СНПС-Актобемунайгаз». Будет транспортироваться также углеводородное сырье, добываемое на Карачаганакском газоконденсатном месторождении. На первом этапе мощность трубопровода Тенгиз – Новороссийск составит 28,2 млн тонн нефти в год, постепенно она должна возрасти до 67 млн тонн в год, что потребует новых инвести-

ций. В 2004 г. КТК планирует выйти на первую проектную мощность по транспортировке непосредственно казахстанской нефти, составляющую 21,7 млн тонн в год.

В настоящее время основной объем нефти идет из Казахстана на экспорт через Россию по трубопроводу Узень – Атырау – Самара. Экспорт осуществляется и по железной дороге. По мере вступления в строй казахстанского месторождения «Кашаган», многократно превышающего объемы «Тенгиза», возникает потребность в новых экспортных линиях. Таковым может быть нефтепровод в КНР, протяженностью 3 тыс. км, при условии, что китайская сторона будет финансировать его строительство (Соглашение было подписано в 1997 г., но пока каких-то практических шагов по его реализации не предпринято). Много дискуссий вызывало (и вызывает) возможная транспортировка нефти через Турцию и Европу по маршруту Актау – Баку – Джейхан (в Баку решено пока доставлять казахстанскую нефть танкерами).

Для развития нефтегазовой отрасли Казахстана важно постоянное расширение географии сотрудничества, поиск новых направлений экспортных линий. Так, использование нашей страной системы трубопроводов российской «Транснефти» позволит выводить казахстанские энергоносители в Центральную и Северную Европу, решая одновременно вопрос о возможном будущем переполнении КТК.

Если же будет реализован двухпортовый вариант строительства Балтийской трубопроводной системы (БТС), то есть сценарий с выходом на нефтяной терминал в российском Приморске и на действующий порт и НПЗ в финском Порвоо, то казахстанская нефть получит выход и на рынок Северной Европы.

Наряду с проектом Балтийской трубопроводной системы, казахстанские нефтяники могут принять активное участие в новом экспортном маршруте транспортировки нефти Самара – Омишаль в рамках реализации проекта интеграции нефтепроводов «Дружба» и «Адрия». «Транснефть» уже заявила о своей готовности сотрудничать с Казахстаном в этом вопросе. Реализация этого проекта позволит экспортировать казахстанскую нефть на мировые рынки через глубоководный хорватский порт Омишаль, расположенный на берегу Адриатического моря.

Кроме того, Казахстан уже участвует в создании перспективного направления экспорта каспийской нефти в Южную Азию. Совместно с российскими специалистами прорабатывается проект транспорта казахстанского сырья в Иран по маршруту Омск – Павлодар – Шымкент – Туркменабад (бывший Чарджоу) – Нека – Тегеран. Таким образом, перед Казахстаном открываются широкие возможности для продвижения своих энергоносителей на мировые рынки. Успех в этом деле обеспечит политика многовекторного сотрудничества.

Значительный социально-экономический эффект для Казахстана может также иметь освоение Амангельдинского газового месторождения, где в 2003 г. будут добыты первые кубометры газа. По мере освоения этого бассейна уменьшится зависимость от традиционных поставщиков газа, в том числе должны уменьшиться тарифы за поставляемый из Узбекистана газ.

Заслуживает внимания инвестиционный проект по строительству второй линии электропередачи «Север – Юг» напряжением 500 кВ. Это не только позволит осуществить переброску электроэнергии из избыточных северных регионов в южные области, но и завершить формирование идеологии нашей республики как транзитного государства. Избыточная энергия центральноазиатских стран через нашу республику будет поставляться в регионы России, где ощущается дефицит электроэнергии.

Одна из самых важных проблем энергетики – высокая степень изношенности основных фондов, составляющая порядка 60%, а электросетей – более 40%. Как отмечалось на республиканском совещании энергетиков (2003 г.), уровень морального и физического старения активов и оборудования отрасли достиг критического предела. Между тем для перевооружения энергопредприятий нужны масштабные капиталовложения. По оценке экспертов, только для восстановления ресурса действующих электростанций национального уровня необходимо порядка \$770 млн, а для преодоления паркового ресурса ТЭЦ регионального уровня – \$300 млн инвестиций [4].

В то же время столь крупное вложение инвестиций в электроэнергетику приведет к росту цен на саму энергию и, соответственно, увеличению стоимости сельскохозяйственной и промышленной продукции, услуг, а также товаров первой необходимости.

Предварительные расчеты показывают, что вложения инвестиций в производство электроэнергии в пределах \$2 млрд в 2015 г. обусловит увеличение отпускных цен на электроэнергию с шин станций – среднем на 0,25–0,3 цента на 1 кВт·ч [4].

В настоящее же время электроэнергетика малорентабельна, а действующие тарифы не учитывают инвестиционную составляющую. Несомненно, что тарифная политика в отношении естественных монополий требует своего дальнейшего совершенствования. Возможное повышение цен на отпускаемую электроэнергию должно сопровождаться разработкой программ энергосбережения в отраслях экономики и установлением льготных тарифов для социально уязвимых слоев населения.

Необходимо четко определить приоритеты в развитии других отраслей инфраструктуры, в частности, железнодорожной и автодорожной, где предусматривается развитие пяти транзитных направлений. Важнейшее значение приобретает также развитие морской инфраструктуры порта Актау с увеличением пропускной способности нефтеналивных причалов и строительством новых терминалов, в том числе новых.

Актауский морской торговый порт является единственным международным портом Казахстана. В настоящее время возможности перегрузочного комплекса по обслуживанию сухих грузов составляют 1,5 млн тонн, по нефти и нефтепродуктам – 8 млн тонн в год. До 50% нефтепродуктов из Актауского порта поставляют в Баку, до 45% – в Махачкалу и 5% – в иранский порт Нека. Примерно к 2008–2009 гг. с развитием экспортного нефтяного маршрута Баку – Тбилиси – Джейхан и после присоединения к нему Казахстана возникает вопрос увеличения отгрузки казахстанской нефти из Актау.

В рамках этого проекта будут использоваться танкеры Каспийского морского пароходства (Азербайджан) и государственной компании «Казмортрансфлот», входящей в состав национальной нефтяной «КазМунайГаз». Привлекательность актауского маршрута при перевозке различных видов грузов во многом зависит от развития инфраструктуры. В частности, сейчас стоит вопрос реконструкции автомобильных дорог республиканского значения, в том числе Атырау – Актау.

По оценкам специалистов, с развитием транспортного коридора «Север – Юг», одним из пунктов которого станет порт Актау, прогнозируется увеличение транзитных грузов на маршруте страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Персидского залива – Иран – Каспийский регион – Россия – страны Восточной и западной Европы. Привлекательность коридора «Север – Юг» обеспечивается за счет разветвленной сети транспортных коммуникаций России, Ирана, Индии и других стран, а также путем сокращения в три раза существующего маршрута того же назначения через Суэцкий канал.

В соответствии с Указом Главы государства в настоящее время создана специальная экономическая зона «Морпорт Актау», которая будет действовать до 1 января 2007 г. СЭЗ «Морпорт Актау» расположена на территории морского торгового порта и прилегающей к нему территории в пределах административно-территориальных границ города. Всего здесь будет располагаться 24 хозяйствующих субъекта. В частности, в рамках зоны свободной торговли планируется строительство завода по выпуску морских стальных конструкций (заказчик – ЗАО ИК «Казгипронефть-транс»), завода по выпуску труб в объеме до 70 тыс. тонн в год (заказчик – ОАО «Испат-Кармет»), завода по производству стеклопластиковых труб в объеме до 300 км в год (заказчик – ТОО «АЗСТ»).

Для Мангистауского региона преимущественно создания СЭЗ «Морпорт Актау» будут заключаться в предоставлении льготного таможенного режима субъектам, осуществляющим здесь свою предпринимательскую деятельность и инвестиционные проекты. В связи с этим ожидается создание новых производств и рабочих мест, совершенствование инфраструктуры, увеличение поступлений налогов в бюджет, расширение современного менеджмента.

Совершенствование инвестиционной политики на современном этапе означает создание и поддержку в первую очередь среднего промышленного капитала, который, в силу своей гибкости и адаптируемости к изменениям рынка, является наиболее привлекательным для коллективных форм инвестирования и способен обеспечить устойчивое развитие несырьевого сектора экономики республики в конкурентной среде на мировых рынках.

По мнению казахстанского Банка развития, это невозможно без соответствующих институциональных изменений в государственном финансовом секторе. Наличие целого ряда различных инструментов проведения инвестиционной политики государства (инструменты республиканского и местных бюджетов, Банка развития, ФРМП, агролизинга) без тесной координации их применения не обеспечивает должную эффективность, налаживание устойчивых межрегиональных и межотраслевых связей, сдерживает необходимое смещение приоритетов из центра в регионы [5].

В центре внимания по-прежнему должен находиться и инвестиционный климат. На прошедшем первом Казахском инвестиционном форуме (2003 г.) иностранные предприниматели и представители дипломатических миссий в своих выступлениях указывали на несовершенство некоторых нормативно-правовых актов и чрезмерно свободную «интерпретацию» законодательства чиновниками на местах. В частности, отмечены большие финансовые и временные затраты, связанные с ненужными и чрезмерно бюрократическими процедурами и длительностью рассмотрения запросов. Эти замечания относятся к процедурам оформления трудовых разрешений, виз, регистрации иностранцев. Особо отмечалось несоблюдение и несовершенство законодательства о государственных закупках, проведение тендеров государственными органами. Бесплодность наших зарубежных партнеров и вопрос стабильности контрактов, заключенных с уполномоченными органами.

В выступлении Чрезвычайного и Полномочного Посла Японии в Казахстане Тосио Цунодзаки были проанализированы причины относительно скромного присутствия японского капитала в экономике республики. Согласно недавно проведенному анкетному опросу японских предпринимателей, которые имеют или имели деловые отношения с Казахстаном, многие из них в числе причин, не способствующих развитию партнерских отношений, назвали недостаточное понимание деловой этики. Японские бизнесмены сетуют и на низкий информационный обмен. По их мнению, очень сложно найти казахстанские предприятия, с которыми можно наладить партнерство.

Несмотря на относительно небольшой рынок, тем не менее, многие японские пред-

приниматели рассматривают Казахстан как страну с богатыми ресурсами и считают ее привлекательной для капиталовложений в будущем. Традиционно прямые инвестиции Японии в разных странах мира производятся в сферу производства бытовых электротоваров, автомобилей, электронику. С другой стороны, японские предприниматели крайне осторожно относятся к инвестициям, которые чреваты как высоким риском, так и высокой прибылью. Вероятность же риска, по их мнению, в Казахстане увеличивают несоблюдение правовых условий, слабая инфраструктура.

Все большую роль в общем объеме инвестиций должны играть отечественные институциональные и частные инвесторы. Резервы здесь значительные. В апреле 2003 г. совокупный капитал пенсионной накопительной системы приблизился к 300 млрд тенге. Депозиты в банковской системе превысили 600 млрд, а кредиты экономике за последние три года увеличились в 4,5 раза [6].

Для обеспечения притока дополнительных инвестиций в экономику страны нужны соответствующие организации, профессионально владеющие инвестиционными технологиями. Таковыми могут быть проектируемые Нацбанком РК паевые инвестиционные фонды. Уточним, что речь не идет о созданных в 1996 г. инвестиционных приватизационных фондах, большая часть которых прекратила свое существование, так и не начав нормально функционировать (некоторые фонды сохранились до сих пор и безуспешно пытаются получить от АО дивиденды). Дело в том, что активами ИПФ были не имеющие ценности купоны, которые не обращались на рынках (их запрещалось продавать и покупать), а были вложены в акции бесперспективных предприятий, большая часть которых в дальнейшем обанкротилась.

Таким образом, сейчас можно констатировать, что купонная приватизация была ошибкой. Экономика не получила реальных инвестиций, а фонды и вкладчики – предполагаемых дивидендов. Инвестиционные фонды, которые будут создаваться в соответствии с разрабатываемым законопроектом, в отличие от приватизационных

фондов будут вкладывать в предприятия реальные деньги и осуществлять контроль за их использованием.

Предполагается, что инвестиционные паевые фонды будут двух основных типов – открытые и закрытые. Открытые предназначены, прежде всего, для вкладчиков, обладающих небольшими сбережениями. Как полагают разработчики, это будут фонды краткосрочного инвестирования. Закрытые фонды долгосрочного инвестирования предназначены для финансирования крупных проектов, которые могут окупиться только через годы. Вкладчиками таких фондов будут квалифицированные инвесторы: страховые компании, пенсионные фонды и обеспеченные граждане. Активы этих фондов должны обращаться на организованном рынке ценных бумаг.

Вплоть до 2003 г. Государственная инвестиционная политика в большей мере опиралась на стимулирование инвестиций. В связи с принятием Стратегии индустриально-инновационного развития страны на 2003–2015 гг. перед государственной инвестиционной политикой становятся принципиально новые задачи. В современных условиях она должна обеспечить переток капиталов в пользу развития несырьевой сектора экономики, особенно высокотехнологичных и наукоемких производств.

Мало того, создаваемые инструменты инвестиционной политики должны оперативно и гибко реагировать на потребности частного сектора по развитию отечественных производств с высокой добавленной стоимостью и обеспечивать внедрение новых технологий не только в разрозненных секторах и отраслях, но и стадий инвестиционного процесса. Для обеспечения реализации эффективной и сбалансированной инвестиционной политики, исключения параллелизма и дублирования нужно создать эффективный механизм скоординированного планирования в целом государственных инвестиций, в том числе из госбюджета, средств национальных компаний и научных институтов развития (Инвестиционный фонд, Инновационный фонд, Фонд развития, Корпорация по страхованию экспорта).

Литература

1. Нос И. Инвестиции как инструмент сотрудничества // Казахстанская правда. – 2003.
2. Нос И. Главный нефтяной проект // Казахстанская правда. – 11 июня 2003 года.

3. Бутырина Е. Объем инвестиций ВГ в казахстанские проекты достиг 1,5 млрд долл. // Панорама. – 11 июля 2003 года.
4. Абсаямова Н. Проблемы энергетиков решать комплексно // Казахстанская правда. – 12 июля 2003 года.
5. Шалгимбаев К. Реализуя государственную инвестиционную политику // Казахстанская правда. – 20 мая 2003 года.
6. Назарбаев Н. Основные направления внешней и внутренней политики на 2004 год (Послание Президента народу Казахстана) // Казахстанская правда. – 5 апреля 2003 года.

О СИСТЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕТОРОВ, РЕСПУБЛИКАНСКИХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ В ИНВЕСТИЦИОННОЙ СФЕРЕ РЕГИОНОВ

Текенов У.А.

Стратегической целью государственной инвестиционной политики является создание организационно-экономических и нормативно-правовых условий для формирования и эффективного использования инвестиционных ресурсов, способных обеспечить реальные, устойчивые и возрастающие темпы экономического роста, прогрессивные структурные сдвиги, модернизацию производства, решить социальные вопросы и проблему экономической безопасности страны.

Основные принципы государственной инвестиционной политики Казахстана включают: селективность и избирательность; экономическую целесообразность и безопасность; множественность источников финансирования инвестиций с всевозрастающей ролью частного капитала; максимальную возвратность бюджетных средств, то есть перенос центра тяжести с безвозвратного бюджетного финансирования инвестиций на кредитование и заимствование; социально-экономическую эффективность и окупаемость; децентрализацию инвестиционной сферы на основе развития многообразных форм собственности; использование рычагов экономического и организационного воздействия на инвестиционную активность.

Принцип селективности и избирательности особенно актуален в условиях ограниченных инвестиционных ресурсов, что характерно для современного этапа формирования рыночных отношений и постепенного оживления экономики нашей страны. Его реализация требует точного выбора инвестиционных приоритетов и концентрации капиталовложений в секторах экономики, способствующих ее росту и модерни-

зации. При этом концентрация вложения может обеспечиваться как путем непосредственной селективной поддержки наиболее важных жизнеобеспечивающих отраслей, производств, регионов и сфер деятельности, так и посредством стимулирования вложений частного капитала в приоритетные проекты.

Как показывает мировой опыт, приоритетными сферами инвестирования являются те, которые обеспечивают:

- национальную, экономическую, экологическую и продовольственную безопасность страны, но привлекательны для частного капитала;
- общие благоприятные условия для расширенного производства и жизнедеятельности населения страны;
- большой социально-экономический эффект в перспективе, инициирующий последующие, в т.ч. частные, инвестиции;
- быструю окупаемость сложений и одновременно обуславливают развитие сопряженных отраслей и производств;
- социальную защиту и развитие человеческого потенциала.

В Казахстане выбор приоритетов для реализации инвестиционной политики должен исходить из необходимости:

- развития экспортного потенциала, обеспечивающего поступление валютных средств для инвестирования других производств;
- государственной поддержки отраслей, образующих систему жизнеобеспечения республики и социальную сферу;
- инвестирования производства и отраслей, производящих конкурентоспособную продукцию, пользующуюся высоким спросом на внутреннем и внешнем рынках;

- инвестирования производств, выпускающих продукцию высокого уровня готовности.

Государственные капитальные вложения следует направлять в такие жизненно важные производства, которые по каким-либо причинам (большой объем первоначальных вложений, неопределенность ожидаемых результатов, низкая рентабельность) не привлекают внимания частных инвесторов.

При этом в республике сложилась следующая организационная структура по управлению и контролю за реализацией государственной инвестиционной политики.

На уровне республики центральным исполнительным органом, уполномоченным на выполнение функций управления и контроля за реализацией государственной инвестиционной политики, является Комитет по инвестициям Министерства индустрии и торговли Республики Казахстан.

Приоритетами Комитета по инвестициям МИ и Т РК являются:

- улучшение инвестиционного климата Казахстана;

- привлечение прямых иностранных и отечественных инвестиций в экономику республики;

- государственная поддержка прямых иностранных и отечественных инвестиций;

- содействие инвесторам в реализации инвестиционных проектов;

- содействие инвесторам в соблюдении их прав и гарантий.

К задачам Комитета по инвестициям МИ и Т РК относятся:

- участие в разработке и реализации стратегии развития и инвестиционной политики Республики Казахстан;

- разработка и реализация мер по улучшению инвестиционного климата в Казахстане;

- разработка и реализация мер стимулирования прямых инвестиций;

- проведение активной рекламно-информационной кампании об инвестиционных возможностях в Казахстане;

- создание эффективной системы взаимодействия с инвесторами, содействие в обеспечении соблюдения гарантий, а также в защите прав и интересов инвесторов;

- организация учета и отчетности по привлечению и использованию прямых инвестиций.

Для решения этих задач на Комитет по инвестициям МИ и Т РК возложено выполнение следующих функций:

- анализ движения потоков прямых иностранных и отечественных инвестиций;

- подготовка предложений по реализации мер, направленных на улучшение инвестиционного климата;

- рекламно-информационная работа по привлечению прямых инвестиций;

- оказание государственной поддержки прямым инвестициям в приоритетных секторах экономики;

- переговоры по привлечению прямых инвестиций в Республику Казахстан и заключению контрактов;

- рассмотрение заявок инвесторов и предоставление льгот и преференций в приоритетных секторах экономики, а также заявок на получение прав недропользования;

- экспертиза контрактов и иных документов, касающихся инвестиционных проектов;

- подготовка и заключение контрактов;

- координирует работу центральных местных исполнительных органов, дипломатических миссий и хозяйствующих субъектов Республики Казахстан в вопросах привлечения и использования прямых инвестиций.

В регионах (областях) выполнение функций управления и контроля за реализацией государственной инвестиционной политики возложено на областные управления экономики и развития предпринимательства.

В сфере государственной инвестиционной политики они решают следующие задачи:

- разработка стратегического плана развития инвестиционных и инфраструктурных проектов в соответствии с Государственными программами развития промышленности;

- разработка предложений по организации инвестиционных и инфраструктурных проектов по линии международных финансовых организаций и участие в переговорах с этими организациями;

- создание и поддержание единой базы данных по инвестиционным проектам;

- создание условий для максимального использования местных ресурсов в процессе реализации инвестиционных и инфраструктурных проектов;

- разработка стратегического плана ВЭС и инвестиционной деятельности с

ределением приоритетных секторов экономики для привлечения инвестиций на средне- и долгосрочную перспективу;

- привлечение иностранного капитала для создания новых, реконструкции и модернизации действующих предприятий, определение стратегических инвестиционных приоритетов, перечня инвестиционных проектов, имеющих общенациональное и социальное значение;

- взаимодействие и сотрудничество с представителями иностранных фирм, работающих в области и осуществляющих инвестиционное финансирование;

- реализация инвестиционной Программы области с использованием заемных средств и инструментов фондового рынка;

- создание благоприятного инвестиционного климата, условий для укрепления и развития сотрудничества, вложения капитала.

Для решения поставленных задач в сфере государственной инвестиционной политики областные управления экономики и развития предпринимательства наделены следующими функциями:

- осуществляют анализ и мониторинг ВЭД и инвестиционной политики области;

- проводят анализ и координацию деятельности совместных предприятий;

- осуществляют отбор и экспертизу инвестиционных проектов, разработку технико-экономических обоснований, совместно с компетентными органами и должностными лицами;

- ведут учет и мониторинг финансовых ресурсов, привлекаемых из различных источников финансирования, мониторинг реализации проектов за счет заемных ресурсов;

- создают реестр действующих предприятий, нуждающихся в инвестициях, паспорт инвестиционных проектов;

- создают Банк данных институциональных инвесторов;

- создают в средствах массовой информации имидж области путем привлечения международных информационных агентств для рекламно-информационной работы, привлечения прямых инвестиций, а также путем проведения «круглых столов», семинаров, презентационных мероприятий;

- организуют и участвуют в переговорах по привлечению прямых инвестиций и оказывают потенциальным поставщикам

необходимую помощь по получению льгот и преференций;

- оказывают помощь инвесторам в подборе высокоэффективных проектов и выгодного вложения капитала.

На наш взгляд, важной мерой по созданию благоприятной среды для повышения инвестиционной активности в республике является информационное обеспечение инвестиционной политики с тем, чтобы донести до потенциального инвестора нужную информацию, убедить его вложить собственные средства.

Поэтому в целях координации деятельности иностранных инвесторов и повышения инвестиционной привлекательности на территории Республики Казахстан в июне 1998 г. Распоряжением Президента Казахстана Н.А. Назарбаева был создан Совет иностранных инвесторов, который является его председателем. В состав Совета входят Премьер-Министр Казахстана, заместители Премьер-Министра, а также 11 руководителей ведущих европейских, азиатских и американских корпораций, осуществляющих инвестиции в республику.

Совет иностранных инвесторов при Президенте Республики Казахстан является консультативно-совещательным органом. Правовую основу его деятельности составляют Конституция и законы Республики Казахстан, акты Президента Республики Казахстан, иные нормативные акты Республики Казахстан.

Совет был создан в целях:

1) внесения на рассмотрение Президенту Республики Казахстан предложений по совершенствованию законодательства, регулирующего вопросы инвестиционной деятельности, предложений по вопросам, связанным с реализацией крупных инвестиционных программ и проектов Республики Казахстан, имеющих международное значение;

2) разработки рекомендаций по улучшению инвестиционного климата, а также по стратегии привлечения иностранных инвесторов в экономику Республики Казахстан;

3) выработки предложений по интеграции экономики страны в мировые экономические процессы.

По аналогии с Советом иностранных инвесторов при Президенте Республики Казахстан в регионах республики при акиме региона (области) создан Совет инвесторов. Однако основные задачи Совета инве-

сторы при акиме области расширены по сравнению с Советом иностранных инвесторов при Президенте РК.

Так, в регионах Совет создается в целях:

1) решения проблем инвесторов в пределах компетенции местных исполнительных органов, защиты их интересов в соответствии с Конституцией и законодательством РК;

2) согласования с инвесторами стратегии развития региона;

3) разработки рекомендаций по улучшению инвестиционного климата в регионе: внесения на рассмотрение акима области предложений по совершенствованию законодательства, регулирующего вопросы инвестиционной деятельности, предложений по вопросам, связанным с реализацией крупных инвестиционных программ региона (области) и проектов, имеющих международное, государственное и региональное значение;

4) содействия в рассмотрении планов по стратегии привлечения и иностранных инвестиций в экономику региона, мобилизации финансовых ресурсов в реальную экономику: сельское хозяйство, малый и средний бизнес, импортозамещение;

5) разработки механизма участия инвесторов в развитии социальной инфраструктуры региона;

6) создания системы четкого взаимодействия и координации деятельности местных исполнительных органов по вопросам работы с инвесторами и всесторонней поддержки инвестиционных проектов, направленных на развитие приоритетных секторов экономики, в том числе социальных;

7) выработки и утверждения кодекса этики иностранных инвесторов, куда должны войти вопросы местной рабочей силы, соблюдение трудового законодательства, проблемы экологии и т.д.;

8) разработки рекомендаций по улучшению процедур и форм деятельности государственного органа по привлечению инвестиций с использованием международных стандартов и элементов опыта эффективных инвестиционных агентств;

9) содействия в разработке программ технической помощи на среднесрочную перспективу на основе потребностей региона, связанных с экономическими преобразованиями, привлечение доноров.

Как видно, в республике создана система взаимоотношений иностранных инвесто-

ров, республиканских и местных органов управления.

При этом, по нашему глубокому убеждению, в зависимости от того, как решаются глобальные проблемы функционирования экономики страны, организуется и государственное регулирование инвестированием. Большая роль инвестиций приходится на первичные и, как правило, на государственные организации. Поэтому можно утверждать, что косвенные государственные рычаги управления инвестированием являются преобладающими. Большое значение имеет координация деятельности в этой сфере.

Поэтому государственное и местное регулирование инвестированием в Казахстане необходимо, на наш взгляд, осуществлять на уровне:

- органов государственной власти Республики Казахстан (республиканский уровень);

- органов государственной власти регионов (областей) Республики Казахстан (высший региональный уровень);

- органов местного самоуправления (муниципальные образования или низший региональный уровень).

Понятие «региональный уровень» охватывает уровень власти регионов (областей) РК и уровень местного управления.

В соответствии с принятыми в Казахстане законодательными актами государственное регулирование инвестиционной деятельности предусматривает:

1. Создание благоприятных условий для развития инвестиционной деятельности:

- совершенствования системы налоговых механизмов начисления амортизации и использования амортизационных отчислений;

- установления субъектам инвестиционной деятельности специальных налоговых режимов, не носящих индивидуального характера;

- защиты интересов инвесторов;

- предоставления субъектам инвестиционной деятельности льготных условий пользования землей и другими природными ресурсами, не противоречащих законодательству Республики Казахстан;

- расширения использования средств населения и иных внебюджетных источников финансирования жилищного строительства и строительства объектов социально-культурного назначения;

- создания и развития сети информационно-аналитических центров, осуществляющих регулярное проведение рейтингов и публикацию рейтинговых оценок субъекта инвестиционной деятельности;

- принятия антимонопольных мер;

- расширения возможностей использования залогов при осуществлении кредитования;

- развития финансового лизинга в РК;

- проведения переоценки основных фондов в соответствии с темпами инфляции;

- создания возможностей формирования субъектами инвестиционной деятельности собственных инвестиционных фондов.

2. Прямое участие государства в инвестиционной деятельности путем:

- разработки, утверждения и финансирования инвестиционных проектов, осуществляемых Республикой Казахстан совместно с иностранными государствами, а также инвестиционных проектов, финансируемых за счет средств республиканского бюджета и средств бюджетов регионов (областей) РК;

- формирования перечня строек и объектов технического перевооружения для республиканских государственных нужд и финансирования их за счет средств республиканского бюджета. Порядок формирования указанного перечня определяется Правительством РК;

- предоставления на конкурентной основе государственных гарантий по инвестиционным проектам за счет средств республиканского бюджета, а также за счет средств бюджета регионов (областей) РК. Порядок предоставления государственных гарантий за счет средств республиканского бюджета определяется Правительством РК, за счет средств бюджета регионов (областей) РК – органами исполнительной власти соответствующих регионов (областей) РК;

- размещения на конкурентной основе средств республиканского бюджета и средств бюджета регионов (областей) РК для финансирования инвестиционных проектов. Размещение указанных средств осуществляется на возвратной и срочной основе с уплатой процентов за пользование или в размерах, определяемых Законом РК о республиканском бюджете на соответствующий год (или законом о бюджете региона (области) РК). Порядок размещения на конкурентной основе средств республиканского бюджета определяется Правительством РК – органами исполнительной

власти соответствующих регионов (областей) РК;

- проведения экспертизы инвестиционных проектов в соответствии с законодательством РК;

- защиты казахстанских организаций от поставок морально устаревших и материалоёмких, энергоёмких и ненаукоёмких технологий, оборудования, конструкций и материалов;

- разработки и утверждения стандартов (норм и правил) и осуществления контроля за их соблюдением;

- выпуска облигационных займов, гарантированных целевых займов;

- вовлечения в инвестиционный процесс временно приостановленных и законсервированных строек и объектов, находящихся в государственной собственности.

Государственное регулирование инвестиционной деятельности может осуществляться с использованием иных форм и методов в соответствии с законодательством РК.

На государственном уровне инвестирование осуществляется в основном в форме капитальных вложений (в основной капитал). Расходы на финансирование государственных капитальных вложений предусматриваются:

- в республиканском бюджете – при условии, что эти расходы – часть расходов на реализацию соответствующих республиканских целевых программ, а также на основании предложений Президента РК или Правительства РК;

- в бюджетах регионов (областей) РК – при условии, что эти расходы – часть расходов на реализацию соответствующих региональных целевых программ, а также на основании предложений органов исполнительной власти регионов (областей) РК.

При этом в настоящее время в регионах Казахстана накоплен определенный опыт регионального инвестирования, т.е. не форм республиканского инвестирования. Органами управления регионов (областей) РК и органами местного самоуправления разрабатываются и реализуются программы и проекты по инвестированию социально-экономического и внешнеэкономического развития регионов. Во всех случаях, для решения социально-экономических и внешнеэкономических проблем, в регионах разрабатывалась соответствующая политика, важнейшей составляющей каждой был инвестиционный блок.

Эта политика призвана обеспечить улучшение качества ВЭД регионов путем определенной деятельности их органов управления. В общем случае она должна включать:

- 1) обоснование стратегических и тактических целей инвестирования;
- 2) выбор формы и методов их реализации;
- 3) формирование мер по привлечению на территории регионального и местного самоуправления финансовых ресурсов, достаточных для реализации составляющих мер внешнеэкономической политики;
- 4) обеспечение стыковки и возможного согласования принятых местных мер с республиканскими программами;
- 5) создание системы координации и контроля хода реализации принятых мер по основным позициям программы инвестиционной и строительной деятельности.

Наиболее важными составляющими инвестиционно-строительной деятельности на региональном уровне являются:

- 1) создание привлекательных условий для инвестиционной и строительной деятельности в конкретном регионе;
- 2) выявление и характеристика инвестиционного и строительного потенциала конкретного региона;
- 3) выявление конкретных хозяйствующих субъектов, способных в планируемом периоде обеспечить инвестирование.

Принципиальная схема этапов формирования и реализации инвестиционных проектов на территориальном уровне приведена ниже.

Схема этапов формирования и реализации инвестиционных проектов на региональном уровне управления

Организация и регулирование инвестиционной деятельности в отдельном регионе должны обеспечиваться органами территориального и отраслевого управления правительства (исполнительного органа), органами экспертизы и надзорными организациями. Цель такой работы – обеспечить комплексное развитие региона в соответствии с показателями градостроительной документации и с учетом проектной оценки социально-экономической и внешнеэкономической ситуаций в регионе на предстоящий период. К основным этапам организации и регулирования инвестиционно-строительной деятельности, формирования политики этой сферы в регионе следует отнести:

- 1) разработку документации по развитию региона, в том числе градостроительной документации;
- 2) экспертизу инвестиционных программ;
- 3) разработку инвестиционных программ;
- 4) размещение инвестиционных заказов;
- 5) осуществление строительства и приемки в эксплуатацию объектов инвестиций.

Наиболее весомой и сложной является разработка документации по развитию региона (градостроительной документации), которая должна включить:

- генеральный план развития региона;
- основные направления градостроительного развития региона;
- проекты размещения жилищного, культурного, коммунального и других видов строительства;

- схемы развития и размещения отраслей городского хозяйства, промышленности, транспорта, торговли, сельскохозяйственных объектов и т.д.

- проекты детальной планировки и застройки отдельных районов региона;
- проекты планирования промышленных зон.

Разработанная документация обязательна для учета при формировании инвестиционных программ и принятии решений, связанных с предоставлением прав землепользования.

Инвестиционная политика региона на будущее разрабатывается и представляется в среднесрочных инвестиционных программах исполнительного органа (акимата) региона (области) и целевых инвестиционных программах развития отраслей и территорий, которые, в свою очередь, могут быть частью республиканских программ и программ регионов (областей).

Реализация программ указывается с объемами финансовых ресурсов, которые должны быть представлены в плановых бюджетах республики и ее регионов (областей), а также намечаемых к привлечению в ходе реализации программ за счет других источников.

Для финансирования объектов инвестиционных программ региона могут привлекаться инвесторы, не входящие в структуру исполнительного органа (акимата) региона (области). В этом случае их отбор производится по конкурсу. В результате его проведения делается выбор региона, предложившего наиболее выгодные условия участия в финансировании объектов инвестиций.

Инвестиционная деятельность по объектам, не входящим в состав утвержденных инвестиционных программ региона, осущес-

твляется на основе контрактов, заключаемых заказчиками с руководством региона. В этих контрактах оговариваются условия инвестирования строительства, которые, безусловно, должны удовлетворять требованиям администрации (акимата) региона.

Решения об использовании средств республиканского бюджета для финансирования инвестиционных проектов (или инвестиционных программ), осуществляемых в регионе Республикой Казахстан совместно с иностранными государствами, принимаются после заключения Республикой Казахстан соответствующих межгосударственных соглашений.

Вместе с тем законодательная база для дальнейшего развития системы господдержки инвестиций требует улучшения по следующим направлениям:

- необходимо завершить работу по внесению изменений и дополнений в законодательные акты по вопросам недропользования;

- необходимо разработать рамочный контракт о господдержке и представлении мер стимулирования инвестору, осуществляющему инвестиционную деятельность в приоритетных секторах экономики;

- необходимо разработать и в законодательном порядке установить территории, отрасли и производства, на которых инвестиционная деятельность предприятий с иностранным участием ограничивается или запрещается в интересах обеспечения национальной безопасности страны;

- с учетом международных правовых норм необходимо изучить и пересмотреть госстандарты, инструкции по технике противопожарной безопасности, правила проведения санитарно-эпидемиологического контроля на территории РК.

МИКРООБЕСПЕЧЕНИЕ САМОДОСТАТОЧНОСТИ ЭКОНОМИКИ

Нурумов А.А.

Какая бы макроподдержка не была идеальной, не всегда предприятия как субъекты могут ее использовать в своих интересах. Пример различных стран показывает, что подобная макроподдержка здесь осуществляется именно с таких позиций, чтобы конкурентоспособность продукции была на мировом рынке дос-

таточной для тех целей, которые ставятся перед страной. Однако даже такой стране, как, например, Япония, воздействие различных условий, проявляющихся на мировом рынке по различным видам продукции, не позволяет рассчитывать на значительные совокупные достижения.

В этом аспекте для условий Казахстана как страны с развивающимся институтом рыночной экономики становится необходимым тщательное, детальное изучение собственного развития, развития отдельных видов продукции с целью выявления наиболее перспективных рынков для республики. При этом ответы на данные вопросы лучше получать с различных позиций, что будет более надежным для оценки, поскольку позволяет получить объективную информацию с наименьшими ошибками. Это важно не только для анализа, теоретического познания и понятия происходящих процессов, но и для сугубо практических целей. Поскольку анализ одного и того же процесса или проблемы осуществляется с различных точек зрения и позиций, то позволяет провести подготовку действительно эффективного и научно обоснованного решения для развития и реальной поддержки самодостаточности экономики республики и ее регионов.

Как известно, основой регионально-го развития являются предприятия, и их результаты становятся, таким образом, оценкой дальнейшей перспективы как республики, так и регионов. Отсюда деятельность предприятий приобретает новый качественный для себя уровень – оценочный, а их финансово-экономические результаты становятся основой для развития самодостаточных региональных

экономик. Поэтому отдельные финансово-экономические показатели предприятий представляют практический интерес для оценки самодостаточности экономики региона и далее республики. Рыночные правила гласят, что наиболее объективной является оценка деятельности предприятий на основе сбыта выпущенной ими продукции. Это очень важный момент, потому что именно факт продажи товара считается окончанием движения продукции в сфере его производства. Оценка эффективности производства, основанная на таких продажах, является наиболее объективной и позволяет делать определенные выводы на перспективу о потенциале и самодостаточности экономики. Отсюда понятно, что анализ подобной информации становится необходимостью (табл. 1).

Как показывают данные табл. 1, рентабельность, она же эффективность и в определенной мере доходность производства той или иной продукции за 1997–2001 гг. свидетельствуют, что горнодобывающая промышленность имеет самые высокие перспективы. Это связано с тем, что сбыт продукции предприятий в горнодобывающих отраслях достаточно высок и может прогнозироваться на определенное время вперед. Отсюда ясно, что предприятия, связанные с добычей нефти и природного газа, добычей железной руды и руд цветных металлов имеют стабильные продажи, что

Таблица 1

Рентабельность реализации произведенной продукции по отраслям промышленности [1]

Отрасли	1998	1999	2000	2001
Горнодобывающая промышленность	-6,8	27,9	45,1	27,1
в том числе:				
добыча нефти и природного газа	-3,0	35,5	55,6	46,1
добыча железной руды	-6,7	33,4	17,1	30,1
добыча руд цветных металлов	-27,6	-7,7	22,6	21,1
прочие отрасли добывающей промышленности	-8,5	9,0	-12,2	1,1
Обрабатывающая промышленность	-6,0	16,5	21,4	15,1
в том числе:				
производство кокса, перегонка нефти, производство и переработка ядерных материалов	11,7	17,1	24,8	18,1
химическая	-31,4	-16,1	-22,5	-21,1
металлургическая и обработка металлов	-8,3	35,1	38,0	31,1
черная металлургия	-10,4	39,5	40,4	36,1
производство цветных металлов	-7,3	28,4	45,6	38,1
производство транспортного оборудования		2,7	4,8	4,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	-19,9	-30,3	-14,0	-14,1

* В таблице приведены только отрасли, имеющие достаточно значимый уровень рентабельности.

благоприятно сказывается и на поддержке всей экономики республики. По этой причине предприятия горнодобывающей промышленности Казахстана являлись, являются и будут являться основой развития самодостаточности региональных экономик. Поэтому в тех регионах, где имеются природные ресурсы, которые разрабатываются подобными предприятиями, будет наблюдаться и поддержка соответственных экономик. Регионы же, не обладающие такими природными ресурсами, такой основы фактически не имеют, и их перспективы о самодостаточности могут быть связаны только с развитием других отраслей экономики – с обрабатывающей и перерабатывающей промышленностью.

В обрабатывающей промышленности республики картина несколько иная, чем в нефтедобыче и добыче руд. Здесь общая рентабельность составляет только третью часть горнодобывающего сектора экономики, что подтверждает факт того, что обрабатывающая промышленность еще не достигла уровня горнодобывающих предприятий. Такое отставание свидетельствует, что еще не так скоро, как хотелось бы, эти предприятия смогут сравняться по своим возможностям с быстро прогрессирующими предприятиями добывающего сектора. Однако потенциал данного сектора все же значителен, и его учет позволяет как совокупной, так и отдельным региональным экономикам достигнуть качественно нового уровня развития, поэтому можно рассчитывать на поддержку их самодостаточности.

Однако в обрабатывающей промышленности наблюдается и негативное изменение отдельных отраслей. Самое сильное из них – химическая отрасль, которая имеет значительные убытки в своей деятельности и, по сути, является рыночно неоправданной отраслью. Если бы предприятия этой отрасли относились к негосударственной собственности и если не имели бы перспективы, то давно прекратили бы свое существование как рыночно непродуктивные. Отсюда вывод, что данные предприятия, невыгодные с точки зрения сиюминутного состояния бизнеса, имеют определенные перспективы, т.е. потенциал в перспективе может быть как реализован, так и не реализован в зависимости от изменения в дальнейшем ситуации на рынке. Это означает, что предприятия хими-

ческой отрасли функционируют в зоне высоких рисков, что в свою очередь определяет и соответствующий интерес к нему со стороны инвесторов и рынка. С точки зрения поддержки развития самодостаточности экономики Казахстана, не говоря уже о региональной, данная отрасль имеет весьма отдаленные перспективы, которые в настоящее время оценить достаточно затруднительно.

В наиболее выгодном положении находятся предприятия по производству цветных металлов и продукции металлургической обработки, которые наравне с нефтедобывающими оказывают самую сильную поддержку в пользу самодостаточности совокупной экономики. Набирают силу в этом же направлении и черная металлургия, а также производство кокса, перегонка нефти, производство и переработка ядерных материалов, а также производство транспортного оборудования. Эти отрасли обрабатывающей промышленности являются достаточно надежными основами самодостаточности экономики регионов, что позволяет считать казахстанскую экономику уже в начале пути рыночно ориентированной на реструктуризацию.

Производство электроэнергии, газа и воды имеет тенденцию к улучшению своей рентабельности, и с точки зрения перспективы они могут быть потенциально выгодными. Однако рентабельность их поставки потребителям до сих пор не доходит до точки безубыточности, что свидетельствует о сложности практического разрешения данной проблемы, но, как показывает тенденция изменения рентабельности данного сектора экономики как по регионам, так и по республике в целом, улучшение может состояться в самое ближайшее время.

Таким образом, перспективы поддержки и подпитки самодостаточности экономики страны осуществляются в горнодобывающей промышленности (за счет нефтедобывающих предприятий, предприятий по добыче железных и цветных руд) и в обрабатывающей промышленности (за счет металлургической обработки металлов, производства цветных металлов, черной металлургии, производства кокса, перегонки нефти и переработки ядерных материалов, производства транспортного оборудования).

Помимо выявленных отраслей экономики, осуществляющих поддержку развитию самодостаточности экономики регионов, важным показателем являются размеры доходов или убытков со стороны предприятий, ведь налоговое обеспечение любого региона основано, прежде всего, на обратных финансовых потоках, которые формируются в процессе уплаты налогов (табл. 2).

возрастают из года в год, но отстают от данных крупных и средних, по крайней мере, на порядок, что свидетельствует о том, что малый бизнес не стал еще основой казахстанской экономики, поэтому говорить о поддержке малыми предприятиями самодостаточности в регионах еще преждевременно.

Таким образом, обобщая результаты, следует отметить, что самодостаточность

Таблица 2

Доходы и убытки средних и крупных предприятий за период 1995–2001 гг. [2]

	Годы						
	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Доходы предприятий, млн тг	149 947	146 502	101 988	83 273	252 798	509 479	437 556
Убытки предприятий, млн тг	53 894	73 282	134 745	155 170	151 290	87 433	83 754
Разница между доходами и убытками млн тг*	96 053	73 220	-32 757	-92 897	101 508	422 046	353 802

* Расчет произведен автором.

Как показывает табл. 2, положительная разница между доходами и убытками средних и крупных предприятий наблюдается в течение 1995 и 1996 гг., а также в последние три года. Это говорит о том, что конкурентоспособность этой группы предприятий в настоящее время достаточно высока, а потому самодостаточность экономики можно выразить как обладающую значительным потенциалом, который имеет финансовое обеспечение и макроподдержку со стороны Национального банка страны. Самое важное здесь то, что средние и крупные предприятия имеют достаточно высокую конкурентоспособность своей продукции, что вселяет определенный оптимизм.

Однако рыночная экономика – это, прежде всего, экономика потребления, основанная на реальных потребностях населения, т.е. на потребительских товарах. И здесь наибольшее значение приобретает малый бизнес, который является основой стабильности в развитии экономики, что особенно актуально и важно для регионов Казахстана.

Как свидетельствуют данные табл. 3, суммарные доходы малых предприятий

в республике основана на макроподдержке со стороны Национального банка Казахстана, а также на микроуровне за счет среднего и крупного предпринимательства. Потенциал развития самодостаточности экономики наблюдается также в малом бизнесе, что предполагает возможность его использования по улучшению наиболее видимой части экономических изменений в регионах.

Таблица 3

Доходы малых предприятий в Казахстане за период 1999–2001 гг., млн тенге [3]

Отрасли	1999	2000	2001
Сельское хозяйство, охота и лесоводство	862	1446	1920
Рыболовство, рыбноводство	2	17	28
Горнодобывающая промышленность	78	1768	793
Обрабатывающая промышленность	1776	3694	4228
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	66	128	724
Строительство	1705	4727	10428
Торговля, ремонт автомобилей	8294	10536	20374
Гостиницы и рестораны	124	202	636
Транспорт и связь	1361	2265	3637

Литература

1. Финансы Республики Казахстан. Статистический ежегодник. 1990–2001. Агентство Республики Казахстан по статистике. – Алматы, 2002. – С. 46.
2. Там же. С. 53.
3. Там же. С. 52.

В последнее время в экономической теории формируется точка зрения, что развивающимся странам, особенно тем, кто имеет целый ряд кризисных экономических и социальных проблем, необходимо освоить стратегии на принципах УР (устойчивого развития). Считается, что именно концепция УР помогает справиться с задачами социального характера, инфляцией, долгами, бюджетным дефицитом и с другими социально-экономическими проблемами.

На взгляд автора, оценивая прогресс УР, важно не допустить традиционную ошибку, отождествляя с ним улучшение внешних факторов. Критерием прогресса УР не могут служить только предметные экологические, социальные и экономические индикаторы (состояние природных ресурсов, заболеваемость, смертность, экономические интересы и др.), более важными являются институциональные показатели, создающие инструменты и возможности улучшения среды и устраняющие первопричины проблем.

Казахстан в целом имеет неплохие условия и объективные предпосылки для реализации концепции УР. Этому способствует также исторический и современный менталитет населения, традиции и политическое мышление, концептуальные основы стратегических документов РК выражают принципы и подходы устойчивого развития.

Процесс УР в Казахстане имеет целый ряд специфических особенностей.

1. Первым крупным политическим шагом нового государства было закрытие Семипалатинского ядерного полигона и отказ от ядерного оружия. Это стало важнейшим вкладом страны в глобальный процесс УР.

Развитием этой инициативы стало предложение Президента Республики Казахстан на 47 сессии Генеральной Ассамблеи ООН о создании системы коллективной безопасности и сотрудничества в Азии, аналогичной системе ОБСЕ на основе созыва Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

2. Казахской внешней и внутренней политике присущ с самого начала системный и диалектический подход. В концептуальных и стратегических документах РК, в работах и выступлениях Президента РК Н.Назарбаева широко используются понятия, принципы и методологические подходы УР. Долгосрочная стратегия развития РК – 2030, призванная сбалансировать интересы и ресурсы нынешних и будущих поколений, воплощает в себе методологию стратегического планирования и современную парадигму устойчивого управления государством: индикативное планирование, децентрализацию государственных полномочий, приоритетное развитие социального партнерства и консенсуса, обеспечение политической стабильности, гармонизацию личных и государственных интересов.

Концептуальные и программные основы действий по обеспечению устойчивого развития РК формируются последовательно, системно:

✓ в 1995 году Указом Президента РК утверждена Концепция экологической безопасности, где впервые вводится термин УР, его цели и принципы;

✓ в 1997 году начат и в 1998 году закончен Национальный план действий по охране окружающей среды для УР (НПДОС/УР);

✓ в 2000 году начала свою деятельность программа «Институциональное усиление для УР»;

✓ Концепция Казахстанской Повестки Дня на XXI век находится на стадии разработки, завершить работу над которой планируется в 2002 году;

✓ для реализации Повестки – XXI в 2003–2004 годы планируется создание Национального Совета устойчивого развития и разработка второй фазы НПДОС.

Непосредственным продолжением национального плана действий стала программа Правительства РК и ПРООН «Институциональное усиление для устойчивого развития».

В отличие от большинства проектов международной донорской помощи, про-

грамма «Институциональное усиление для устойчивого развития» является долгосрочной и рассчитана на четыре года, и почти вся работа по программе выполняется национальными экспертами, что делает результаты программы привязанными к реальным условиям Казахстана и сокращает финансовые издержки. Приори-

ды выделяется менее 1% от ВВП, что явно недостаточно для решения формируемых хозяйственным сектором страны экологических проблем.

Как видно из приведенных выше данных, современное развитие экономики и состояние окружающей среды Казахстана в целом дублируют негативные обще-

Таблица 1

Динамика бюджетных расходов на природоохранные мероприятия*

Показатели	Национальные статистические данные									
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1997	1998	1999	2000
Расходы на охрану окружающей среды в % от ВВП	0,5	0,5	0,02	0,8	0,3	1,16	0,799	0,63	0,7	0,64

*Источник: Данные Агентства по стратегическому планированию, 2002.

тет отдается увеличению потенциала экологической деятельности, расширению институтов устойчивого развития. Программа также предусматривает проведение мониторинга экологических проектов и программ, что устранит дублирование, несогласованность и повысит эффективность использования бюджетных и донорских средств.

Вместе с тем необходимо учитывать, что развитие экономики, социальной сферы и состояние окружающей среды Казахстана не сбалансированы. Налицо увеличение ВВП, инвестиций, занятости и т.д. на фоне усиления антропогенной нагрузки на природные антропогенные комплексы за счет сырьевой направленности экономики, устаревших технологий и т.д., а также малыми объемами работ по реабилитации экосистем.

Несмотря на то, что в последние годы в Республике Казахстан наблюдаются тенденции макроэкономической стабилизации, средств на охрану окружающей сре-

мировые тенденции. Но, на взгляд автора, при межсекторальном и экологическом сбалансированном подходе к стратегическому определению целей и планированию Казахстан имеет возможность не повторить ошибок развитых стран, уже прошедших это путь.

Экономическая доктрина Устойчивого Развития может стать основой стратегического управления социальной сферой прежде всего через механизмы природопользования и охраны окружающей среды.

Проблемы стратегического управления природопользованием и охраной окружающей среды являются составной частью сложного блока проблем социально-экономического развития государства. Особенно актуальны они для Казахстана, обладающего богатыми природными ресурсами, играющими ключевую роль в национальной экономике, с одной стороны, и легкокоранимыми природными экосистемами – с другой.

Рисунок 1

Основные элементы трехфакторной модели развития

Устойчивое развитие, к которому стремится общество, предполагает, что все эти сферы находятся в равновесии, гармонично взаимодействуют между собой и создают экономически и экологически благоприятную для человека среду обитания. Это направление работы приобретает стратегическое значение.

Трехфакторная модель, предполагающая сбалансированное развитие экономики, социальной сферы и окружающей среды, представляется важной для обеспечения устойчивого развития. Приоритетное развитие одного сектора за счет других секторов приводит к нарушению баланса в эколого-социально-экономической системе и возникновению отрицательных изменений, оказывающих негативное обратное влияние на этот сектор. Предлагаемая модель обеспечивает саморегуляцию социальной сферы и поддержку ее ресурсопроизводящих функций, приоритетность гуманитарных аспектов в развитии и совершенствовании общества, включая образование, медицину, культуру, науку и природопользование (см. рис. 1).

Предлагаемая трехфакторная модель развития (экономика+социальная сфера+окружающая среда) – это не количественный рост показателей экономики и состояния общества, а качественное развитие, цель которого – обеспечить всем необходимым людям нынешних поколений, не лишая возможности будущие поколения удовлетворять свои потребности. Его главным требованием является сохранение природных ресурсов и систем достаточно ненарушенными, чтобы они позволяли получение дальнейших экономических выгод в обозримом будущем. Иными словами, это стратегия, позволяющая местным сообществам применять такие методы планирования и управления социально-экономическим развитием, которые улучшают качество жизни людей. Под качеством жизни понимается интегральная характеристика, в отличие от уровня жизни, учитывающая не количественные, а качественные критерии развития: состояние окружающей среды и степень решения социально-экологических проблем, качество питания и сферы обслуживания, состояние здоровья, степень и качество образования, структуру рекреации, степень удовлетворения потребности в информации, степень полноты бытия и другое.

Ключевыми элементами модели перспективного формирования социальной сферы развития являются экономический, социальный и экологический секторы, а также их межсекторальное взаимодействие. Приоритетное развитие одного сектора за счет других секторов приводит к нарушению баланса в эколого-социально-экономической системе и возникновению отрицательных изменений, оказывающих негативное обратное влияние на этот сектор.

Преобладание экономического развития без учета экологических аспектов, к сожалению, пока приводит к нерациональному использованию природных ресурсов, истощению биологического разнообразия и загрязнению окружающей среды.

Нерациональное использование природных ресурсов или их потеря в свою очередь приводят к сокращению ресурсной базы для стабильного развития экономики в интересах настоящего и будущих поколений людей, а в социальном секторе – к безработице, диспропорции в доходах, увеличению бедности, социальной несправедливости и напряженности (например, Аральский регион). Загрязнение окружающей среды приводит к изменению климата и другим глобальным экологическим проблемам, которые затем негативно влияют на социально-экономическое развитие (дополнительные ресурсы на восстановление окружающей природной среды и здоровья населения, защиту и поддержание населенных пунктов и территорий).

Ухудшение состояния окружающей среды приводит к повышению заболеваемости и смертности населения, следствием чего становится уменьшение производительности труда на производстве и количества трудовых ресурсов. Бедное население вынуждено добывать средства к существованию через использование местных ресурсов, зачастую нанося ущерб природным ресурсам и ухудшая экологическую ситуацию в регионе.

Недостаточная вовлеченность гражданского общества в процесс принятия решений приводит к искажениям в определении целей, приоритетов и направлений деятельности в экономическом, экологическом и социальном секторах развития.

Таким образом, предлагаемая автором трехфакторная модель социального развития требует гармонизации экономических, экологических и социальных интересов, а

также межсекторального взаимодействия и сотрудничества экономического, экологического и социального секторов, а также всех секторов гражданского общества в глобальных и национальных масштабах.

Переход на трехфакторную модель развития предполагает совершенствование системы управления социально-экономическими и экологическими процессами в переходный период.

Главное – усиление межсекторального взаимодействия для эффективного перехода к устойчивому развитию. В этом плане возможно создание на первом этапе Национальной комиссии по устойчивому развитию, уникальность которой состоит в содействии интеграции: экономических, социальных и экологических аспектов общественного развития; деятельности по реализации принципов устойчивого развития на локальном, национальном, региональном и глобальном уровнях; а также в интеграции теории и практики воплощения принципов сбалансированного развития сферы экономики, социальной сферы и окружающей среды. Основной целью национальной комиссии могло бы стать гарантирование учета социальных, экономических и экологических факторов устойчивого развития при принятии любых политических решений. Необходимо выстроить систему взаимодействия и работы Национальной комиссии с государственными органами, а также перечень направлений ее деятельности НКУР.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИКИ РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА ПО РАЗВИТИЮ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Туржанов С.А.

Составляющие показатели потенциала и уровня развития малого предпринимательства в регионах

Становление предпринимательства в Казахстане является объективной гарантией стабильности государства, его экономической системы. В Казахстане сфера малого предпринимательства достигла определенных результатов, государством был дан твердый курс на развитие отечественного бизнеса.

Вместе с тем современное состояние малого предпринимательства в Казахстане характеризуется региональными разли-

Учитывая реальную ситуацию в экономике, ограниченные финансовые ресурсы, которыми располагает социальная сфера для проведения кардинальных структурных преобразований, необходима эволюционирующая система приоритетов, многоступенчатая стратегия развития. В долгосрочной перспективе при наличии стабилизации и оживления социального сектора необходимы стимулирование развития социальных отраслей и общая модернизация социальной сферы.

Выбираемая стратегия социальной политики должна реализовываться с учетом истинных масштабов бедности и степени защищенности населения, необходимости удовлетворения социально-экономических требований в условиях бюджетных ограничений. После возобновления экономического роста и появления гибкого рынка труда, государство на основе адресных социальных выплат должно помогать тем группам, в социально-экономическом положении которых не произошло качественного улучшения. Такая стратегия позволит обеспечить цельную комплексную систему преобразования социальной сферы в субъект рыночных отношений. Необходима разработка технологии поддержки, отвечающая сформулированным принципам стратегии, что позволит прояснить границы возможностей, опереться на интересы населения, определить задачи по стимулированию и поддержанию процессов социально-экономической рационализации и адаптации.

циями. Каждый регион обладает соответствующим потенциалом (производственным, финансовым, ресурсным, трудовым и т.д.), что обуславливает преобладающее развитие тех или иных отраслей малого бизнеса. При наличии такой диспропорции в развитии малого предпринимательства необходима достаточно четкая и оперативная информация от регионов для контроля и мониторинга в настоящей ситуации за ходом деятельности, а также прогноза ее дальнейшего развития.

Базовыми показателями рейтинговой оценки регионов по развитию малого пред-

принимательства являются: потенциал регионов по развитию малого предпринимательства, уровень развития малого пред-

принимательства, показатели региона по развитию малого предпринимательства за 2001 г. (таблица 1).

Таблица 1

Показатели потенциала региона по развитию малого предпринимательства

1	Численность населения, тыс. человек	A
2	Валовой региональный продукт, млн тенге	B
3	Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. тенге	C
4	Объем продукции (работ, услуг), млн тенге	D
5	Объем промышленного производства, млн тенге	E
6	Уровень доходов населения, тенге	F
7	Величина прожиточного минимума (в среднем за год), тенге	G
8	Задолженность предприятий и организаций по заработной плате, млн тг	H
9	Количество предприятий, получивших доход, ед.	I
10	Количество предприятий, получивших убыток, ед.	J
11	Дебиторская задолженность, млн тенге	K

принимательства и динамика развития малого предпринимательства в регионах (темпы прироста к предыдущему отчетному периоду).

Для регионов Республики Казахстан характерно различие в обеспеченности теми или иными ресурсами. Особенности каждого региона определяются наличием потенциала, который оказывает непосредственное влияние на развитие малого предпринимательства.

Составляющие показатели в регионах включают 11 показателей, каждому из которых присваивается буквенный код (от А до К).

Базовые показатели уровня развития малого предпринимательства также включают в себя 11 показателей, которые обозначены буквенным кодом (от А до К). Данные показатели характеризуют деятельность малого предпринимательства (таблица 2).

Таблица 2

Показатели уровня развития малого предпринимательства

1	Зарегистрированные предприятия малого бизнеса, ед.	A
2	Действующие предприятия малого бизнеса, ед.	B
3	Активные предприятия малого бизнеса, ед.	C
4	Зарегистрированные индивидуальные предприниматели, ед.	D
5	Действующие индивидуальные предприниматели, ед.	E
6	Зарегистрированные крестьянские хозяйства, ед.	F
7	Действующие крестьянские хозяйства, ед.	G
8	Численность занятых на предприятиях малого бизнеса, тыс. человек	H
9	Численность занятых (индивидуальные предприниматели), тыс. человек	I
10	Численность занятых (крестьянские хозяйства), тыс. человек	J
11	Доход от реализации продукции (товаров и услуг) предприятий малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей, млн тенге	K

Наличие достаточной информации о потенциале регионов позволит осуществить ранжирование регионов, в результате которого составляется рейтинг. В связи с этим для определения рейтинга регионов по развитию малого предпринимательства целесообразно выделить основные составляю-

щие показатели. Для определения динамики развития малого предпринимательства следует проанализировать темпы прироста показателя к предыдущему отчетному периоду (данные 2001 г. против 2000 г.). Динамика включает в себя 5 показателей, которые обозначены буквенным кодом (от А до Е) (таблица 3).

Таблица 3

Динамика развития малого предпринимательства в регионах в 2000–2001 гг.

1	Количество созданных субъектов малого предпринимательства, ед.	A
2	Количество действующих субъектов малого предпринимательства, ед.	B
3	Численность занятых в малом предпринимательстве, чел.	C
4	Доля занятых в малом предпринимательстве в общем числе работающих, %	D
5	Доход от реализации продукции (товаров и услуг) предприятий малого бизнеса, индивидуальных предпринимателей, млн тенге	E

Модель рейтинговой оценки развития малого бизнеса в регионах.

Для выработки государственной политики эффективного управления данным процессом необходима полная картина современной ситуации. Оценка развития малого предпринимательства предполагает исследование региональных особенностей и в связи с этим разработку методики рейтинговой оценки регионов по уровню развития малого предпринимательства.

В основе данной методики были применены различные подходы по определению рейтинга регионов. Для выявления зависимости развития малого предпринимательства от потенциала региона и динамики темпов роста, а также для определения соотношения рассматриваемых групп показателей, исследователями были использованы два метода экономического и сравнитель-

3) по динамике развития малого предпринимательства в регионах (темпы прироста к предыдущему отчетному периоду).

Баллы присваиваются каждому региону в зависимости от места его положения по рейтингу – от 1 до 16. Наименьший показатель равен единице, наибольший – 16.

Рейтинг, то есть линейный ряд объектов, в котором они сочетаются по выбранным показателям. Каждому из них присваивается порядковый номер (ранг), соответствующий его месту в общем ряду. Наиболее развитому региону обычно присваивается первый ранг. На основе как рейтингов, так и абсолютных значений показателей осуществляется группировка. В этом случае каждый регион относится к определенному классу (типу) объектов, выделенному экспертами по сочетанию условий и уровня развития малого предпринимательства.

Таблица 4

Регионы	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	Средне-арифм.
Акмолинская	8	13	13	13	16	9	12	5	2	4	3	9
Актюбинская	11	11	8	7	7	7	11	3	14	14	10	8
Алматинская	2	10	14	9	9	13	7	4	6	2	2	9
Атырауская	14	2	1	1	1	10	15	1	9	16	9	6
Восточно-Казахстанская	3	4	9	4	4	8	8	8	4	7	13	7
Жамбылская	6	16	16	16	14	16	2	9	15	10	6	12
Западно-Казахстанская	13	8	5	10	10	12	6	7	12	13	4	8
Карагандинская	4	3	7	2	2	4	13	16	3	5	15	7
Кызылординская	12	15	11	11	11	14	3	11	16	12	1	11
Костанайская	7	9	10	12	12	11	4	10	5	3	11	11
Мангистауская	16	7	2	3	3	3	16	13	11	15	12	9
Павлодарская	9	6	6	5	5	6	5	6	13	11	14	8
Северо-Казахстанская	15	14	12	15	15	5	10	12	8	8	7	11
Южно-Казахстанская	1	5	15	6	6	15	1	14	7	6	8	8
г. Астана	10	12	3	14	13	1	9	2	10	9	5	8
г. Алматы	5	1	4	8	8	2	14	15	1	1	16	6

ного анализа: метод статистической группировки основных показателей и метод балльно-индексной оценки.

Стандартизированная системная методика позволит автоматически анализировать ситуацию в регионах (в том числе и в динамике). Данная методика основана на программном обеспечении Microsoft Access и Excel.

На основе имеющихся показателей была разработана модель рейтинговой оценки развития малого предпринимательства.

Модель включает в себя балльно-индексную оценку регионов:

1) по потенциалу развития малого предпринимательства;

2) по уровню развития малого предпринимательства;

Для определения потенциала развития малого предпринимательства в регионах следует указать в каждой строке таблицы 4 соответствующий балл.

Для определения уровня развития малого предпринимательства также следует указать в каждой строке таблицы 5 соответствующий балл.

Матрица рейтинговой оценки регионов по развитию малого предпринимательства базируется на сочетании параметров оценки двух основных видов показателей, поскольку уровень развития малого предпринимательства и потенциал самого региона неразрывно связаны между собой. Именно поэтому регионы рассматриваются нами в координатах: **уровень развития – потенциал.**

Таблица 5

Регионы	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	Средне-арифм.
Акмолинская	11	10	6	7	8	8	9	13	9	9	12	9
Актюбинская	9	11	10	10	13	11	11	7	13	10	9	11
Алматинская	8	7	9	6	4	2	2	6	4	2	11	6
Атырауская	15	15	16	14	12	16	12	15	14	13	5	14
Восточно-Казахстанская	3	4	3	1	1	3	3	2	2	3	4	3
Жамбылская	10	9	12	13	11	4	4	11	5	5	16	9
Западно-Казахстанская	14	16	15	11	10	9	8	12	12	6	13	11
Карагандинская	4	3	5	4	6	6	6	3	6	4	2	1
Кызылординская	16	13	14	16	16	12	16	16	15	12	15	14
Костанайская	7	8	8	5	5	5	7	8	8	7	10	7
Мангистауская	12	14	13	15	14	14	14	14	16	14	6	13
Павлодарская	6	6	7	12	15	10	10	10	11	11	7	9
Северо-Казахстанская	13	12	11	8	7	7	5	9	10	8	14	9
Южно-Казахстанская	2	2	4	2	2	1	1	4	3	1	8	3
г. Астана	5	5	2	9	9	13	13	5	7	16	3	8
г. Алматы	1	1	1	3	3	15	15	1	1	15	1	4

Заданы следующие градации.

Потенциал: высокий (цифровое обозначение 1); средний (2); ниже среднего (3); низкий (4).

Уровень развития: низкий (буквенное обозначение А); средний (В); ниже среднего (Г); высокий (Д).

Соответственно, рейтинг каждого вида региона обозначается цифро-буквенной комбинацией, которая указывает на область в упомянутых выше координатах.

Рейтинг потенциала региона по развитию малого предпринимательства

1 – **ВЫСОКИЙ** (от 1 до 4).

2 – **СРЕДНИЙ** (от 5 до 8), относятся следующие области: г. Алматы, г. Астана, Атырауская, Восточно-Казахстанская, Актюбинская, Карагандинская, Западно-Казахстанская, Павлодарская, Южно-Казахстанская.

3 – **НИЖЕ СРЕДНЕГО** (от 9 до 12), относятся следующие области: Акмолинская, Северо-Казахстанская, Мангистауская, Костанайская, Жамбылская, Кызылординская, Алматинская.

4 – **НИЗКИЙ** (от 13 до 16).

Как видно из анализа таблицы 4, регионы с высоким и низким потенциалами по развитию малого предпринимательства не отмечены.

Рейтинг по уровню развития малого предпринимательства в регионе

А – **ВЫСОКИЙ** (от 1 до 4), относятся следующие области: г. Алматы, Восточно-Казахстанская, Южно-Казахстанская, Карагандинская.

Б – **СРЕДНИЙ** (от 5 до 8), относятся следующие регионы: г. Астана, Алматинская и Костанайская области.

В – **НИЖЕ СРЕДНЕГО** (от 9 до 12), относятся следующие области: Акмолинская, Актюбинская, Жамбылская, Западно-Казахстанская, Павлодарская, Северо-Казахстанская.

Г – **НИЗКИЙ** (от 13 до 16), относятся следующие области: Атырауская, Кызылординская, Мангистауская.

Матрица рейтинговой оценки регионов по развитию малого предпринимательства с учетом потенциала

	A	B	B	Г
1	A1	B1	B1	Г1
2	A2	B2	B2	Г2
3	A3	B3	B3	Г3
4	A4	B4	B4	Г4

Характеристика составляющих матрицы:

A1 – Регион с высоким уровнем развития малого предпринимательства и высоким уровнем потенциала. Для данной категории региона характерны максимальные возможности успешного роста предприятий малого предпринимательства. Однако необходимо учитывать все факторы, которые могут влиять на его развитие. В настоящее время этот регион находится в устойчивом положении, но есть вероятность перемещения в другую позицию в случае недостаточной поддержки сферы малого бизнеса.

A2 – Регион с высоким уровнем развития малого бизнеса и средним уровнем потенциала. Это динамично развивающийся

регион с возможностями дальнейшего роста малого бизнеса. Для настоящего региона необходима кооперационная стратегия, то есть поиск новых форм сотрудничества с центрами, поддерживающими сферу малого бизнеса, создание бизнес-инкубаторов и других инфраструктур по его поддержке (г. Алматы, Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Южно-Казахстанская области).

А3 – Регион с высоким уровнем развития малого предпринимательства и потенциалом ниже среднего. Удержание позиций региона в данной группе требует гораздо больших усилий, чем от регионов с более высоким уровнем потенциала. При ограниченных возможностях данный регион продолжает эффективно развивать сферу малого бизнеса. При условии динамичного развития малого предпринимательства и наращивания потенциала существуют перспективы войти в категорию А2.

А4 – Регион с высоким уровнем развития малого предпринимательства и низким потенциалом. Положение данного региона отражает эффективность и успешную деятельность предприятий малого бизнеса, тем самым обзывая другие регионы с высоким уровнем потенциала находить возможности для максимальной работы. Регионы, входящие в данную категорию, должны продолжать наращивать потенциал.

Б1 – Регионы со средним уровнем развития малого предпринимательства и с высоким уровнем потенциала. Данным регионам следует периодически проводить анализ и оценку состояния малого предпринимательства. Регион должен изыскивать собственные источники оценки предприятия малого бизнеса либо привлекать компетентных специалистов.

Б2 – Регионы со средним уровнем развития малого предпринимательства и средним потенциалом. Типичные и наиболее характерные регионы в современных условиях. Есть возможность перехода в позицию А2. Необходима стратегия управления и снижения рисков, затем повышение потенциала. Если нет возможности управления рисками, необходима кооперационная стратегия (г. Астана).

Б3 – Регионы со средним уровнем развития малого предпринимательства и потенциалом ниже среднего. Регионы, относящиеся к этому типу, представляют наиболее популярное сочетание. Регионам с

высокими показателями развития малого предпринимательства необходимо повысить потенциал через внутренние источники либо через кооперирование. Существует вероятность угрозы перехода в категорию В3 (Алматинская и Костанайская области).

Б4 – Регионы со средним уровнем развития малого предпринимательства и низким уровнем потенциала. Данная категория регионов характеризуется стабильностью несмотря на низкий потенциал. Наращивание потенциала позволит повысить уровень развития малого предпринимательства и обеспечить гарантии и условия функционирования.

В1 – Регионы с уровнем развития малого предпринимательства ниже среднего и высоким потенциалом. В эту категорию входят регионы, которые не используют имеющийся потенциал для наращивания мощности развития малого бизнеса. Рекомендуется стратегия освоения новых рынков и оптимизация программ по поддержке малого бизнеса.

В2 – Регионы с уровнем развития малого предпринимательства ниже среднего и средним потенциалом. В данную группу входят регионы, не использовавшие возможности для продвижения и освоения лучших позиций. Предлагается кооперационная стратегия, путем сотрудничества и приобретения опыта у регионов с более успешными показателями (Актюбинская, Павлодарская и Западно-Казахстанская области).

В3 – Регионы с уровнем развития малого предпринимательства ниже среднего и потенциалом ниже среднего. Это проблемные регионы, которые характеризуются рядом нерешенных вопросов в сфере малого предпринимательства. Им необходимо применять методы стратегического планирования и увеличения уровня потенциала (Акмолинская, Северо-Казахстанская, Жамбылская области).

В4 – Регионы с уровнем развития малого предпринимательства ниже среднего и низким потенциалом. Регионы, входящие в эту позицию рейтинга, отнесены к депрессивным. В качестве рекомендаций можно предложить для настоящей категории регионов внедрение глобальной стратегии, путем завоевания неосвоенных рынков, занятия ведущей доли рынка и внедрение новых технологий.

Г1 – Регионы с низким уровнем развития малого предпринимательства и высоким потенциалом. Сложившаяся ситуация в регионе считается парадоксальной. Регионы, которые имеют высокий уровень потенциала и при этом не используют его в

не должно быть приемлемо для регионов Казахстана, поскольку Правительством были созданы определенные условия для развития малого бизнеса и ответственность за текущее состояние региона должно нести руководство данных регионов.

Таблица 6

Регионы	А	В	С	Д	Е	Средне-арифм.
Акмолинская	11	10	13	13	10	11
Актюбинская	9	11	7	7	12	9
Алматинская	8	7	6	6	8	7
Атырауская	16	15	15	15	13	15
Восточно-Казахстанская	3	4	2	2	2	3
Жамбылская	10	9	11	11	15	11
Западно-Казахстанская	15	16	12	12	14	14
Карагандинская	4	3	3	3	4	3
Кызылординская	15	13	16	8	5	11
Костанайская	7	8	8	16	16	11
Мангистауская	13	14	14	14	11	13
Павлодарская	6	6	10	10	6	7
Северо-Казахстанская	12	12	9	9	9	10
Южно-Казахстанская	2	2	4	4	7	4
г. Астана	5	5	5	5	3	5
г. Алматы	1	1	1	1	1	1

должной мере, вызывают сомнения. В данном случае ставится под сомнение неэффективность работы руководящих структур. Этой категории регионов необходимо наращивание динамичных темпов развития малого предпринимательства и вхождение в группу лидирующих.

Г2 – Регионы с низким уровнем развития малого предпринимательства и средним потенциалом. Регионам с данной характеристикой следует развивать малый бизнес в традиционной форме, то есть применение существующих методов развития этой сферы. Выход необходимо искать совместными усилиями региональных властей и инвесторов (Атырауская область).

Г3 – Регионы с низким уровнем развития малого предпринимательства и потенциалом ниже среднего. Это также «проблемные зоны». Они образуют своего рода препятствие для стабильности всей экономической системы государства, поскольку функционирование предприятий малого бизнеса представляет собой гарантию мощи страны. Данным регионам необходимо оказание содействия со стороны центров по поддержке малого предпринимательства (Мангистауская и Кызылординская области).

Г4 – Регионы с низким уровнем развития малого предпринимательства и низким потенциалом. Это проблематичные и депрессивные регионы. Занятие этой позиции

Также методом рейтинговой оценки является определение зависимости уровня развития в регионах малого предпринимательства по темпам прироста к предыдущему отчетному периоду и потенциала.

Для ее определения необходима балльно-индексная оценка регионов:

1) по потенциалу развития малого предпринимательства (таблица 4);

2) по уровню развития малого предпринимательства (таблица 5);

3) динамика развития малого предпринимательства в регионах (темпы прироста к предыдущему отчетному периоду) (таблица 6).

Для определения динамики развития в регионах малого предпринимательства в 2000–2001 гг. следует в каждой строке таблицы установить соответствующий балл.

Ряд 1 – потенциал развития малого предпринимательства.

Ряд 2 – уровень развития малого предпринимательства.

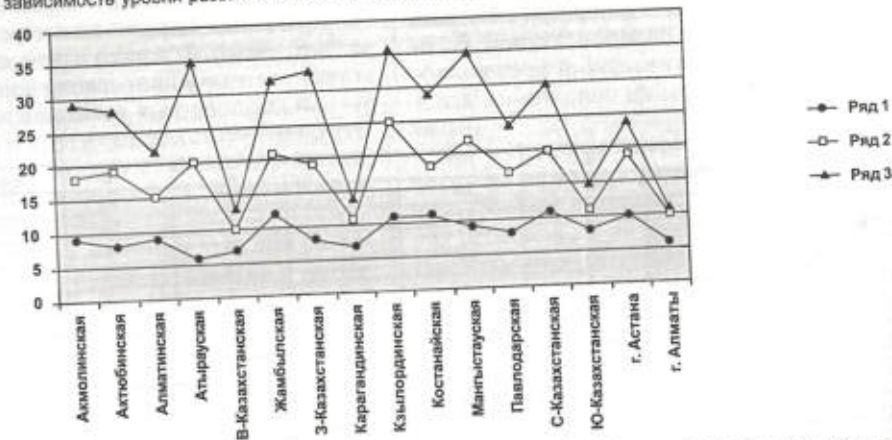
Ряд 3 – динамика развития малого предпринимательства в регионах (темпы прироста к предыдущему отчетному периоду).

Таким образом, для рейтинговой оценки регионов по развитию малого предпринимательства применяются следующие показатели:

- потенциала развития малого предпринимательства в регионах;

- уровня развития малого бизнеса;

Графическая зависимость уровня развития малого предпринимательства с учетом темпов прироста и потенциала

- динамики развития малого предпринимательства.

Рейтинговая оценка областей Республики Казахстан по развитию малого предпринимательства в 2001 г. показала, что:

1. Наиболее динамично развивающимися регионами с возможностями дальнейшего роста малого бизнеса являются г. Алматы, Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Южно-Казахстанская области. В случае недостаточной поддержки сферы малого бизнеса, существует вероятность перемещения данных регионов в другую позицию.

2. Регионом со средним уровнем развития малого предпринимательства и средним потенциалом является г. Астана. Для данного региона существует возможность перехода в позицию А2. Необходима стратегия управления и снижения рисков, затем повышение потенциала. Если нет возможности управления рисками, то необходима кооперационная стратегия.

3. К регионам со средним уровнем развития малого предпринимательства и потенциалом ниже среднего относятся Алматинская и Костанайская области, которым следует повышать потенциал через внутренние источники либо через кооперирование.

4. Актюбинская, Павлодарская и Западно-Казахстанская области – регионы с уровнем развития малого предпринимательства ниже среднего и средним потенциалом, т.е. регионы, не использовавшие возможности для продвижения и освоения луч-

ших позиций. Предлагается кооперационная стратегия, путем сотрудничества и приобретения опыта у регионов с более успешными показателями.

5. Акмолинская, Северо-Казахстанская, Жамбылская области и г. Астана это – регионы с уровнем развития малого предпринимательства ниже среднего и потенциалом ниже среднего. Такие регионы являются проблемными и характеризуются рядом нерешенных вопросов в сфере малого предпринимательства и требуют применения методов стратегического планирования и увеличения уровня потенциала.

6. Атырауская область является регионом с низким уровнем развития малого предпринимательства и средним потенциалом. Регионам с данной характеристикой следует развивать малый бизнес в традиционной форме, то есть применять существующие методы развития этой сферы с использованием возможностей региональных властей и инвесторов.

7. К регионам с низким уровнем развития малого предпринимательства и потенциалом ниже среднего относятся Мангистауская и Кызылординская области. Такие регионы образуют своего рода препятствие для стабильности всей экономической системы государства, поскольку функционирование предприятий малого бизнеса представляет собой гарантию мощи страны. Данным регионам необходимо оказание содействия со стороны центров по поддержке малого предпринимательства.

АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ СТРАНОВОГО РИСКА В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Карина А.Т.

В современных условиях оценка странового риска является теоретической базой для принятия решения в политике и экономике. Для преодоления неопределенности, с которой сталкиваются инвесторы за рубежом, проводится анализ риска, определяющий «вероятность того, что суверенное государство или независимые кредиторы в определенной стране не будут иметь возможности или желания выполнить свои обязательства по отношению к иностранным кредиторам и/или инвесторам.

Страновые риски возникают при осуществлении предпринимателями и инвесторами своей деятельности на территории иностранных государств. Доход от бизнеса может уменьшиться в случае неблагоприятного изменения политической или экономической ситуации в стране. Потеря или уменьшение дохода от бизнеса происходят по различным причинам, среди которых можно выделить:

- изменение политического строя страны;
- экспроприация или национализация объектов иностранной собственности;
- уничтожение или повреждение объектов собственности в результате военных действий и гражданских волнений;
- изменение общегражданского и специальных видов законодательства – таможенного, налогового и др.

Для инвестора страновые риски в целом определяют вероятность того, что объекты инвестиций будут уничтожены или экспропрированы в результате общественно-политических потрясений или резко ухудшатся условия для инвестиционной или экономической деятельности в результате изменения законодательной базы.

Для предпринимателя страновые риски означают возможность исполнения заключенных международных контрактов, повреждение или потерю имущества, де-

нежных средств в результате определенных социально-политических или экономических событий. В последнее время этому виду риска в мире уделяется большое внимание, что в значительной степени обусловлено своеобразным «инвестиционным» бумом, наблюдавшимся в последнее десятилетие на развивающихся рынках стран Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Восточной Европы, республик СНГ и Казахстана. Эти страны характеризуются неустойчивым политическим режимом, а также процессами перехода к рыночной экономике. В то же время доходность инвестиций в них весьма велика [1].

Определить более объективный прогноз очень трудно, инвесторы – люди, часто принимающие эмоциональные решения. Логика крупных международных инвесторов такова: «Мы наблюдаем большую поляну, на ней много игроков. И мы смотрим, в какое время в какой стране созревают условия для того или иного инструмента. Когда они созревают, мы создаем для страны этот инструмент» [2].

Оценка возникновения тех или иных непредвиденных обстоятельств, препятствующих процессу вложения иностранного капитала и усложняющих успешное ведение бизнеса в стране, складывается из различных методов анализа. Многоуровневая оценка позволяет не только адекватно оценить существующее положение вещей в инвестиционной сфере, но и с достаточной степенью вероятности предсказать развитие ситуации и выделить наметившиеся тенденции.

Инвесторы, принимая решения о финансировании проектов инвестиций, учитывают три основных обстоятельства. Первый фактор – политическая ситуация. Второй – макроэкономическая ситуация, тенденции развития страны. Третий – история. Люди всегда верят в успех, а успех

– это какие-то истории. Чем больше положительных примеров (успешных проектов) могут продемонстрировать инвесторы в стране, тем больше в нее приходит денег [3].

При исследовании странового риска инвестору нужно учитывать существовавшие неразрывности экономических, социальных и политических факторов. В рамках общего странового риска различают некоммерческий, или политический, и коммерческий риски. Последний, в зависимости от уровня своего влияния, может быть: 1) на уровне государства – риск неплатежеспособности, «ассоциирующийся с предоставлением займов иностранным правительствам»; 2) на уровне компаний – трансфертный риск, «риск того, что при проведении экономической политики отдельная страна может наложить ограничения на перевод капитала, дивидендов и процентов иностранным кредиторам» [4].

Под политическим риском в узком смысле этого слова понимается вероятность финансовых потерь для фирмы в результате воздействия неблагоприятных политических факторов в стране размещения инвестиций. Интересы иностранных инвесторов и властных субъектов изначально разнонаправлены. Как констатирует российский исследователь Л.Мазун, обычно «правительство пытается добиться максимальных экономических выгод при минимальной «политической цене», компания же стремится получить режим наибольшего благоприятствования» [5].

До 80-х годов в широком контексте сканирования внешней среды экономические и технологические области рассматривались как более важные и имеющие большее влияние на бизнес, чем политические и социальные, которые, как считалось, не только более сложны и неструктурированы, но и более неопределены и менее предсказуемы. Тенденция относится к социально-политическому развитию как к действию провидения, которым невозможно управлять и на который можно только реагировать тогда, когда действия уже становятся видимыми, определила недостаточную разработанность аналитических инструментов в данной области. К пересмотру этой тенденции привели активные исследования по разработке подходящих социальных индикаторов, которые могли бы использоваться наряду с такими

широко распространенными экономическими индикаторами, как валовой внутренний продукт (ВВП) и индекс потребительских цен.

Общую схему взаимодействия политических, социальных и экономических факторов, определяющих уровень риска в стране, представил Ч.Кеннеди в своей книге «Управление политическим риском» (см. на стр. 79) [6].

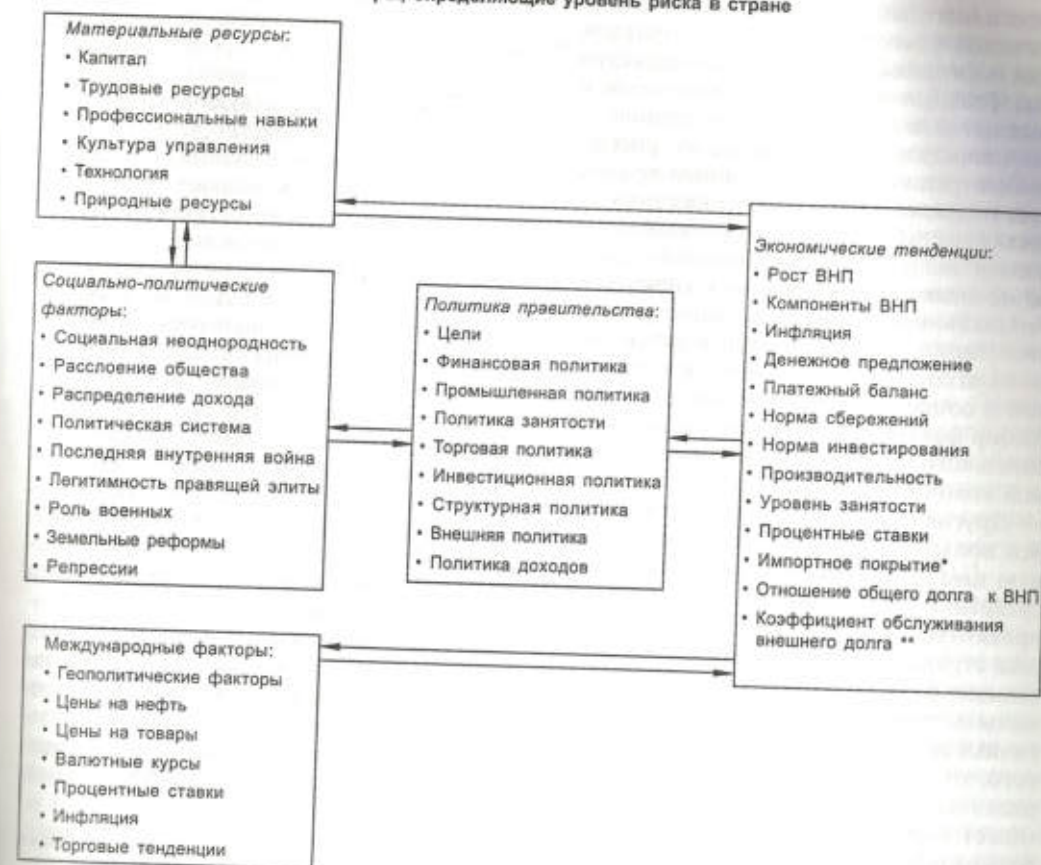
До конца 70-х большинство международных фирм ограничивало свой политический анализ климата в стране качественными оценками, проведенными с использованием методов «old hands» («старых знакомств») и «grand tours» («больших туров»). Анализ проводился не регулярно, а лишь в тех случаях, когда решался вопрос о новых инвестициях. Если риск представлялся слишком высоким, инвестиции либо не размещались (принцип «go/no go»), либо к стоимости проекта добавлялась «премия за риск» для учета высокой вероятности потерь. Отрицательной чертой этого метода является возможное приукрашивание собираемой информации и излишне оптимистический прогноз.

По мнению известной российской ученой И.А.Подколзиной, наиболее систематичным является качественный метод Delphi (Дельфи), по которому на первом этапе аналитики компании разрабатывают систему переменных для конкретного случая, а затем привлекают широкий круг экспертов, которые определяют вес каждой переменной для рассматриваемой страны. Большим недостатком этого метода является чрезмерная субъективность оценок [6].

Р.Руммель и Д.Хинен обосновали необходимость комбинированного подхода, который позволил бы соединить субъективное восприятие иностранной Среды с количественным анализом объективных данных для формирования общего восприятия (GESTALT) странового риска. В настоящее время комбинированный подход к оценке странового риска использует большинство фирм [7].

Формализация и моделирование макрополитических и экономических рисков начали широко развиваться в середине 70-х. Рост задолженности развивающихся стран вызвал повышенный интерес к так называемым рискам неплатежеспособности. Специфическая природа этих рисков при-

Факторы, определяющие уровень риска в стране

* Коэффициент обеспечения импорта страны валютными резервами.

** Отношение годовых платежей к экспорту страны.

вела к систематическому анализу макроэкономических данных, хотя при этом признавалась необходимость вовлечения некоторых субъективных элементов.

Мировой финансовый кризис 1997–1998 годов привел к необходимости существенно пересмотреть количественные оценки странового риска практически для всех стран в сторону увеличения. Характер развития кризиса выявил глобальную взаимосвязь экономик различных государств мира («принцип домино»). Это привело к существенному ограничению применяемых традиционных методов оценки риска и к необходимости разработки новых подходов.

Страновые риски могут быть трех типов:

- социально-политические;
- микроэкономические;
- макроэкономические [8].

Количественная оценка странового риска имеет определяющее значение для принятия решения об инвестициях в зарубежных государствах. Существует стратегия международного инвестирования, основанная на концепции так называемого «мирового портфеля», согласно которой доли вложения средств в активы различных государств должны быть распределены обратно пропорционально их страновому риску. Собственно говоря, практическая полезность и содержательность самого понятия «страновой риск» раскрывается именно в связи с использованием концепции «мирового портфеля активов».

Количественный подход к оценке странового риска позволяет сравнивать различные страны по степени риска, используя единый числовой фактор риска, который суммирует относительное влияние оп-

ределенного количества социально-политических факторов посредством различных политических и социальных индикаторов. Главным недостатком количественных методов является использование узкого определения политического риска и концентрация на ограниченном количестве подвидов риска, таких, как политическая нестабильность, валютный контроль и экспроприация. Полный список возможных рисков, с разной степенью потенциального влияния на иностранные инвестиции, гораздо шире и включает несколько сотен политических, экономических и социально-культурных факторов. Выбор факторов и определение их относительного веса остается основной проблемой количественного метода.

Другая проблема заключается в том, что попытка приспособить количественную шкалу рисков для международных сравнений наталкивается на отраслевую/проектную ориентированность большинства страновых рисков. Например, добывающие отрасли гораздо больше подвержены экспроприации, чем высокотехнологичные производственные отрасли. Более того, то, что рассматривается как фактор риска для большинства отраслей, вполне может быть фактором дополнительных возможностей для некоторых других отраслей. Поскольку различные страны обладают различным относительным уровнем риска для разных инвесторов, постольку сфера применения количественной шкалы странового риска сужается.

Для раннего обнаружения благоприятных или неблагоприятных тенденций в стране применяется метод агрегированных статистических данных. На этой основе в 70-е годы были разработаны две модели (PSSI; Ecological Approach), основанные на точных причинных взаимосвязях и опирающиеся в первую очередь на эконометрические и другие объективные данные. Модель Political System Stability Index была описана Д.Генделем, Г.Вестом и Р.Мидоу. Вторая модель, так называемый «экологический» подход Кнудсена (Knudsen's Ecological Approach), основывается на предположении, впервые высказанном Т.Гурром, о том, что высокая степень национальной фрустрации будет существовать там, где существует разрыв между ожиданиями людей и их благосостоянием (динамические концепции). Взаимодей-

ствуя с видимым иностранным сектором, эта фрустрация может привести к интервенции или экспроприации, причем иностранные фирмы послужат «козлом отпущения» в неспособности существующего политического порядка удовлетворить экономические и политические чаяния народа [9].

Вторую группу составляют экспертные оценки, являющиеся обычно конечным продуктом многоступенчатого консультационного процесса, который может вовлекать или не вовлекать метод Дельфи. Некоторые из этих отчетов используют эконометрические данные, но их основной характеристикой является прогрессивное ранжирование достаточно большого количества стран в соответствии с более или менее ясной логикой анализа. Первой фирмой такого рода стала служба BERI (Business Environment Risk Index). Выходя на внешний рынок, следует в любом случае воспользоваться имеющимися данными по оценке уровней различных рисков в странах своего возможного экономического присутствия. Эта система оценки основана и на придании каждому виду риска определенного весового коэффициента, отражающего его значимость для успеха в бизнесе. Для удобства сумма коэффициентов приводится к 25 баллам (табл. 1) [10].

Таблица 1

Критерий	Коэффициент
Политическая стабильность	3
Отношение к иностранным инвесторам и прибылям	1,5
Опасность национализации	1,5
Девальвация национальной валюты	1,5
Платежный баланс	1,5
Бюрократические барьеры	1
Экономический рост	2,5
Конвертируемость валюты	2,5
Возможность реализации и судебного опротестования договора	1,5
Трудовые затраты и производительность труда	2
Наличие экспертов и экспертных услуг	0,5
Связь и транспортное сообщение	1
Наличие местных менеджеров и партнеров	1
Возможность краткосрочных кредитов	1
Возможность долгосрочных кредитов и наличие собственного капитала	2
Итого:	25

Составление рейтинга стран по уровню риска включает в себя несколько этапов: выбор переменных (политическая стабильность, степень экономического роста, степень инфляции, уровень национализации и др.), определение веса каждой переменной (максимальный вес имеет переменная политической стабильности), обработка показателей по методу Delphi с использованием экспертной шкалы, выведение суммарного индекса, теоретически располагающегося в пределах от 0 до 100 (минимальный индекс означает максимальный риск, и наоборот). Как правило, индексы стран не достигают крайних значений. Сравнительные рейтинговые системы, использующие схожие методологии, разрабатываются консалтинговыми фирмами Frost&Sullivan (the World Political Risk Forecast), Business International and Data Resources Inc. (Policon). Большинство из них доступны в режиме on-line и, как в случае с Policon, пользователи могут включать свою собственную оценочную информацию.

Существуют еще также две финансово-ориентированные рейтинговые системы: Institutional Investor's Country Credit Rating и Euromoney's Country Risk Index, охватывающие 109 и 116 стран соответственно. В модели Euromoney рейтинг странового риска составляется путем комбинирования набора индикаторов типа Лондонской ставки предложений по межбанковским кредитам (LIBOR), первичного ценообразования, межбанковских кредитов и т.д. Для характеристики общих экономических и политических тенденций, таких, как сте-

пень национального контроля над ключевыми секторами экономики, политическая нестабильность, международный статус страны, изменения в торговом балансе правительства и фирм, применяются целые группы переменных. Количественные параметры используемых индикаторов обычно комбинируются с мнениями экспертов и формируют сложную динамическую модель, позволяющую прогнозировать развитие национальной международной экономики. Преимуществом индикаторов в их объективности и (в большинстве случаев) измеряемости, что позволяет быстро создавать точные отчеты о событиях. Однако крупной проблемой остается теоретическая обоснованность индикаторов. Другой проблемой является статичность рейтингов по определению: они рассматривают прошедшие события и условия, которые могут не иметь никакой связи с будущим [11].

Суть рейтинговой работы сводится к следующему. Примерно 20 лет назад у межгосударственных инвесторов возникла необходимость оценивать риски при вложении инвестиций в различные программы и проекты отдельных, прежде всего, развивающихся стран. С появлением таковой возникли организации, которые стали с использованием определенного ранжира стран, их образований и хозяйствующих субъектов давать некоторый прогноз по рискованности финансовых вложений. Такие оценки стали публиковаться. Первоначально этим занимались отдельные группы при крупных компаниях или банках, затем были созданы специальные рейтинговые агентства. Их работа стала хорошо оплачиваться.

Таблица 2

Модель	Тип риска	Количество стран, участвующих в рейтинге	Периодичность составления рейтинга
Business Environment Risk Index (BERI)	Страновый	48	Ежеквартально
BERI Political Risk Index (PRI)	Политический	-	-
BERI Foreland	Финансовый	-	-
World Political Risk Forecast (WPRF)	Политический и экономический	80	Ежемесячно
International Country Risk Guide (ICRG)	Политический, финансовый и экономический	Более 100	Ежемесячно
Institutional Investor's Country Credit Rating	Финансовый	109	-
POLICON	Политический	-	-
Control Risks	Страновый	70	Еженедельно
Oxford Analytical Data	Страновый	50	Ежедневно
Euromoney's Country Risk Index	Финансовый	116	-

Наиболее серьезной критике экспертные системы подвергаются за скрытую взаимосвязь между социально-экономическими факторами и политическим риском, что затрудняет применение рейтингов для решения специфических задач.

Разработка стратегии поведения иностранных фирм в стране вложения инвестиций строится на тщательном анализе как объективных (состояние законодательства, уровень инфляции, стабильность и т.д.) факторов, так и субъективных (роль ключевых фигур и структур государства в создании благоприятных либо неблагоприятных условий для ведения бизнеса).

Наиболее сложный, но эффективный подход, разработанный Shell Oil для оценки возможности разведки, разработки и переработки нефти в определенной стране, и его последующие варианты (например, модели, разработанные Risk Insights, Inc.) включают формальную спецификацию рассматриваемых отношений, экспертные мнения, обработанные методом лимитирования суждений ошибок, сложный статистический алгоритм, комбинирующий результаты агрегированных эконометрических данных и индивидуальных оценок. Главным ограничением метода является его дороговизна.

Все рассмотренные модели имеют определенные преимущества и недостатки. Экспертные системы критикуются за то, что в них не всегда четко прослеживаются причинные отношения. Эконометрические модели зачастую страдают сложностью обеспечения текущими источниками данных большинства независимых переменных, необходимых для анализа. Встроенные модели могут быть дороги, продолжительны во времени и географически ограничены. Из этого следует, что оптимальный подход должен сочетать лучшие стороны каждого из методов и давать возможность измерять макрориски и интерпретировать их применительно к проектно-специфическим условиям. Существенным фактором неопределенности является наличие множества разнотипных политико-территориальных образований, обладающих различным экономическим потенциалом, разнородных по национальному составу и опирающихся на разные исторические, политические, культурные и религиозные традиции. Региональные конфликты оказывают как

прямое воздействие на общую обстановку, так и косвенное влияние на ситуацию в других регионах, поскольку решение региональных проблем требует дополнительных субсидий, что ведет к росту дефицита федерального бюджета, изменениям в налоговом законодательстве, сокращению социальных расходов (а следовательно, к возрастанию социальной напряженности), увеличению размера государственного долга, колебаниям процентных ставок и валютного курса, т.е. к ухудшению инвестиционного климата в стране. Для адекватного анализа необходимы проведение подробных исследований отдельных регионов (или групп регионов), учет относительного «веса» каждого региона (группы), включение региональных индикаторов в общую схему оценки странового риска.

Наиболее авторитетными являются три финансовых международных рейтинговых агентства:

1. Компания Standart & Poor's основана в США в 1960 году. Последние годы выполняет в основном функции международного рейтингового агентства. Этими вопросами занимается 750 аналитиков в 16 офисах во всем мире. Суммарный объем облигаций и других ценных бумаг, которым был присвоен рейтинг Standart & Poor's, превышает 10 трлн долл. США.

2. Moody's Investor's Service – ведущее рейтинговое агентство США по выпуску еврооблигаций и еврокоммерческих бумаг было создано в 1970-х годах. Глобальный объем ценных бумаг, имеющих кредитные рейтинги Moody's, составляет около 5 трлн долл. США.

3. Fitch IBCA – это третье в мире международное рейтинговое агентство с двойной штаб-квартирой в Нью-Йорке и Лондоне и французской родительской компанией. Услугами агентства пользуются более 1000 банков и других финансовых институтов, примерно 400 корпораций по всему миру, около 50 стран – суверенных заемщиков [13].

В начале 1990 года два международных рейтинговых агентства (Standart & Poor's и Moody's) присвоили Казахстану низкий (спекулятивный) рейтинг ВВ, означающий, что финансовые вложения иностранных инвесторов в Казахстан только в ближайшее время не представляют опасности, но в будущем будут подверже-

ны долгосрочному риску в случае неблагоприятных перемен в экономических условиях. При таком рейтинге вкладывать средства в экономику Казахстана можно только в рисковые и спекулятивные операции. Позже этот рейтинг (ВВ) и другой – Ва2 (вероятность оплаты обязательств, большая зависимость от изменений экономических условий) стали присваивать некоторым крупным компаниям и банкам.

Как известно, изменение процентных ставок является показателем риска для ин-

ности американских банков ограничены. Инвестиционное качество ценных бумаг: бумаги ниже рейтинга Ваа или ВВВ называются «мусорными облигациями». Не имеющие рейтинга ценные бумаги также могут приобретаться, но банк должен быть способен показать, что они достаточно качества.

Профессиональные инвесторы стали требовать от международных рейтинговых агентств данные по ежегодным рейтингам.

Обозначения шкалы оценки платежеспособности эмитентов международными рейтинговыми агентствами [13]

Уровень качества долговых обязательств эмитента	Moody's	Standart & Poor's	Fitch IBCA
Исключительный	Aaa	AAA	AAA
Отличный	Aa	AA	AA
Выше среднего	A	A	A
Ниже среднего	Baa	BBB	BBB
Спекулятивный	Ba	BB	BB
Очень спекулятивный	B.Caa	B.CCC.CC	B.CCC.CC.C
Невыполненные обязательства	Ca.C	D	DDDDDD

вестора. Рост процентных ставок снижает рыночную цену ранее эмитированных бумаг, причем выпуски с максимальными сроками погашения обычно претерпевают наибольшее падение цен. Более того, периоды роста процентных ставок обычно отмечены нарастанием спроса на кредиты. Так как главный приоритет банка – выдача кредитов, многие ценные бумаги должны быть распроданы в целях получения наличности для предоставления ссуд. Такие продажи часто приносят существенные капитальные убытки, которые банк компенсирует за счет комбинации налоговых льгот и относительно более высокой доходности по выданным ссудам.

Также банковские инвестиции подвержены и кредитному риску, особенно те ценные бумаги, которые эмитируются частными корпорациями и отдельными органами местного самоуправления. Риск в том, что эмитент ценной бумаги может отказаться выполнить свои обязательства по выплате основных сумм долга или процентов по облигациям, что потом может привести к большим проблемам банка. Например, в США с этой целью существует регулирующий норматив, запрещающий приобретение спекулятивных ценных бумаг, т.е. имеющих рейтинг «Moody's», ниже Ваа, или рейтинг «Standart and Poor's», ниже ВВВ. Возмож-

В 2002 году Standart and Poor's повысил рейтинг ВВВ, т.е. повышение составило сразу две ступени по шкале рейтингов (с ВВ до ВВВ). С повышением рейтинга Казахстан как эмитент совершил качественный переход из спекулятивного клас-

Суверенные рейтинги Standart and Poor's некоторых стран – развивающихся рынков на 2001 год [14]

Страна	Долгосрочные займы
Аргентина	В
Боливия	В+
Бразилия	ВВ-
Болгария	В+
Китай	ВВВ
Коста-Рика	ВВ
Хорватия	ВВВ-
Эстония	ВВВ+
Индия	ВВ
Индонезия	ССС+
Литва	ВВВ-
Мексика	ВВ+
Монголия	В
Пакистан	В-
Парагвай	В
Перу	ВВ-
Румыния	В
Россия	В
Турция	В-
Уругвай	ВВВ-
Венесуэлла	В
Казахстан	ВВ

са в инвестиционный класс обязательств [15]. Наша страна первой в СНГ достигла такого рейтинга. Повышение имеет ряд преимуществ:

1) позволяет снизить инвестиционные риски по обязательствам Казахстана и демонстрирует способность страны погашать долги;

2) обеспечивает расширение инвесторской базы;

3) создает ориентиры доходности для развивающихся стран со спекулятивным рейтингом.

На повышение суверенного рейтинга страны повлияло создание Национального фонда, основной функцией которого является снижение зависимости отечественной экономики от воздействия неблагоприятных внешних факторов, вызываемых колебаниями конъюнктуры мировых цен на сырьевые ресурсы. Долг и его обслуживание находятся на безопасном уровне. Стабильность внутри политического положения страны также является позитивным фактором, повлиявшим на рейтинг [16].

Литература

1. Хохлов Н.В. Управление риском: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 36 с.
2. Гурова Т. Функция скачка. – Эксперт. – №23. – 17 июня 2002 г. – С. 30.
3. Уровень политического риска в Казахстане. Центральноазиатское агентство политических исследований (АПИ). – Алматы, 2000. – 108 с.
4. Хохлов Н.В. Указ. соч.
5. Уровень политического риска в Казахстане. Центральноазиатское агентство политических исследований (АПИ).
6. Подколзина И.А. Проблемы дефиниции и оценки политического риска в зарубежных исследованиях. Вестник Московского Университета. Серия 12. – Политические Науки. – 1996. – №5. – С. 27–30.
7. Leavy B. Assessing Country Risk for Foreign Investment Decisions // Long Range Plannig. – 1984. – Vol.17. – №3. – P. 142.
8. Тэпман Л.Н. Риски в экономике: Учебное пособие для вузов / Под ред. проф. В.А. Швандара. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 63 с.
9. Подколзина И.А. Указ. соч.
10. Буянов В.П. Управления рисками / Буянов В.П., Кирсанов К.А., Михайлов Л.А. – М.: Экзамен, 2002. – 158 с.
11. Роуз П. Банковский менеджмент // М: Финансы и статистика, 1995. – 743 с.
12. Подколзина И.А. Указ. соч.
13. Абрамов С.И. Управление инвестициями в основной капитал. Примечание 16. – М.: Экзамен, 2002. – 340 с.
14. Вопросы статистики. – 2001. – №8.
15. Панорама. – 22 февраля 2002. – №7.
16. Панорама. – 5 апреля 2002. – №13.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭЛИТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Масатова Б.Б.

Существование определенной группы людей, осуществляющих управление обществом, и функциональная необходимость этой деятельности продемонстрированы человечеством еще с давних времен. Со временем определилось содержание понятия «элита». В данной статье ставится цель – рассмотреть теоретические и методологические аспекты исследования

элит в политической теории, степень освещенности данной проблематики в российской и отечественной теории.

Современная теория элит имеет немало предшествующих ей интеллектуальных посылок. От Платона, представившего картину «идеального государства», управление которыми осуществляют мудрецы-философы, Т.Карлейля, отметившего

первостепенную роль выдающихся одиночек-«героев» в истории человечества, Маккиавелли, считавшего любое общество элитарным, не верившего в возможность народного суверенитета, абсолютизовавшего отношения господства и подчинения, до Ф.Ницше, объявлявшего волю к власти первоосновой мирового процесса, основным инстинктом человека [1]. Статус научных теорий элитистские доктрины приобретают уже в конце XIX–начале XX веков в процессе становления социологии и политологии как академических дисциплин. Появляются работы В.Парето, Г.Моска, Р.Михельса, которые создали научную концепцию теории элит. Они утверждали, что в любой социальной общности всегда выделяется творческое меньшинство, задающее обществу цели развития и пользующееся привилегиями в силу своего статуса [2].

Социально-философское осмысление элитологических концепций продолжилось М.Вебером, Х.Ортега-и-Гассетом, А.Тойнби, К.Мангеймом и др. С XIX века термин «элита» стал применяться к группам, занимающим высокое положение в системе социальной иерархии. Г.Моска использовал термин «элита» для определения наиболее активных в политическом отношении людей, ориентированных на власть, или правящего класса. Противопоставление меньшинства управляемой «массе» свойственно было Парето. Позже под элитой, в связи с абсолютизацией политических отношений, стали понимать и «творческое меньшинство общества» (Тойнби), и «богодохновенных личностей» (Фройнд), и людей, достигших самого высокого положения в различных областях деятельности (Миллс). В политической науке XX века к «элите» относят: людей, пользующихся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством; людей, обладающих интеллектуальным или моральным превосходством над массой, наивысшим чувством ответственности (Ортега-и-Гассет); людей, обладающих позициями власти (Этциони); формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь (Дай); меньшинство, осуществляющее наиболее важные функции в обществе, имеющие наибольшее влияние (Келлер); сравнительно небольшие группы, состоящие из лиц, занимающих ведущее положение в политической, эко-

номической, культурной жизни общества, как считают сторонники теории элитного плюрализма (В.Геттсман); наиболее квалифицированные специалисты, менеджеры и высшие служащие в системе бюрократического управления (сторонники технологического детерминизма); ведущие представители любых социальных групп – профессиональных, этнических и локальных – «элиты» летчиков, шахматистов, и даже воров (Боден); людей с высоким положением в обществе и, в силу этого, оказывающих влияние на социальный прогресс (Л.Дюпре); владеющих наибольшими состояниями или имеющих наибольший престиж (П.Лассуэлл). До второй мировой войны теории «элит» получили наибольшее распространение в Италии, Германии, Франции, после войны – в США. Основные варианты этих теорий: «ценностный» (Ортега), «макиавеллиевский» (Бернхэм), структурно-функциональный (Келлер) [3]. Таким образом, можно утверждать о существовании элитистской парадигмы в социально-философском и гуманитарно-научном знании, имея в виду длительную историческую традицию и разработанный научный инструментарий.

Современные исследователи, в зависимости от разделяемых ими концептуальных подходов, по-разному определяют содержание понятия «политическая элита». Наиболее влиятельными концептуальными подходами являются: (а) позиционный (структурный, организационный): принадлежность или непринадлежность индивида или группы к элите определяется по их положению в официальной социально-политической структуре общества при наличии особых социальных качеств (например, организационных способностей, подчеркнутых Моска и Михельсом); (б) функциональный (результативный, решенческий), согласно которому к указанной категории относятся люди, принимающие политические решения или оказывающие существенное влияние на их принятие (данный подход разделяет понятия «формального» и «действительного носителей власти»); (в) рецептуальный, выделяющий в качестве важнейшего критерия «элитарности» тех или иных групп населения политическую влиятельность; (г) экономический («выбора по имени»); при сравнении элитных позиций особое внимание уделяется доступу к средствам производства и контролю над ними

(например, в работах Дж.Бернхейма). Можно выделить как особые направления в исследовании политической элиты также поведенческий (бихевиористский) и ценностный подходы [4]. Первые два подхода в приведенной классификации иногда определяют как статусно-функциональный подход в определении элиты. Так, Р.Миллс (в работе «Властвующая элита») утверждал, что это лица, занимающие высокие социально-политические позиции, возвышающие их над другими и, в силу своего статуса, принимающие решения, которые имеют крупные последствия. Эту позицию конкретизирует Т.Дай, имея в виду чиновников высшего звена, обладающих формальной властью в организациях и институтах и диктующих правила организации жизни в обществе. Нормативно-ценностная трактовка исходит из первоначальной сущности понятия и отвергает или сомневается в том, что тот, кто занимает высокий пост в структуре власти или обладает финансовыми ресурсами, и есть «лучший», «отборный», «качественный». Иначе говоря, формирование элиты является следствием естественного отбора наиболее способных, достойных представителей, обладающих высокими нравственными устремлениями (В.Парето, Х.Ортега-и-Гассет, А.Тойнби). Еще один подход – макиавеллиевский, суть которого в признании элитарности любого общества, в идее вечного, изначального неравенства и стремлении правящих группировок удержать власть всеми имеющимися в их распоряжении и любыми средствами (Бернхэм) [5].

После войны центр анализа политической практики переместился в США. Первые сравнительные исследования общественного мнения были проведены социологами Р. и Х. Линд в середине 20-30-х годов XX века. Их исследования подтвердили предположения элитистов о распределении власти в современном обществе, а именно необходимости правящего слоя в любом (в т.ч. современном демократическом) социуме. Эти ученые пришли к мнению, что подлинной властью в среднем городе США обладают владельцы промышленных предприятий, впоследствии Т.Р.Дьюи, Ф.Хантер подчеркнули приоритетные позиции бизнесменов внутри элиты. По мнению последнего (в раб. «Кто правит в обществе?»): «...в группе, формирующей политику, доминирует экономический интерес». Г.Ал-

монд и С.Верба («Гражданская культура и стабильность демократии») утверждали, что власть элит – «составляющая демократии», иначе без контроля правительственных элит со стороны не-элит невозможно назвать политическую систему демократической. Д.Бернхэм оценивал теории элит как макиавеллизм, видя суть социальных процессов в различиях между элитой и не-элитой, сведя характер элиты к двум качествам – силе и хитрости, а цели – к единственному стремлению удержаться у власти. А.Роуз обосновал идею, что современное общество – система множественных властвующих структур, каждая из которых имеет собственную элиту. Таким образом, социологи-элитисты чаще всего рассматривают политическую власть как результат «благоприятной позиции в социальном или экономическом мире» [6].

Начиная с 30-х годов элитаристы попытались совместить элитизм с признанием ценности демократических институтов в виде «демократического оптимума отношений элита – масса» (К.Маннгейм). В западной социологии складывается либерально-демократическая трактовка элитаризма, согласно которой элитаризм и демократия совместимы (К.Маннгейм, Дж.Шумпетер). Далее элитизм развивается в сторону придания элитам большей легитимности, оправданности существования и социальной необходимости. Ведутся споры о наличии или отсутствии «кумулятивного неравенства» в деятельности элит (перенос контроля с одного ресурса общества на несколько); о рассредоточении власти с множественностью элит (Р.Миллс) или ее фиксации в одних руках; о доступности или недоступности каналов вхождения в элиту. В послевоенные годы в США формируется несколько школ элитизма: «макиавеллиевская» (Дж.Бернхэм) и либеральная (Г.Лассуэл). Последняя школа выступила с идеями элитного плюрализма, который она рассматривала как синоним современной демократической теории. К 60-м годам в США сложился структурно-функциональный вариант элитаризма (С.Келлер и др.), в 70-90-х годах – неозэлитизм [7]. В 70-90-х годах ряд американских и западноевропейских политологов (Т.Дай, Х.Цайглер, У.Домхофф и др.) продолжает спор с теоретиками плюрализма, в том числе элитного плюрализма. Неозэлитисты считают, что современные индустриальные общества да-

леку от плюралистической концепции политической структуры. Так, по мнению Р.Гамильтона, в современных США наблюдается тенденция упадка роли автономных организаций, которые, в условиях государственно-монополистического капитализма, неизбежно бюрократизируются и не снимают отчуждения индивида. Более того, эти группы, вращая в бюрократическую социальную структуру, служат не защите личности, но, напротив, оказываются дополнительным орудием в руках манипуляторской элиты. Итогом «плюралистической демократии» оказывается демократия весьма ограниченная, демократия, ориентированная на верхние страты социальной пирамиды [8]. В работах авторов технологического детерминизма и футурологов (Д.Белла, Дж.Гелбрейта, М.Новака, Э.Тоффлера и др.) проблема элиты занимает одно из центральных мест. «Новая элита» – не элита личностей, но корпоративная элита, элита новаторов, менеджеров-интеллектуалов, функциональная по отношению к современной технологии.

Много работ было посвящено изучению номенклатурной элиты. Это исследование З.Бжезинского, Р.Такера, М.Джиласа, М.Восленского, А.Авторханова, Е.Старикова, А.Зиновьева, О.Крыштановской, С.Кислицина и др.

Особенно интересны исследования элит стран, переживающих транзитный период. В 80-е годы наблюдался всплеск работ в этом направлении, особенно по элитам стран, находящихся в процессе становления демократии в поставторитарных странах Латинской Америки. В конце 80-90-х годов интерес элитаристов сместился в сторону изучения стран Западной Европы и бывших республик СССР, вступивших на путь демократии (А.Лейпхарт, Г.Элстер и др.) [9]. В СССР исследования в этой области осуществлялись с позиций критики концепций лидерства, несостоятельности теории элит и объяснений закономерности существования элиты в буржуазном обществе вследствие неравного доступа к средствам производства и соответствующей социально-политической структуры общества. Позже Г.К.Ашиным была обоснована возможность совместить понятие «элита» с марксистской теорией классов [10].

С конца 80-х годов после снятия идеологических запретов, а позже со вступлением на путь демократии стран СНГ в по-

литологической литературе начинается бурное развитие элитологии. В последние годы произошел качественный и количественный скачок в изучении данной проблемы, выразившейся в увеличении количества работ, изменении теоретических и методологических подходов. Большинство работ носит эмпирический характер и посвящено нескольким проблемам. Условно имеющиеся исследования можно разделить на несколько групп.

Это исследования, выявляющие положение элиты в социальной структуре общества, анализирующие ее состав, включая классификацию элитных групп, описание биографий представителей элиты, анализ механизмов и способов ее рекрутирования. Основной темой подобных работ является трансформация прежней советской номенклатурной элиты в новую правящую элиту. Это работы Г.К.Ашина, Н.С.Ершовой, О.В.Крыштановской, Р.А.Медведева, Ю.Ю.Фигатнера, О.И.Шкаратана.

Другая группа исследований посвящена проблеме влияния новой политической элиты России на ход политической и экономической трансформации общества, практике политического участия элиты и образа ее деятельности. В их числе работы М.Н.Афанасьева, В.В.Березовского, И.Е.Дискина, В.Красильщикова, А.Н.Николаева, Е.В.Охотского, Б.М.Пугачёва, Р.В.Рывкиной, Елизарова, Гельман, Рыженкова, Гордона, Мельвиль, Согрина, Шевцова.

Тема формирования и трансформации региональных политических элит является одной из основных, что обусловлено становлением новой политической системы РФ, особенностями избирательной системы, высокой степенью экономической и политической самостоятельности субъектов федерации в рамках федеративного устройства РФ. Этому посвящены работы Д.В.Бадковского, В.Я.Гельмана, А.В.Дуки, Г.П.Зинченко, И.В.Куколева, А.К.Магомедова, В.Д.Нечаева, А.Б.Шатилова, А.Ю.Шутова.

Ключевой темой является также проблема взаимодействия и взаимовлияния политической и экономической элит как социальных групп, от поведения которых во многом зависит вектор и динамика общественных реформ. Данной проблематике уделено внимание в исследованиях Л.В.Бабаевой, И.М.Бунина, А.Е.Чирико-

вой. Взаимодействие предпринимательской элиты и государства рассматривалось А.Зудиным, В.Лепёхиным, А.Мухиным, А.Фортестью и др.

Теоретическим и методологическим аспектам изучения политической элиты посвящены работы Г.К.Ашина, В.П.Пугачёва, Л.А.Резниченко, Е.А.Таршиса, А.В.Цветнова, В.Я.Гельман, И.Г.Тарусиной, О.Гаман-Голутвиной.

В изучении элит российскими исследователями можно выделить три тематических направления: исторические исследования элит, исследования общероссийских элит, исследования региональных элит. Исторические исследования элит представляют собой интерпретации истории советских правящих элит в смысле моделей власти и социальной мобильности. Уделялось внимание различным аспектам генезиса советской номенклатуры, обстоятельствам возникновения этого феномена, динамике композиции правящих групп советского общества конца 30-х и 60-80-х годов (Гимпельсон, Коржихина, Фигатнер, Бонюшкина, Мохов). Макроисторические объяснения роли элит в истории российского общества переосмысливают и заново интерпретируют опыт элит советского периода. Д.Бадковский выделяет в позднесоветской элите два сегмента «политический» и «управленческий» (определяя их как партийный аппарат – бюрократию и топ-менеджеров), прослеживает источники дифференциации, подрывавшие единство советской элиты и вынуждавшие советских лидеров поддерживать баланс интересов различных групп элит. По его мнению, эта сложность внутривластных отношений играла существенную роль в трансформации постсоветских элит, способствуя возникновению внутривластных конфликтов во время перестройки, а позднее – преемственности неформальных сетевых связей элит и взаимосвязи элит и масс. Исследования О.Гаман-Голутвиной посвящены взаимосвязям моделей рекрутирования элит и типов развития социума. В мобилизационной модели развития России она видит основное объяснение преемственности элит, которые наследуют традиции автократии, этатизма и коллективизма, а основной особенностью российских элит в различные периоды истории – тесную взаимосвязь и взаимозависимость с государством. Историческое объяснение недемократического характера развития рос-

сийских элит представил в исследовании клиентеллизма М.Афанасьев, применив этот концепт для анализа истории взаимосвязи элит и масс, распространив его на изучение роли патронажно-клиентелистских связей в советский период как механизма социальной адаптации. По его мнению, эта форма «номенклатурного квазикорпоративизма» сохранилась и укрепилась в постсоветский период как единственная модель политического структурирования общества, основанная на вертикальных патронажно-клиентелистских связях. Исследования национальных элит осуществляются с точки зрения двух проблемных измерений. К первому можно отнести стратификационные исследования, в центре внимания которых находится анализ элит как таковых, с точки зрения принадлежности их к особой социальной группе. Второе измерение – транзитологическое, посвящено анализу влияния элит на процессы трансформации политического режима РФ. Эти исследования были осуществлены посредством институциональных проектов (например, ВЦИОМ, ИМЭМО, ИМЭПИ, ИНИОН и др. институтов), а также в рамках индивидуальных исследований. Эмпирическую базу этих проектов составили стандартные формализованные интервью с представителями политических, экономических, административных и интеллектуальных элит РФ. Другие эмпирические исследования были посвящены отдельным сегментам политической элиты национального уровня, например, опросы депутатов верхней и нижней палат российского парламента (Дискин, Макаренко). Анализ разных ракурсов правящего класса стал применяться ко всем без исключения причастным к власти и капиталу, что привело к появлению новообразований: «бизнес-элита» (К.И.Микульский, Л.Бабаева, А.Е.Чирикова, И.Е.Дискин, А.В.Понедельков, О.В.Крыштановская), «региональная элита» (И.Куколев, Т.Рыскова, М.Фарукшин, А.Шутов, Р.Галлямов, А.Магомедов). Взаимосвязь политической и экономической элит и механизмы их взаимодействий стали предметом ряда исследований (Зудин, Перегудов, Афанасьев, Лапина, Семенов, Мельвиль), подверглись исследованию некоторые установки элит по отношению к текущим политическим процессам (Головачев, Косова). Исследования региональных элит выявили некоторые тенденции их

развития. Так, Р.Галлямов, исследуя элиты Башкортостана по результатам репутационного анализа, пришел к выводу о двух процессах в развитии элит: «этатизации» и «этнократизации». К сходным выводам подошел М.Фарукшин на примере Татарстана. Сравнительные исследования региональных элит были проведены, например, с целью углубленного исследования политических установок элит четырех регионов РФ А.Магомедовым: Татарстана, Калмыкии, Саратовской Нижегородской областей для изучения феномена «идеологии регионализма». Исследования отдельных региональных случаев стали основным познавательным инструментом в изысканиях региональных авторов (Тарасов, Охотский, Понедельков, Дука, Мельвиль). Рядом ученых были представлены результаты сравнительных исследований взаимоотношений между региональными политическими и экономическими элитами, основанных на качественных методах сбора данных (Лапина, Перегудов, Семенов, Гельман, Рыженков, Бри). В рамках изучения влияния политических элит на трансформацию режима подверглись анализу внутривластные конфликты и их роль в переходных процессах. Хотя специальных исследований внутривластных взаимодействий в РФ на уровне национальных не проводилось, лишь в ходе изучения региональных элит (Дука, Мельвиль, Дискин, Елизаров, Гельман, Рыженков, Бри). Так, А.Дука в своем исследовании политических элит Санкт-Петербурга (Дука, 1995) использовал модель перехода от «идеологически единой» к «консенсусно единой» элите через стадию «разъединенной» элиты, разработанной Хигли и его соавторами. Однако эмпирический анализ дает основания утверждать, что даже если внутривластный консенсус и достигнут, то он не ведет «по умолчанию» к демократизации на местном уровне, по крайней мере, в краткосрочной перспективе [11].

Таким образом, российская элитология со вступлением страны на путь демократии вошла в этап бурного развития, пройдя путь от противопоставления демократии и элитизма через признание функциональной необходимости деятельности властных элит по управлению обществом к аксиологической ее модели, объясняющей и оправдывающей существование элиты. В ней доминирует структурно-функциональная модель

элит, ориентированная на анализ социально-статусных и деятельностных особенностей элит. Можно примерно определить этапы развития российских подходов к изучению элиты: в конце 80–90-х годов акценты ставились на жесткой конфронтации разных политических сегментов в системе власти (Авторханов, Воронков, Малютин и др.), в 1991–1996 годы – в центре внимания неформально-личностные каналы формирования элит – кланы-клиентеллы (Афанасьев, Бадковский и др.). После 1996–1997 годов исследователи фиксируют изменение характера взаимоотношений различных сегментов российской политической элиты, рост публичности власти на всех уровнях и рационализацию ее деятельности в связи с установлением общих норм деятельности и поиска путей консолидации интересов (Лапина, Гельман и др.) [12].

В целом российская элитология, анализируя взаимоотношения в дихотомии «элита-масса» в рамках социальных процессов, отмечает изменения в развитии противоречия «власть-народ».

В исследованиях, посвященных анализу элит, в методологическом плане сложились определенные подходы, следуя которым осуществляются изыскания в этой области. Методологические установки элитизма: психологические обоснования элитизма, цивилизационный подход к элите, концепции бюрократии, лидерства, широкий спектр теорий среднего уровня, эмпирические подходы. Аргументы «от психологии» можно условно подразделить на три группы: инстинктивистские, фрейдистские и бихевиористские. Позиция первых (У.Макдаугалл, К.Лоренц) состоит в следующем: деление общества на элиту и массу – следствие врожденных черт личности, следствие генетически запрограммированных инстинктов: стадности и послушания у большинства и жадности власти и стремления командовать у меньшинства. Вследствие этого происходит борьба за элитные позиции в обществе. Дж.Джиттлер указывает на врожденные психические качества, благодаря которым индивид принадлежит к элите. М.Гинсберг и др. социологи обосновывают элитаризм ссылаясь на различия индивидуальных способностей людей, на жадность большинства людей иметь лидеров. Отсюда деление на элиту и массу соответствует самой природе человека. Воспроизведя теорию подражания Г.Тарда,

его последователи, современные социологи утверждают, что масса подражает немногим, добившимся успеха. Популярен у них Г. Лебон, считавший, что в массе люди теряют способность мыслить, побуждаются эмоциями и инстинктами, а поэтому полностью подчиняются вождю или лидирующей группе. Элитисты консервативного направления подкрепляют свои выводы математическими выкладками. Так, А. Фриш установил, что, в соответствии со статистикой, из тысячи индивидов не более десяти способны к творческой деятельности (а значит, занять элитные позиции). А. Коулмен предложил математическую модель распределения богатства, по которой распределение склоняется к индивидуумам с высокими способностями. Сюда же можно отнести интерпретацию тестов IQ как психологическое обоснование элитаризма. Бихевиористская трактовка (Б. Скиннер и др.) в противоположность интуитивизму исходит из того, что внешняя среда, прежде всего социальная, определяет поведение людей и стремление человека в элиту – следствие не генетики, а социальных потребностей, социальных стимулов. Поведение человека формируется под воздействием социальных и культурных факторов, которые и мотивируют стремление человека попасть в элиту. Отсюда цель – в изучении механизмов, стимулирующих поведение человека. Фрейдизм как одна из психологических трактовок элитаризма предполагает, что потребность в авторитете живет в «массовом человеке» как выражение тоски по отцу, элита старается использовать эту потребность массы, чтобы вести ее за собой. В результате человек получает удовлетворение, подчиняясь элите, становясь винтиком бюрократической машины. Подчинение масс элите Фрейд, как и Лебон, связывает с феноменом массовой психологии, оно вызывается не разумом, а инстинктом и эмоциями. Последователи фрейдизма А. Адлер и Г. Лассуэлл видели в стремлении попасть в элиту – компенсацию комплекса неполноценности. Неофрейдисты (Э. Фромм, В. Рейх, Э. Эриксон и др.) показывают, что наклонности человека возникают в результате социального процесса формирования личности. Психология господства-подчинения представляет собой адаптацию к социальной системе, а не ее причину. Цивилизационный подход к элите имеет свои истоки. Развитый в работах

Н. Я. Данилевского, сформулировавшего общую теорию типологии культур, а затем продолжившего в этом направлении А. Тойнби, который опирался на труды Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Бергсона. По его мнению, акты социального творчества – дело рук творческого меньшинства, т.е. элиты; цивилизация развивается, когда элита динамична, и вырождается, когда иссякают ее творческие потенции, в этом случае она пытается заблокировать новую творческую элиту (контрэлиты). Причина упадка общества в упадке элиты. П. Сорокин, автор трудов по социальной стратификации, представившей ее в существовании высших и низших слоев, основа которой в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности. Пирамида стратификации прочна, когда элита состоит из наиболее способных; когда элита становится закрытой, не допуская к управлению наиболее талантливых представителей социальных низов, общество обречено. Наступает революция, освобождая путь свободной циркуляции, на второй стадии революция устраняет свои ошибки, воздвигая новое «сито», и циркуляция обретает обратное движение. Своеобразную модификацию цивилизационного подхода к роли элит представил в своих трудах Л. Гумилев. Развитие и рост цивилизаций он связывает с качеством их пассионарности, активности, творческого взлета, которые в наибольшей степени проявляются у элит. В периоды подъема пассионарности в поведении этноса наиболее велика вероятность отбора в элиту способных людей, когда этнос переживает снижение пассионарности, система отбора в элиту стремительно деградирует. Таким образом, цивилизационный подход к элите выводит закономерности элитообразования и специфику политических элит из культурно-цивилизационного своеобразия и взаимодействия цивилизационных и геополитических факторов. Следующий подход, ставший обоснованием элитаризма – концепция бюрократии. М. Вебер заложил основы теории бюрократии, интерпретации ее места и роли. Бюрократическая элита, пришедшая на смену аристократической, представляет собой рациональное управление обществом. По его мнению, решающая роль в ней принадлежит профессионалам, техническим специалистам, она опирается на научные методы управления, выступая

функцией системы. Начиная от Вебера, теоретики бюрократии Р. Мертон, Бендикс, С. Липсет и др. считают процесс бюрократизации проявлением более широкого процесса рационализации, имманентно присущей индустриальному обществу, когда на смену «элиты крови» приходит «элита знаний». Анализ бюрократии продолжили М. Восленский, М. Мейер, У. Стивенсон, С. Узбстер, А. Этциони и др. Тема бюрократии также звучала в технологическом элитаризме (Дж. Бернхэм и др.), эволюционировавшем от технократических теорий к организаторской (функциональной) теории элиты. Затем до позиций технологического детерминизма в обосновании элитаризма [13].

В методологическом плане основой для элитологических изысканий являлись общепризнанные в мировой политологической мысли различные методы сбора данных: наблюдение событий, контент-анализ, опросы, интервью, анкетирование, моделирование, более частные методы – фактор-анализ, биографический анализ, методы репутационного анализа, рейтингование, компаративистские, институциональный и структурно-функциональный подходы, вся совокупность общетеоретических методов и принципов анализа и др.

Казахстанская общественная мысль также уделяет внимание изучению элиты, поскольку значимость данного феномена, его роль и влияние на процессы социальной трансформации в постсоветское время неоспоримы. К инфраструктуре изучения элит в РК можно отнести как группы исследователей, так и отдельных ученых. В институциональном плане те или иные аспекты изучения элит стали предметом исследования такими структурами, как Институт развития Казахстана, группа Viproblem, АСИП, КИСИ и других консалтинговых структур, однако появления постоянных подразделений по изучению элит в рамках высших учебных заведений не произошло, что связано с финансовыми и организационными проблемами. Исследо-

вателю, занявшемуся изучением элит, могут в изысканиях интернет-ресурсы, периодические издания. В рамках индивидуальных исследований проблемами формирования новой политической элиты Казахстана посвящены работы Б. Г. Аяганова, Г. Т. Илеуовой, М. Б. Кузнецовой. Историческому анализу данная проблема подвергнута в трудах Т. Т. Исмагамбетова, Р. К. Кадыржанова, Н. Э. Масанова, Н. Т. Кангереева. Ценностный подход к элите использован Я. Испаевым, А. Пугаевым. Законодательным аспектам формирования политической элиты РК уделяли внимание М. С. Машан, А. К. Тулегулов. Особенности политической элиты посвятили работы С. Т. Бельгибаев, Л. Олжабаева, А. и С. Жусуповы. Тенденции реноменклатуризации политической элиты рассмотрены в исследованиях Н. И. Осипова, К. Х. Капанова. Формирование новой политической элиты, процессы кланизации элит ЦА стали объектом изысканий В. Хлюпина, А. Грозина. К процессам элитообразования обратились Д. Ашимбаев, в том числе политической и экономической элит, их взаимодействию Н. Э. Масанов, Т. Б. Умбеталиева. Анализу политического участия казахстанской элиты посвящены исследования российского политолога А. Куртова. В работах М. Чешкова рассмотрены различные аспекты социального структурирования в условиях транзита в постсоветской Азии.

Таким образом, рано говорить о становлении комплексного подхода в изучении проблем процесса элитообразования в рамках транзитного общества в отечественной элитологии. Требуются дальнейшие теоретико-методологические и практические исследования и разработки в этом направлении, которые сталкиваются со сложностью объекта изучения, недостатком надежных данных об установках и поведении различных сегментов элит, недостатком сравнительных национальных и региональных, политических и экономических исследований элит, исследований межэлитного взаимодействия.

Литература

1. Платон. Собр. соч. Т. 3. – М., 1971.; Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. – Карлейль Т. Теперь и прежде. – М., 1994; История политических и правовых учений. – М., 1988 и др.
2. Моска Г. Правящий класс // Социс. – 1994. – №10, 12; Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии // Диалог. – 1990. – №3, 5, 7, 9, 15, 18; 1991. – №3; История политических и правовых учений. – М., 1988 и др.

3. Политология. Энциклопедический словарь. – М., 1993. – С. 403; Тарусина И.Г. Элитисты и плюралисты в современной политической теории (историографический экскурс) // Полис. – 1997. – №4. – С. 163–170 и др.
4. Тарусина И.Г. Элитисты и плюралисты в современной политической теории (историографический экскурс) // Полис. – 1997. – №4. – С. 164.
5. Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социс. – 1999. – №11. – С. 125.
6. Тарусина И.Г. Указ. соч. С. 167.
7. Ашин Г.К. Основы элитологии, вып. 1. – Алматы, 1996. – С. 67–167.
8. Ашин Г.К. Указ. соч. С. 166.
9. Зелетдинова Э.А. Элита – власть – демократия // Власть. – 2000. – №3. – С. 54.
10. Ашин Г.К. Современная теория элиты: критический очерк. – М., 1985. – С. 83.
11. Гельман В.Я., Тарусина И.Г. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // <http://elis.pstu.ac.ru/gelmst.htm>
12. Зелетдинова Э.А. Указ. соч. С. 54.
13. Ашин Г.К. Основы элитологии. Вып. 1. – Алматы, 1996. – С. 76–112.

ВЛИЯНИЕ САМООЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА НА ЕГО ПОЛИТИКУ: ИССЛЕДОВАНИЯ И ТЕОРИИ

Тастенов А.Ж.

Личность политического лидера является сложнейшей многомерной системой и состоит из множества различных взаимосвязанных структурных элементов. Каждый из них в различной степени имеет прямое или косвенное влияние на его поведение. Определяющее же значение на личность оказывает его самооценка.

Самооценка личности, основываясь на представлении человека о самом себе, формирует ядро личности в процессе социализации, в общем направлении деятельности, а также межличностном взаимодействии. Самооценка же политического лидера накладывает значительный отпечаток на его личность, влияя на особенности принятия политических решений, стиль руководства и специфику достижения поставленных целей. Различные по характеру самооценки, будь то адекватная или неадекватная, так или иначе, должны компенсироваться определенными потребностями лидера.

Проблема самооценки личности исследовалась многими психоаналитиками, политическими психологами и политологами. Но наиболее системное свое развитие данное исследование получило в работах американского психолога Г.Лассуэлла. Согласно его концепции, человек для восполнения своей низкой самооценки стремится к борьбе за власть как необходимому средству такой компенсации. Таким образом,

самооценка, будучи неадекватной, может стимулировать поведение политического лидера в отношении достижения определенных целей – власти, влияния, контроля, манипулирования и других [1].

Центральным объектом исследования Г.Лассуэлла являлось развитие представлений человека о самом себе, степени развития и качества самооценки, их воплощения в политическом поведении. В основе его гипотезы лежит тезис о том, что некоторые люди обладают очень сильной потребностью во власти или других подобных личностных ценностях, например, как привязанность, одобрение со стороны других, стремление контролировать, как в средствах компенсации травмированной или неадекватной самооценки. Личностные ценности или потребности такого рода были рассмотрены как внутренние мотивы политического лидера.

Исследования Г.Лассуэлла о стремлении к власти как компенсации низкой самооценки продолжил в одной из своих работ американский психолог А.Джордж. Он детально рассмотрел возможную структуру низкой самооценки и выявил, что данную систему могут составлять пять субъективных негативных чувств в отношении себя в различных их комбинациях: 1) чувство собственной незначительности; 2) чувство моральной неполноценности; 3) чувство слабости; 4) чувство посредствен-

ности; 5) чувство интеллектуальной неадекватности [2].

Уже после того, как Г.Лассуэлл привлёк внимание политологов и политических психологов к роли самооценки в политическом поведении лидера, появился целый ряд исследований, посвященных представлению политика о самом себе.

В этих исследованиях доказывалось, что политический лидер практически в любой ситуации ведет себя в соответствии с собственной «Я-концепцией», то есть осознанием человеком кто он есть, его представлением о самом себе. Иными словами, поведение его зависит от того, кем и как он себя осознает, как он сравнивает себя с теми, с кем он взаимодействует. «Я-концепция» имеет несколько аспектов, наиболее существенные из них это – образ «Я», самооценка политического лидера.

Осознание человеком самого себя формируется на стадиях социализации личности с ее последующим ростом. По мнению российского психолога Е.Соколовой, автономизация самооценки окончательно оформляется в подростковом возрасте и преимущественная ориентация на оценку значимости других или на собственную самооценку становится показателем стойких индивидуальных различий, характеризующих целостный стиль личности [3].

В психологии по форме проявления принято выделять *завышенную, заниженную и адекватную* самооценки. В политико-психологической литературе раскрываются примеры различных проявлений самооценки личности политического лидера [4].

Завышенная самооценка политического лидера способствует медленной реакции на развитие общественно-политической ситуации, снижает его способность и готовность к динамичным изменениям. Лидеры с высокой самооценкой, как правило, стараются не зависеть от внешних условий или обстоятельств, они имеют более стабильные внутренние стандарты, на которых основывают свою самооценку, что зачастую не позволяет объективно оценивать ситуацию и принимать адекватные решения. Кроме того, политики с завышенной самооценкой не прислушиваются к мнениям своего окружения, и в их политическом поведении наблюдается определенная автономность.

Политические деятели с низкой самооценкой оказываются более зависимыми

от других людей и, таким образом, более реактивными и изменчивыми. Как правило, они выделяются высокой целеустремленностью и динамичностью, но не стабильны в своих взглядах и проводимой политике. Они более чувствительны к обратной связи и видоизменяют мнение о самом себе в зависимости от одобрения или неодобрения со стороны окружающих его людей.

Самооценка политического лидера, если он является главой государства, имеет значительное влияние на внутри- и внешнеполитический курс его страны. Если у него в течение жизни сформировалась заниженная самооценка, то постоянное недовольство собой могло быть движущей силой, которая способствовала активизации его деятельности в сфере внутренней или внешней политики.

Характерным признаком заниженной самооценки политического лидера является неудовлетворенность достигнутыми целями и стремление к новым, чтобы опять удостовериться в собственной значимости. Заниженная самооценка выступает внутренним стимулом политического лидера к значительным политическим действиям на международной арене: крупномасштабные военные или, наоборот, миротворческие акции, неожиданные для окружения повороты во внешней или внутренней политике и многое другое. Для ряда политиков именно международные отношения становятся такой сферой, в которой они как лидеры государства могут самоутвердиться, компенсировать заниженную самооценку.

Лидеры государств с завышенной самооценкой, переоценивая собственные качества политика и главнокомандующего, зачастую не замечают всеобщей внешней и внутренней реакции на свой курс на международной арене. Они удовлетворены собственными достижениями и резко негативно и болезненно воспринимают критику. Характерным признаком данной самооценки является нарушение обратной связи между последствиями политического действия и самим субъектом. Поэтому происходящие события кардинально не влияют на динамику поведения политического лидера.

Однако лидеры с завышенной самооценкой, сталкиваясь с недооцениванием их политики, как в стране, так и на между-

народной арене, зачастую склонны повторять собственные ошибки и просчеты. С их точки зрения, проводимая ими политика достаточно безупречна, продуманна и эффективна.

Лидеры с адекватной самооценкой представляют собой лучший образец партнеров на политической арене. Их внешняя и внутренняя политика не мотивирована стремлением к самоутверждению, обратная связь между ними и последствиями проводимых действий работает устойчиво. Адекватно оценивающий свои политические способности лидер, как правило, уважительно и высоко оценивает деятельность других лидеров. Не имея зависимости от критики, твердо зная собственный политический потенциал, такой лидер будет вести политику, которая позволила бы добиться поставленных целей и дала бы обоюдную выгоду.

Важным объектом исследования является структура самооценки политического лидера. Среди исследователей политической психологии американские ученые Д.Оффер и Ч.Строзер наиболее глубоко и детально проанализировали структуру самооценки и рассмотрели образ «Я» политика как общую сумму восприятия, чувств лидера по отношению к себе. Данная система восприятий состоит из следующих основных элементов, тесно взаимодействующих между собой:

- физическое «Я»;
- семейное «Я»;
- социальное «Я»;
- психологическое «Я»;
- преодолевающее конфликты «Я» [5].

С точки зрения этих ученых, физическое «Я» – это представления политического лидера о состоянии своего здоровья и физической силе или слабости. Политический лидер должен быть достаточно здоровым, чтобы это не препятствовало его деятельности. В политологической и психологической литературе были описаны страдания, которые президентам США Ф.Рузвельту, В.Вильсону и Дж.Кеннеди причиняло их плохое здоровье. Широко известны также переживания А.Гитлера и И.Сталина в связи с их физическими недостатками [6].

Семейное «Я» является очень важным элементом личности политического лидера. Отношения в родительской семье оказывают огромное влияние на поведение

человека, особенно в раннем детстве при становлении личности и политической социализации лидера. Многие политические лидеры преодолевают ранние травмы и конфликты, другие же оставляют внутренние переживания в себе и, становясь лидерами, переносят те или иные страхи из своего детства на свое окружение в стране и в мире.

Политический психолог Дж.Барбер отмечал, что перенесенные в детстве психологические травмы, сложности становления характера на ранних стадиях формирования личности дают начало развития комплекса неполноценности, что, как правило, при определенных условиях способствует большей мобилизации сил политического лидера для достижения определенных целей. Такой подход получил название компенсаторной концепции власти. Его особенность заключается в том, что личности в истории придается существенное значение [7].

Для людей, находящихся на высших государственных постах, очень важно обладать способностью к совместной деятельности с другими. Представления политика об этом качестве отражаются в социальном «Я». Политический лидер свои навыки многостороннего общения и влияния на окружающих должен перевести на уровень дипломатических переговоров и стремиться стимулировать своих единомышленников и ближайшее окружение к проявлению их лучших качеств. Он должен быть способным использовать навыки межличностных отношений для эффективной работы с различными по характеру группами людей, с лидерами других стран. Поэтому в социальном «Я» большое внимание уделяется взаимоотношениям с другими, умению качественно влиять на массы и вести их за собой.

Психологическое «Я» составляет представления личности о своем внутреннем мире, мечтах, стремлениях, конфликтах – важнейшем аспекте жизни политического лидера. З.Фрейд отмечал, что психопатология является частью обыденной жизни. Как и у обычных людей, у лидеров нет врожденного иммунитета от невротических конфликтов, психологических проблем, а иногда и более серьезных форм психопатологии, таких, как психоз. Страдает ли политик от осознания собственных страхов или относится к этому спокойно –

проявляется в его поведении, особенно в периоды ослабления самоконтроля [8].

Преодолевающие конфликты «Я» – это представления политического лидера о своей способности к творческому преодолению конфликтов и нахождению новых решений для старых проблем. Лидер должен обладать достаточными знаниями и интеллектом, чтобы воспринять ту или иную проблему. Он должен быть достаточно самоуверенным при принятии политических решений, чтобы суметь передать эту уверенность другим.

Другой аспект преодолевающего конфликты «Я» – осознание лидером своей способности к преодолению стрессов, связанных с его ролью и деятельностью на посту, например, главы государства. Стресс может привести к тяжелым последствиям, которые реально ограничивают интеллектуальные и поведенческие возможности политического лидера.

Сложность системы «Я-концепции» заключается в том, что на ранних стадиях самосознания происходит отделение человека от других. Впоследствии у человека проявляется тенденция оценивать себя в сравнении с другими людьми. Этот процесс получил подробный анализ в теории социального сравнения Л.Фестингера. Главным положением этой теории является утверждение, что в основе стремления человека лежит его потребность в необходимости сравнения себя с другими людьми. «Я-концепция» политического лидера является ключом к пониманию его личностных проблем и характеристики проводимой его политики. Знание его образа необходимо для системного анализа его самооценки, т.к. даже один элемент образа может стать причиной для формирования неадекватной самооценки.

Исследователь в данной области Р.Зилле обнаружил, что люди с высокой сложностью «Я-концепции» имеют тенденцию стремиться к получению большей информации перед принятием решения, чем обладающие низкой сложностью «Я-концепции». Политические лидеры с высокой сложностью «Я-концепции» имеют тенденцию легко воспринимать как позитивную, так и негативную информацию и, таким образом, успешно реагировать на общественно-политическую ситуацию на основе обратной связи, чем лидеры с низкой сложностью «Я-концепции». Р.Зиллер и

его единомышленники разработали типологию личности политических лидеров на основе исследования самооценки и сложности «Я-концепции» [9].

Первый тип составляют лидеры с противоречивым, на первый взгляд, названием «аполитичные политики». Это деятели с высокой самооценкой и высокой сложностью «Я-концепции», которые воспринимают новую информацию, касающуюся их, без каких-либо препятствий и внутренних ограничений, но при этом для их реактивности существуют серьезные преграды. Они чувствуют себя изолированными от других и поэтому с трудом реагируют на поведение своих последователей или населения в целом [10].

Второй тип представляют политические лидеры с низкой самооценкой и высокой сложностью «Я-концепции», легко реагирующие на широкий круг социальных стимулов. Они прислушиваются к мнениям других людей и модифицируют свою политическую деятельность на основе обратной связи. Кроме того, они наиболее восприимчивы к критике без негативных последствий для себя и лучше других способны к изменениям своего политического поведения.

Третий тип составляют политические лидеры с высокой самооценкой и низкой сложностью «Я-концепции», не реагирующие на мнения других. Их познавательные процессы и поведение очень жестки, а самооценка чрезвычайно стабильна. Как правило, такие политические лидеры заняты в основном на идеологической работе.

Четвертый тип лидеров – это деятели с низкой самооценкой и низкой сложностью «Я-концепции», которые интенсивно реагируют только лишь на узкий круг социальных стимулов. Данный тип политических лидеров встречается гораздо реже, чем вышеперечисленные.

Данная типология характеризует внутренние основные индикаторы личности, где наиболее приемлемым и успешным в своей реакции является второй тип политических лидеров, которые обладают значительной динамикой в деятельности и объективностью в принятии политических решений.

Таким образом, опираясь на существующие теоретические разработки, мы попытались вкратце раскрыть суть само-

оценки личности, показать ее структуру и типологию. Данный анализ показывает, что существует тесная взаимосвязь между структурой самооценки личности политика и его поведением.

В заключение отметим, что влияние самооценки личности политического лидера на его поведение, а также на его внутри- и внешнеполитический курс имеет большое

и зачастую определяющее значение. Самооценка политического лидера определяет характер личностных черт политика, которые напрямую связаны с его управленческой деятельностью. Поэтому в исследованиях политического лидерства повышенное внимание уделяется внутренним характеристикам политиков, а также анализу их ранней социализации.

Литература

1. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Том 1. – Самара, 1999. – С. 588.
2. Там же. С. 589.
3. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. – М.: МГУ, 1989. – С. 28.
4. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. С. 595.
5. Там же. С. 590.
6. Там же.
7. Музыкант В.Л. Теория и практика современной рекламы. – М., 1998. – С. 66.
8. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. С. 591.
9. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 237–238.
10. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. С. 593.
11. Там же.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Бектурганов К.

В условиях, когда мир движется от постиндустриального к информационному обществу с целью научно обоснованного управления социальными процессами, в наиболее перспективных областях фундаментальных социологических исследований создается *коммуникативное пространство*.

Начало этим исследованиям было положено Н.Винером, который в 1948 году ввел новое измерение в «физику социального организма». Согласно Винеру, общественная система не является только организованным целым, подобно индивидууму, но и «скрепляется в целое системой связи», обладает «динамикой, в которой круговые процессы обратной связи играют важную роль». «Это, – писал он, – относится как к общим вопросам антропологии и социологии, так и к более специальным вопросам экономики» [1].

Вызывает подлинный интерес высказывание ученого о единстве процессов управления и об информации в социальных системах. Он предугадал те негативные

последствия, которые влечет за собой разрушение коммуникаций между управляемой и управляющей системами. Он первым обратил внимание на то, что социальная коммуникация, которая «должна способствовать общественному гомеостазу, попадает в руки тех, кто больше всего заинтересован в игре за власть и деньги, которая является одним из основных факторов в обществе» [2].

Дальнейшее развитие коммуникационных процессов в обществе приводит ученых к необходимости разработки концепции социального участия в коммуникативном пространстве.

Социальная коммуникация – сложное общественное явление, включающее в себя совокупность идей, теорий, отношений, организаций и учреждений. Поэтому в настоящем диссертационном исследовании процессов коммуникации внимание акцентируется на социальной жизни общества, с учетом всех других ее сфер.

Формирование общественного мнения с помощью средств социальной коммуни-

кации является сложным и специфическим социально-психологическим процессом. Оно проявляется через массовое сознание, вырабатываемое путем социальной коммуникации, и выступает суждением социальных групп и общностей об актуальных проблемах общественной жизни.

Общественное мнение складывается в процессе дискуссий средствами массовой информации (СМИ), в процессе простого человеческого общения по социально значимым проблемам, представляющим общественный интерес.

Роли социальной коммуникации посвящены многочисленные научные публикации в зарубежной и отечественной социологической литературе. Усилиями Э.Барноу, Дж.Гербнера, У.Шрамма, Р.Л.Шейна и др. в конце 80-х годов был выпущен фундаментальный труд «Международная энциклопедия коммуникаций» [3].

Благодаря таким ученым, как П.Лазарфельд, Б.Барельсон, Р.Мертон, У.Риверс, стали разрабатываться проблематика коммуникации, вопросы ее воздействия на массовое сознание и поведение людей, на политическую стабильность в обществе. Также достойны упоминания работы С.Холла и А.Моля, У.Онга и Т.Иглтона, Дж.Фиске. В бывшем Советском Союзе вопросы участия масс в массовой коммуникации впервые были подняты Б.А.Грушиным в его публикациях 60-х годов, а также в рамках реализованного под его руководством социологического проекта «Общественное мнение» (1967–1977 годы) [4].

Следует отметить, что значительное количество литературы, раскрывающей проблемы социальной коммуникации, появилось в США в 80–90-е годы, а также и в бывшем СССР проводилось немало научных разработок в данном направлении. Они велись как междисциплинарные, уникальные по своей направленности и исходили из актуальности систематического анализа механизмов воздействия аудиовизуальных средств на социально-культурную жизнь. В опубликованной в рамках программы* книге «Обучение восприятию» [5] значительное место отведено влиянию телевидения и радио на умы респондентов, распространению мирового опы-

та «социального участия», т.е. участия телезрителей как в создании, так и в восприятии социально значимой информации. Особое внимание при этом уделено стратегии обучения реципиентов, прежде всего молодежи, критическому выбору, основанному не на бездумном доверии всякому сообщению, а на анализе информации, проходящей в печати, на радио и телевидении.

В условиях открытости общественных систем актуализируется проблема обратной связи с аудиторией СМИ. При этом требуется системное осмысление, обобщение и использование накопленного в мировой практике опыта научных исследований.

Практическое осуществление этой задачи довольно сложно, но это можно сделать путем глобализации как самой этой проблемы, так и через формирование междисциплинарного подхода к ее социологическому анализу. Последний особенно актуален на этапе становления информационных обществ, основанных на широкомасштабных переменах в системе СМИ, обусловленных трансконтинентальным распространением компьютерных сетей, в первую очередь Interneta.

Internet, соединяющий в себе основные функции так называемой «четвертой» власти (телевидения, печати, радио, телефона, e-mail, общественного мнения), в корне меняет социальные коммуникации в глобальном масштабе. Он фактически размывает границы и традиции национальных культур, социальных систем, поскольку, как было справедливо отмечено исследователем Interneta В.В.Кузьминым, его отличительной особенностью является *сильная обратная связь* (курсив мной – К.Б.) и возникающий в результате бесконечный вопросно-ответный ряд» [6]. «Накопление информационных ресурсов в Internete, – пишет далее В.Кузьмин, – в определенный момент приведет к закономерному качественному переходу общества на новый транснациональный и транссовременный уровень развития», что «повернет человечество к подлинной культуре без границ, позволит не только стимулировать возникновение единого культурного пространства открытого общества, но и вытеснить

* Программа исследования процессов интеграции коммуникационных технологий в социальную практику была разработана Ибероамериканским университетом (Мексика).

антикультуры в глубины виртуальной реальности» [7]. Разумеется, нельзя целиком и полностью согласиться с данным тезисом, но и нельзя не признать, что это средство массовой коммуникации, говоря словами Билла Гейтса, «информационная супермагистраль» [8], несет в себе заряд столь серьезных глобальных преобразований, что «разобранные» ныне по разным направлениям социологические парадигмы науке придется кардинально менять.

В условиях широкого внедрения современных средств массовой коммуникации (аудиовидеотехника, электронная почта, Internet, телевидение и т.д.) в социальную жизнь всевозрастающую роль играет процесс сбора, обработки и распространения информации. Средства коммуникации не только выражают общественное мнение, но и формируют его. «В той же мере, в какой свободная печать является продуктом общественного мнения, — отмечал К. Маркс, — она также и создает это общественное мнение» [9].

Исследование роли социальной коммуникации и оценки ее возрастающего влияния на формирование общественного мнения должно учитывать ряд важных факторов, имеющих научно-практическое значение. Влияние социальной коммуникации на формирование общественного мнения зависит от объективных условий и ряда субъективных факторов. Социологически можно выработать их классификацию и уже на этой основе определить влияние каждого из них на возникновение и функционирование общественного мнения. Но вместе с тем, на наш взгляд, более правомерным является исследование не только явления, связанного с каждым из условий, но прежде всего процесса, интегрально отражающего их, т.е. процесса социальной коммуникации.

Осмысление фундаментальных научных подходов, разработанных в различных социологических школах в этой области, приведет к некоторым выводам теоретико-методологического и прикладного характера.

Главный вывод, касающийся теоретико-методологического базиса социальной коммуникации, заключается в том, что классическая социология О. Конта сегодня нуждается в значительном пересмотре в плане перехода от социоцентрического подхода к человекоцентрическому. Дело

в том, что О. Конт и его последователи привели социологию к «отречению» от человека в пользу «социального организма», которое в свою очередь поспособствовало игнорированию основного источника (т.е. индивида) социальной динамики. Эту потерю не смогла возместить ни одна из последующих школ социологической мысли.

Парадигмальный кризис в социологии обусловлен игнорированием роли массовой коммуникации, занимающей ключевое место среди социальных «механизмов», позволяющих влиять на характер социальных взаимодействий между людьми, включая и социальную активность, основанную на интересах социально-демографических групп и организаций.

Предпосылкой сохранения устойчивой связи со средой обитания является социокультурные и социально-психологические качества людей. Главным механизмом осуществления такой связи как раз и является социальная коммуникация, охватывающая весь процесс и все уровни межинституциональных взаимодействий. На наш взгляд, именно в этом и состоит основная особенность социальной коммуникации (в отличие от информационных воздействий), которая в свою очередь может быть рассмотрена и как процесс, и как социальная деятельность.

Функционируя в обществе и создавая определенную социально-психологическую атмосферу, социальная коммуникация оказывает значительное влияние на формирование общественного мнения через существующие сети информационных связей, социальные институты, сознание и поведение людей. Отсюда еще одной специфической особенностью социальной коммуникации является то, что информация, распространяемая ею, став достоянием широких масс населения, затем приобретает «поддержку» государства или, иначе говоря, находит закрепление в государственной политике, в правовых и социальных нормах.

В современных условиях, когда потоки социальных коммуникативных связей велики по объему, разнообразны по содержанию, отличаются интенсивностью, а основная масса населения использует только часть информативных сообщений, распространяемых различными каналами информации, формирование общественного

мнения зависит от других его социальных факторов. Поэтому другая особенность социальной коммуникации связана не только с качеством и количеством распространяемой информации, но и возможностями средств массовой коммуникации. Сегодня увеличиваются потенциальные возможности доставки информационных сообщений в различные точки земного шара, значительно возрастает частота контактов общественных деятелей, государственных чиновников и рядовых граждан. Это в свою очередь способствует становлению и развитию общественного мнения не только одной страны или группы стран, но и в общемировом масштабе.

Предполагается, что предстоящая глобальная информатизация всей социальной жизни приведет к возрастанию роли человеческого интеллекта в коммуникативных процессах в разрезе социокультурной и технологической цивилизации. Дело в том, что нельзя постичь социум как целостность, так же как невозможно понять механизмы воспроизводства социальной жизни, в отрыве от ментальности и социальной ориентации людей, вступающих в коммуникацию и взаимодействие друг с другом, находясь в определенной социальной среде.

В силу всего этого в настоящее время на передний план выдвигается человекоцентрический подход к исследованию проблем социологии общественного мнения как фундаментальной научной парадигмы, открывающей возможность эффективного управления социальным процессом. При этом перспективным научным направлением сегодня является разработка проблематики социальной коммуникации методом поисковых междисциплинарных исследований.

К выводам прикладного характера следует отнести следующие. Во-первых, все более углубляющаяся кризисы в социальной и экономической сферах не только в Кыргызстане, но и почти во всех постсоветских странах обусловлены отсутствием гражданской, правовой и коммуникативной культуры, а также опыта свободы выбора в соответствии с общими интересами человеческого общежития с учетом не только сегодняшней, но и завтрашней перспективы. И как следствие этого, и это во-вторых, возникает необходимость выработки системы наукоем-

ких социально-диагностических и коммуникативно-прогностических технологий, способствующих гармоничному взаимодействию между личностью и обществом, между обществом и государством. Разработка такой технологии является прерогативой социологической науки, нацеленной на интегрирование междисциплинарных научных знаний (социология общественного мнения, юридическая социология, социология массовой коммуникации и т.д.) в практику выработки научно обоснованной социальной политики. Такой подход социологической науки к выработке социальной политики требует всемерного использования возможностей коммуникативных каналов, особенно Масс-Медиа, в деле прививания гражданам коммуникативной культуры методами комплексной социальной диагностики, мотивационно-целевого анализа информационных источников, системного анализа и моделирования ситуаций, игровых и тренинговых методов. Эти инновационные направления научно-исследовательской деятельности социологов и специалистов массовых коммуникаций должны способствовать открытию новых фундаментальных теорий в рамках социологии, сосредоточивая внимание на социальной коммуникации как механизме, от выработки которого зависит характер человеко-средовых взаимовлияний и взаимодействий.

В наиболее простом случае процесс формирования общественного мнения происходит со следующими характерными моментами: во-первых, каждый респондент, получивший информацию, передает ее другим респондентам, у которых эта информация отсутствует; во-вторых, распространение информации осуществляется независимо от числа респондентов, уже обладающих данной информацией; и, в-третьих, коэффициент пропорциональности передачи социальной информации не зависит от времени. Такая последовательность формирования мнений особенно характерна при распространении слухов, сплетней, всевозможных анекдотов и т.п.

Многочисленные исследования, посвященные этой проблематике, позволяют говорить о наличии четырех групп законов формирования общественного мнения при межличностной коммуникации от респондента к респонденту, например, при

распространении слухов: *первая группа* – законы формирования монизма мнений, *вторая и третья группы* – законы перехода индивидуальных мнений к групповым и, наоборот, *четвертая* – законы самовозникновения слухов. Следует заметить, что процесс формирования общественного мнения посредством социальной коммуникации чрезвычайно сильно зависит от случайных изменений мнений отдельных людей, участвующих в межличностной коммуникации.

Таким образом, в социологии общественного мнения возникает не только новая парадигма, но и новая научно-исследовательская стратегия, «воздействующая» на весь коммуникативный процесс в социальной жизни. Это, в свою очередь, требует органичного сочетания фундаментально-теоретических разработок с эмпирическими исследованиями, результатами которых должны быть научно обоснованная выработка принятия и реализация управленческих решений.

Литература

1. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – М., 1983. – С. 4.
2. Там же. С. 244–245.
3. International Encyclopedia of Communication / Ed. By E. Barnouw, G. Gerbner, W. Schramm, T.L. Worth, L. Gross. Univ. of Pennsylvania. Oxford Univ. Press. – N.Y., Oxford, 1989.
4. Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. – М., 1967; Массовая информация в современном промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования. – М., 1980.
5. Educacion para La recepcion: Nacia una lectura critica de los medios / Ed. Pro M. Ch. Greely G.O. Gomer Editorial Trillas. – Mexico, 1990.
6. Журналистика в 1997 году. Тезисы научно-практической конференции. – М., 1998. – С. 30.
7. Там же. С. 30.
8. Лазарев А. Удивительный мир будущего / Аномалия. – 1995. – №4. – С. 73.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – Т. 1. – С. 206.

ЛИЧНОСТЬ В КАЧЕСТВЕ ОБЪЕКТА И СУБЪЕКТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Абдикерова Г.О.

Рассматривая личность в качестве объекта и субъекта социологического познания, мы можем связать воедино действие внешних факторов (ценности и нормы общества) с внутренними (ценностные ориентации, мотивы, цели и т.д.), ибо внешние усваиваются человеком в процессе его социализации, выступая в качестве внутренних побудительных мотивов поведения.

Личность как объект социологического исследования не должна рассматриваться вне конкретно-исторического анализа реальной действительности, вне связи с реальной историей общества, иначе это создаст искаженное представление о социальной действительности.

В этом плане представляют интерес высказывания Э.Фромма о доктрине К.Маркса: «Маркс был против двух по-

зиций: внеисторической, согласно которой природа человека – это субстанция, существующая с самого начала истории, и релятивистской, утверждающей, что человеческая природа не обладает какими-то ни было присущими ей качествами, а является не чем иным, как отображением социальных условий. Однако он так и не создал в достаточной степени развитой теории природы человека, которая бы преодолела как внеисторическую, так и релятивистскую позиции; поэтому точка зрения Маркса на природу человека не защищена от различных противоречивых истолкований» [1].

У классических марксистов отсутствовали всесторонне разработанные теории личности, и их утверждения относительно взаимного активного влияния общества и личности друг к другу явно не-

достаточно для объяснения деятельности отдельных индивидов.

Не менее значительную попытку доработки марксизма предприняли представители франкфуртской школы, наиболее влиятельного течения неомарксизма в XX-м веке. Одним из центральных вопросов, занимавших умы теоретиков франкфуртской школы, явилось придание социологии гуманистической ориентации за счет актуализации интереса к проблемам человеческой личности.

По мнению франкфуртцев (М.Хоркхаймера, Т.Адорно и др), не только в поведении различных субъектов, но и в глубинных структурах личности содержатся основные параметры социальной реальности, которые являются объектом социологического познания. Этот объект насковозь пронизан субъективностью, которая не может быть объективно постигаемой. Даже в поведении отдельного индивида сливаются воедино его индивидуальные субъектные характеристики и общие признаки, являющиеся отображением социальных стереотипов.

Личность является не только следствием, но и причиной социально-значимых действий, совершаемых в данной социальной среде. Экономические, политические, идеологические и социальные отношения исторически определенного типа общества преломляются и проявляются по-разному, определяя социальное качество каждого человека, содержание и характер его практической деятельности.

Рассматривая личность в качестве объекта и субъекта общественных отношений, не лишним было бы проанализировать о сущности таких понятий, как «идентичность» и «конформизм». Идентификация есть способ интеграции людей через индивидуализацию. На феномен идентификации обратил внимание Э.Фромм. В истории он выделил формы клановой идентичности, идентичности с различными историческими общностями (классом, профсоюзом и т.д.) и в современном отчужденном обществе – стадную идентичность, в которой статусная идентичность подменяется чувством конформности. Специфика конформизма состоит в том, что здесь индивид отождествляет себя с нормами мышления, поведения, и даже чувств, руководствуясь мнением массового сознания, играет по его правилам. По-

этому следует признать правым Н.К.Ковалева, который характеризует конформизм как несамостоятельное, непродуманное отношение к ценностям, а идентификацию – как сознательное отношение к ним и их принятие. Он пишет: «Идентификация – не только внешнее, но и внутреннее принятие ценностей, а конформизм – только внешнее» [2]. Таким образом, идентификация как психологический механизм социализации характеризует сознательное действие индивида, где в большей степени проявляется его субъективная особенность. Что касается конформизма, каждый интеллектуально полноценный и психически вмняемый индивид, в какой-то степени принимая требования, поведенческие стереотипы, систему ценностей своего социального окружения, показывает определенную долю конформного поведения. Можно говорить о максимальном и минимальном уровнях конформизма. Максимальный уровень конформизма характеризует безоговорочное принятие человеком всех требований социума, не возражая, не конфликтуя ни с кем, даже не обращая внимание на внутренний голос. А, наоборот, минимальный уровень конформизма характеризует постоянное конфликтное поведение личности. Конформное поведение должно присутствовать в деятельности каждого человека, но в разумных пределах. Поэтому необходимо говорить не о максимальном и не о минимальном, а оптимальном уровне конформизма. Максимальный конформизм уничтожает момент критицизма в поведении личности, превращает человека в послушный объект. Минимальный конформизм или полное его отсутствие также далеко не всегда содействуют поступательному движению общества: его сторонники конфликтны, деструктивны, неудобны в общегитии.

По мнению Н.Смелзера, одним из основных факторов успешной социализации является стремление к конформизму [3]. Российский социолог А.И.Ковалева также относит конформизм к необходимой предпосылке успешной социализации, но, считает она, если индивид действует только по предложенным ему установкам, не утверждает свою субъективность, то конформизм будет чрезмерным. Для социализации такой конформизм есть отклонение, так как она предполагает не пассивное приспособление индивида к социальной

среде при его податливости, а активную адаптацию человека к изменяющимся условиям, воспроизводство социальных норм и культурных ценностей, а также их преобразование на основе инноваций. Особо опасным становится конформизм в случае «давления» на человека асоциальных и антисоциальных группировок, когда индивид принуждается к экстремизму, бунту, религиозному фанатизму, употреблению наркотиков, преступлениям и т.д. [4].

Верно говорят, что конформизм тягостит гения; но столь же важно и верно то, что его общее влияние на человеческую природу весьма благотворно. Благодаря ему мы обладаем отборным и систематизированным опытом прошлого, а его стандарты служат кратким резюме общественного развития: иногда его уровень снижается, но чаще повышается. Возможно, резко отрицательное отношение к конформизму и способно стимулировать нашу индивидуальность, но утверждения, выражающие эту точку зрения, страдают неточностью. Молодым и честолюбивым может импонировать хвала, воздаваемая Эмерсоном самоуверенности, — она придает им мужество в борьбе за свои идеалы; но мы также можем соглашаться и с Гете, когда тот говорил, что «ничто так не приближает нас к безумию, как стремление выделиться» и «ничто так не укрепляет здравомыслие, как жизнь в согласии с большинством людей» [5].

Предельный дефицит социально-психологических связей вследствие индивидуализации человека, который имеет место в западном обществе и, как было отмечено в трудах западных социологов, порождает одиночество личности, и, наоборот, дефицит автономии, когда человек действует только «как другие», имевший место в нашем тоталитарном обществе в прошлом, привел к подавлению внутренних сил — задатков, способностей, воли, инициативы личности, тем самым, создавая внутренние конфликты, порождающие депрессивное состояние психики.

Внутренними источниками активности являются потребности, интересы, ценностные ориентации, мотивы, которые составляют в совокупности мотивационный механизм. Среди потребностей важнейшими для индивида являются потребности в самореализации и самовыражении, в

самосовершенствовании и саморазвитии, самоутверждении в межличностных актах.

Представитель американской социологии А. Маслоу сформулировал иерархическое четырехступенчатое представление о потребностях и на самом верху этой иерархии поставил потребности в саморазвитии, самосовершенствовании и влиянии на других людей. Изучая поведение и судьбы преуспевающих людей (А. Эйнштейна, Д. Рузвельта, Д. Карнеги и др.), он сделал вывод о том, что преуспевающие достигают четвертого уровня.

Казахский поэт-просветитель А. Кунанбаев в свое время отметил, что все люди с самого рождения имеют одни и те же потребности. Возможность удовлетворения не только физиологических потребностей делает человека человеком.

С развитием человеческого общества растут возможности удовлетворения различных человеческих потребностей, а это, в свою очередь, обеспечивает дальнейшее развитие человеческого общества.

Как утверждает Т.А. Марченко, отношение человека к своим потребностям зависит от системы его ценностей, которая формируется единством взаимодействия социальной и эмоциональной сфер [6].

Внешними побудителями активности личности являются стимулы, в качестве которых выступают различные факторы общественной жизни.

С каждым крупным достижением развития научно-технической, общественной мысли и внедрения их в практику в развитых странах уже разрешены проблемы, непосредственно связанные с биологическими, физиологическими потребностями человека, и поэтому в этих странах, в иерархии потребностей основными являются духовные, нравственные. Но у них возникают проблемы, связанные с информационным бумом, техницизмом и узко-профессиональной специализацией, которые порождают одинокие, эгоистичные личности, у которых имеются представления, по выражению известного казахского поэта М. Шаханова, «искажающие суть таких понятий, как честь, совесть, справедливость, благородство, любовь к ближнему, уважение к старшим и др.». Поэтому нужно бороться с негативными последствиями цивилизации, порожденными XX-м веком, нельзя игнорировать

роль гуманитарных дисциплин в формировании духовных основ человеческого общежития, роль человеческого общения, не позволяющих чрезмерной субъективизации деятельности личности, роль, которую не заменит ни компьютер, ни телевизор и др. виды информационных источников, лишаящих людей подлинно человеческих качеств, подменяя само содержание понятия духовности и нравственности, формируя личностей цинично-умных, расчетливых, талантливых, но бездуховных и с потребительскими ценностями. Воздействие современных информационных средств, имеющих ограниченные культурно-образовательные информационные ресурсы и ориентированных в основном на досуг и развлечения, наряду с общей нестабильностью в обществе и другими факторами, в конечном счете приводит к нравственному упадку и духовной нищете членов нашего общества. Привычным явлением становится грубость, жестокость, бездушные, равнодушные ко всему и всем. Идут процессы падения нравов, разрушения гармонии человека не только с самим собой, но и с внешним миром. Утрата веры в идеалы, которых придерживались люди старших поколений, приводит к дефициту духовности и чувства национального самосознания. Это как в зеркале отражается на нашем подрастающем поколении и проявляется в их поступках, отношении к другим людям, в работе и повседневной жизни. Сегодня не приходится удивляться тенденциям повышения преступности среди молодежи и их понижающемуся морально-этическому поведению.

Признавая важную роль и место субъективного начала в современных условиях, мы, тем не менее, не должны забывать, что односторонняя субъективизация деятельности личности не совместима с правилами человеческого общежития, где живут не отдельные индивидуумы, а совокупность людей, отличающихся между собой демографическими, социальными, профессиональными и другими признаками.

Обретение личностью подлинной свободы начинается с ослабления жесткой зависимости между ее жизнедеятельностью и материальными условиями существования. Только в таком случае она перестает быть рабом внешних обстоятельств своей

жизни и имеет возможность активно воздействовать на окружающую общественную среду.

По мнению польского психолога Ю. Козлецкого, не всякая культура в одинаковой степени влияет на развитие стремления к индивидуальной свободе. Если для людей, воспитанных в лоне европейской культуры, свобода считается первоочередной ценностью и повышается свобода выбора, тогда в рамках японской культуры не только не снижается значение индивидуальной свободы, но изменяется и само ее понимание. Ее показателем является не столько свобода выбора, сколько своеобразное отношение между индивидом и группой. Свобода — это добровольная интеграция с семьей, школой, общественными учреждениями [7].

Естественно, что не бывает абсолютной свободы, речь может идти лишь об изменении отношений между личностью и обществом, о все большем превращении человека из объекта в субъекта социальных отношений. Субъективность и внутренняя свобода обуславливают друг друга, свобода как сущность человека способна реализоваться в зависимости от уровня развитости его субъективности, а последняя — от уровня свободы личности. Обретение внутренней потребности к самореализации свидетельствует о том, что личность преодолевает себя как некую замкнутую самодостаточную систему и достигает внутренней свободы.

Русский философ Н. Бердяев говорил: «... свобода не демократична, а аристократична». Все атрибуты свободы могут быть оценены только зрелой личностью. Свобода интересна тем, кто приложил столько сил и времени, терпения, чтобы заслужить ее.

Стремительное вхождение в новые экономические и социальные отношения неминуемо ожидают серьезные препятствия, корни которых находятся в самих людях. Нарождающийся рынок предъявил к человеку требования, которые стали для него весьма тяжелыми и жесткими. Это связано с резким контрастом людей советской эпохи и идеала человека рынка, а также с особенностями формирующейся рыночной системы.

Ситуация, складывающаяся в экономике, носит скорее псевдорыночный, нежели рыночный характер. Она обуслов-

лена неравенством стартового потенциала при вхождении в новые экономические условия. При таких обстоятельствах показателями успешной социальной адаптации личности к данным условиям являются: высокий социальный статус индивида (группы) в данной среде и психологическая удовлетворенность работой и ее условиями, ее содержанием, вознаграждением, организацией, социальным окружением. Показателем низкой адаптированности – перемещение личности в другую социальную среду (текучесть кадров, разводы) аномия и отклоняющееся поведение [8].

В условиях реформирования общественной жизни казахстанское общество не в состоянии сохранить привычные социокультурные ценности. Изменяется как внешний каркас социальных отношений, так и внутренний мир ценностных устремлений самого человека.

Принятие новой ценностной ориентации, усвоение нового социального опыта и формирование нового типа поведения происходят по большей части в результате не свободного и сознательного выбора индивида, а как данность, навязываемая ему извне. Социализация существенно осложняется традиционным для казахов отношением к законам, правопорядку. Неуважение по отношению к современным казахстанским законам имеет глубокие исторические корни, срабатывает скорее страх перед наказанием.

Главным ресурсом цивилизованного общества является человек, а вместе с ним и его деятельность и социальная политика, обеспечивающие рост его культуры. Чем более развито государство, тем более его граждане выступают субъектами по отношению к собственной истории, тем более осознан их выбор, определяющий дальнейшее движение. Образование является наиболее важной составляющей социальной сферы в любом государстве. Анализ мировых тенденций показывает, что система образования и науки становится мощным фактором прогрессивного развития любого общества. Образование и наука обеспечивают освоение и внедрение в экономику высоких технологий, национальную безопасность и независимость государства; формируют в обществе социальную потребность в самообразовании, выводят страну на высокий уро-

вень культурно-нравственного развития; создают гражданско-патриотическую основу для формирования государственной идентичности, преемственности поколений и социализации личности граждан как субъекта современного мира. Образование определяется в качестве одного из ключевых моментов в стратегии развития Казахстана в XXI-м веке, обеспечение его соответствующего уровня будет служить гарантией национальной безопасности, основой последующего экономического и интеллектуального процветания страны.

В современном Казахстане явно имеет место потребность создания и развития системы дополнительного профессионального образования на новых концептуальных позициях модели непрерывного образования. Это обусловлено радикальными изменениями в характере образовательной мотивации. Особое значение начинают приобретать не внешние, задаваемые образовательной системой, а внутренние, определяемые потребностями субъекта, критерии оценки качества образовательного процесса. Непрерывное образование отличается от традиционного и тем, что рекомендуемые для усвоения сведения представляют собой не только знания (систематические, объективные, проверенные практикой), но и информацию (сведения любого характера, противоречащие друг другу). Подлинным субъектом образовательного процесса становится обучающийся. Именно он определяет, какая информация необходима ему для решения своих жизненных проектов, каким образом ее получить и где [9]. Нам следует перейти от принципа «образование на всю жизнь» к принципу «образование на протяжении всей жизни».

Современные сдвиги в отношениях между индивидом и социумом идут в направлении большей эластичности, многосторонности, меньшей жесткости социальных связей человека и создают, следовательно, большой простор проявлению его индивидуальности. При этом надо отчетливо видеть, что индивидуальность сплошь и рядом проявляется чисто негативно – как растущее неравенство, социальная дезориентация человека, расширяющаяся возможность манипуляции его сознанием и поведением. Но вместе с тем она может способствовать возвышению его

индивидуальных качеств, способности вносить свой уникальный вклад в жизнь общества. Эта противоречивость накладывает глубокую печать на развитие потребностей современного человека. Освобождаясь от жестких групповых связей, он становится более «раскованным», многообразным.

Парадигма устойчивого человеческого развития исходит из того, что человеческая жизнь ценна не потому, что люди способны производить блага, а потому, что является целью этого развития. Развитие должно обеспечить каждому человеку использование своих максимальных способностей во всех областях жизни – экономической, социальной, культурной и политической. Никто не может быть обречен на короткую и беспросветную жизнь лишь вследствие своей классовой, национальной, территориальной принадлежности или пола [10].

Одной из приоритетных задач социальной политики в настоящее время является создание условий для духовного возро-

ждения и развития как нации в целом, так и отдельной личности. Задача тем более актуальна, что долгое время, заботясь о материальной стороне дела, мы оставляем на заднем плане духовные потребности человека и общества. Здесь нужен особый, комплексный подход, объединение усилий семьи, школы, институтов гражданского общества, средств массовой информации и т.д.

Возможности отдельных людей могут уравниваться благодаря проводимой социальной политике и деятельности общественных организаций. В связи с утратой старых социальных институтов необходима выработка новых технологий социализации, внедрение которых способствовало бы, во-первых, удовлетворению потребностей личности, группы, общества в целом; во-вторых, обучению человека осмысленно «обрабатывать» механизм реализации своего поведения, адекватного общим социальным условиям или конкретной социальной ситуации, в которой человек находится.

Литература

1. Фромм Э. Душа человека. – М., 1992. – С. 310–311.
2. Ковалев А.Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. – М., 1975. – С. 53–56.
3. Смелзер Н. Социология. – М., 1994. – С. 95–96.
4. Социс. – 2003. – №1. – С. 112.
5. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. – М., 2000. – С. 212–213.
6. Марченко Т.А. Потребность как социальное явление. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 53.
7. Козлецкий Ю. Человек Многомерный (психологическое эссе). – М., 1991. – С. 180–181.
8. Есенгалиева А.К. Социальная адаптация этнических групп к условиям рынка. Автореф. дисс. – 2000. – С. 15.
9. Дополнительное профессиональное образование в условиях рынка. / Материалы международной Научно-теоретической конференции. – Алматы, 30 июнь–июль 2000. – С. 44–45.
10. Шокаманов Ю.К. Тенденции человеческого развития в Казахстане. – Алматы, 2001. – С. 11.

Rashid A. Jihad. The Rise of Militant Islam in Central Asia. – New Haven, London: Yale University Press, 2003. – XXIX+282 pp.

Новая книга известного западного журналиста и политолога пакистанского происхождения Ахмеда Рашида посвящена угрозе Центральной Азии со стороны радикального исламизма. Книга так и называется – «Джихад: подъем воинствующего ислама в Центральной Азии». Появление новой книги такого известного публициста, как А.Рашид, тем более посвященной нашему региону, не могла пройти незамеченной, в том числе и для политических кругов и широкой публики на Западе.

Широкую известность А.Рашиду принесла его предыдущая книга «Талибан: ислам, нефть и фундаментализм в Центральной Азии» (2000) и последовавшие после событий 11 сентября статьи в ведущих мировых изданиях. В условиях ажиотажного спроса на афганскую и исламскую тематику Рашид был первым, кто подробно рассказал западному читателю, кто такие талибы, Бен Ладен, «Аль-Каида» и чего они хотят. В то же время Рашид не новичок в центральноазиатской проблематике: он впервые попал в наш регион в 1988 г. и с тех пор часто посещал его, в непосредственной близости наблюдая все важные политические события, происходившие здесь. Его первой работой, посвященной становлению новых независимых государств, стала книга «Возрождение Центральной Азии: ислам или национализм?» (1994). Таким образом, Рашид во всех своих работах по Центральной Азии во главу угла ставит проблему ислама. Этот подход он сохранил и в последней книге, которая, как и многие другие издания, стала «жертвой» 11 сентября (такие издания задерживались издательствами, дописывались и переделывались с учетом быстро менявшейся геополитической обстановки).

В своей книге Рашид сконцентрировался на трех главных исламистских организациях в регионе – Партии исламского возрождения (ПИВ) в Таджикистане, Исламском движении Узбекистана (ИДУ) и «Хезб ут-Тахрир». Но, помимо исламской тематики, что немаловажно, автор затра-

гивает широкий круг проблем геополитической борьбы, которая вот уже второе десятилетие разворачивается вокруг Центральной Азии. Собственно говоря, именно этой борьбе и обязан своим появлением воинствующий исламизм в организованной форме. Но, как следует из его книги, Рашид так не считает, а связывает появление вооруженного ислама на территории Центральной Азии прежде всего с тем протестным потенциалом, который вызван к жизни жесткой политикой местных авторитарных режимов. В целях объективности надо отметить, что один раздел книги посвящен связям между пакистанской разведслужбой ИСИ и ИДУ, получавшего со стороны Исламабада существенную поддержку.

Рассматривая происхождение ПИВ, Рашид исходит из того, что процесс возрождения ислама в Таджикистане был тесно связан с ростом таджикского национализма. В более широком историческом контексте корни этого движения уходят глубоко в прошлое – к басмаческому сопротивлению. Автор считает таджикский исламизм уникальным явлением среди аналогичных движений в регионе. В отличие от ваххабизма ИДУ и необандизма талибов, таджикский исламизм базируется на долгой суфийской традиции, на «неофициальном» исламе уммы, противостоявшей исламу официальному, который являлся составной частью советской системы. Кроме того, молодое поколение таджиков испытало определенное и, вероятно, сильное влияние войны в Афганистане, что отчетливо выразилось в ходе гражданской войны в этой республике.

В качестве основных причин разыгравшейся трагедии Рашид называет чрезвычайную бедность населения, зависимость таджикской экономики от сырьевой специализации, изолированность различных районов друг от друга. Это привело к тому, что значительная часть населения Таджикистана идентифицировала себя не со страной в целом, а с отдельными регионами или кланами. Судьба исламизма в

Таджикистане необычным образом переплелась с эскалацией таджикского национализма. Поскольку, считает Рашид, в компартии Таджикистана доминировали этнические узбеки, то вполне естественно, что лидерам исламского возрождения ислам представлялся в качестве цементирующей новой таджикской идентичности.

Представляют интерес выводы автора о судьбе ислама в Таджикистане. Несмотря на то, что воинственный исламизм в республике потерпел поражение, он не был полностью разгромлен. За десятилетие гражданской войны и ее последствий таджики в целом стали более мусульманизированными, хотя радикальные обертоны политического ислама исчезли. Рашид считает, что ислам мог бы сыграть свою положительную роль в процессе объединения разрозненных кланов в единую таджикскую нацию и в конечном счете способствовать продвижению страны в сторону большей демократии. Правда, Рашид не поясняет, как ислам может способствовать строительству демократических институтов. История последних десятилетий Среднего и Ближнего Востока показывает обратные примеры. Скорее всего, в данном случае автор выдает желаемое за действительное.

Рашид считает самым интригующим вопросом исламских движений в Центральной Азии следующий: как смогла такая глубоко законспирированная панисламистская организация, возникшая на Ближнем Востоке и до недавних пор неизвестная широкой публике в Центрально-азиатском регионе, как «Хизб ут-Тахрир», превратиться в широкое подпольное движение в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане. Феномен «Хизб ут-Тахрира» тем более интересен, что оно представляет собой наиболее эзотерическое и анахроничное из всех исламских радикальных движений в сегодняшнем мире. Это движение нацелено на объединение Центральной Азии, Восточного Туркестана и затем всей мусульманской уммы в рамках исламского Халифат-и Рашида (632–661 гг.). «Хизб ут-Тахрир» исходит из того, что Центральная Азия достигла т.н. точки кипения, т.е. готова к объединению с остальным исламским миром, о чем в открытую говорит нынешний лидер движения Шейх Абдул Кадим Залум.

Компетентность автора по этой проблеме подтверждается тем фактом, что Рашид в ходе работы над книгой много контактировал с лидерами движения в Лондоне, который в настоящее время представляет собой организационный центр всего движения. Здесь «Хизб ут-Тахрир» находит средства и проводит подготовку эмиссаров для засылки в Центральную Азию. Помимо Великобритании, движение проводит аналогичную работу в Германии. С идеологической и мировоззренческой точек зрения «Хизб ут-Тахрир» гомогенно близок к ваххабизму, но по ряду программных установок оно с ним расходится. Центральным пунктом, по которому различаются подходы «Хизб ут-Тахрира» и ваххабитов, это способы построения халифата: первые выступают за мирный путь, в отличие от вторых, призывающих к насильственному установлению построенного на исламских принципах общества.

Анализ, проделанный автором книги, позволяет сделать вывод, что успех движения «Хизб ут-Тахрир» в Центральной Азии объясняется во многом целенаправленной, можно даже сказать, диверсионно-идеологической работой по вербовке сторонников в странах региона, особенно в Ферганской долине. Эта работа включает в себя распространение сети пропагандистских журналов и книг, в том числе и на русском языке. Фаворитом активистов движения являются т.н. шабнама – «ночные письма», отпечатанные в ночное время, и подбрасываемые под двери подметные пропагандистские листки. «Хизб ут-Тахрир» использует также для распространения своей идеологии все инструменты и технологии глобализации.

Хотя учение «Хизб ут-Тахрира» многими, и прежде всего самими адептами движения, преподносится как мирное, оно содержит серьезный экстремистский потенциал. Так, это учение категорически отвергает суфийское наследие, которое является важной частью исламских традиций Центральной Азии, а также не признает модернизаторский ислам в форме джадидизма. Как и ваххабизм, «Хизб ут-Тахрир» воинственно настроен против Израиля и иудаизма. В пропагандистской литературе этого движения узбекский лидер И.Каримов изображается как «агент Израиля и мирового сионистского заговора». Идеологи «Хизб ут-Тахрира» требу-

ют депортации из Центральной Азии 200-тысячной общины бухарских евреев, чья история в регионе насчитывает уже более двух тысяч лет. К тому же «Хизб ут-Тахрир» самым воинственным образом настроено в антишиитском духе.

Численность адептов движения «Хизб ут-Тахрир» в регионе установить чрезвычайно сложно. А.Рашид попытался проследить динамику роста численности этого движения по количеству известных арестованных. Данные, которыми оперирует само движение, явно преувеличены: якобы свыше 100 тыс. чел. содержится в узбекских тюрьмах. Доклад госдепа США называет число арестованных в 1999–2000 гг. в пределах 5 тыс. чел. Организация по правам человека дает аналогичную цифру – 5150 чел. (из общего числа 7600 политзаключенных). Зона активности «Хизб ут-Тахрира» – это южные районы Казахстана, Джалалабадская область Кыргызстана, северные районы Таджикистана, но сердцевиной движения, по общему мнению, является Ферганская долина Узбекистана, где сосредоточена основная активность, не стихающая, несмотря на ширококомасштабные репрессии со стороны властей.

США впервые проявили серьезную озабоченность относительно активности «Хизб ут-Тахрира» в регионе еще в 2000 г. Основной повод для беспокойства клинтоновской администрации состоял в опасении, что с помощью этого движения в регионе установится радикальный фундаменталистский режим. Россия опасалась, что деятельность движения перекинется на ее мусульманские регионы. Сами лидеры движения отрицали свои связи с радикальными организациями типа «Талибана», «Аль-Каиды» и ИДУ. Однако в реальности имел место процесс перехода молодых и радикальных активистов в Северный Афганистан, где они примыкали к вооруженным группировкам ИДУ. Вывод автора состоит в том, что опасения по поводу трансформации духовного джихада в стиле «Хизб ут-Тахрир» в джихад вооруженный вполне могут подтвердиться.

Возникновение воинственного ислама в Центральной Азии в лице ИДУ А.Рашид связывает с личностями Т.А.Юлдашева (у автора – Юлдешев) и Дж.А.Ходжаева (Джумы Намангани) – основателями и бесспорными лидерами ИДУ. Автор много

места уделяет истории формирования политических взглядов лидеров движения, их связям с разведслужбами исламских стран, талибами и чеченскими боевиками. Военный опыт Намангани и его боевики получили во время гражданской войны в Таджикистане. Намангани поддерживал контакты с доталибским правительством Афганистана, в том числе с таким радикалом, как Г.Хекматияр. После установления относительного мира в Таджикистане Намангани со своим отрядом, в который входили, помимо узбеков, арабы, чеченцы и таджики – общей численностью 200 чел., перешел на территорию Афганистана. Военно-политический альянс между Юлдашевым и Намангани относится к 1997 г. В 1998 г. Юлдашев провозгласил джихад против режима И.Каримова.

Это заявление не было пустой угрозой: в феврале 1999 г. произошло знаменитое покушение на узбекского лидера. Но автор отмечает, что Каримов не предпринял превентивных мер в рассаднике исламизма – Ферганской долине. Причиной тому был страх Каримова, что региональная элита объединится с исламистами против его режима, как это уже имело место в Таджикистане. Рашид отмечает, что узбекскому президенту пришлось вести борьбу сразу на двух фронтах – внутреннем и внешнем. Как считали в Ташкенте, нити заговора против Каримова тянулись из Ферганы в Таджикистан, Афганистан, Пакистан и Турцию. Ташкент предпринял в связи с этим дипломатический демарш против Анкары, усилил давление на Душанбе и стал наращивать поддержку узбекскому генералу Р.Дустуму в Северном Афганистане.

А в это время, пишет А.Рашид, Намангани и Юлдашев полностью определились с разделением ролей: Намангани взял на себя планирование и проведение военных операций, а Юлдашев – координацию, финансирование, рекрутирование, логистику и политические контакты ИДУ. К тому времени ИДУ стало основным перевозчиком наркотиков из Афганистана. Это объясняет происхождение бюджета ИДУ, независимого от спонсорской помощи из Саудовской Аравии, Пакистана и от турецких исламистов. Вскоре ИДУ продемонстрировало свою эффективность, а Намангани – свой незаурядный талант военного тактика. Как отмечает А.Рашид,

каждую зиму представители разведывательных структур, генштабов, и даже руководства России, США и стран НАТО, пытались заставить центральноазиатские республики координировать их военные и политические стратегии, чтобы сообща отразить очередное наступление ИДУ.

Джихад ИДУ вылился в три военные кампании с 1999 по 2001 гг., которые автор книги описывает достаточно подробно и детально. Баткенские события 1999 г. не дали ИДУ достичь его основной цели – Ферганской долины, но способствовали росту популярности движения, укреплению связей и прямого военного сотрудничества ИДУ с талибами и «Аль-Каидой». Кампания 2000 г. была подготовлена Намангани более основательно с тактической и технической точек зрения. Боевики, запасы оружия, амуниции и провиант были переброшены заблаговременно. Продвижение ИДУ в августе 2000 г. было настолько стремительным и неожиданным, что даже вызвало панику к северу от Ташкента. А.Рашид очень драматично описывает события 2000 г. Автор познакомился также с видеofilmом, который был захвачен кыргызскими военными после разгрома боевиков ИДУ в Баткене, и смог составить свое личное мнение о личностях боевиков ИДУ.

Главным политическим следствием вторых баткенских событий стало форсированная поддержка Кыргызстану и Узбекистану со стороны России, Китая, западных держав и Израиля. Геополитическим последствием этой кампании стало начало оформления некоего антитеррористического альянса, который стал реальностью после событий 11 сентября. Уже с ранней весны 2001 г. все были уверены, что третье наступление ИДУ неизбежно. Эмиссары движения демонстративно закупали в Европе средства связи для новой боевой экспедиции. Союзники ИДУ – талибы приступили к окончательному, как казалось тогда, разгрому Северного альянса. В июне Юлдашев и Намангани амбициозно переименовали ИДУ в «Хизб-и-Ислами Туркистан» (Исламскую партию Туркестана), сделав заявку на установление исламского режима во всей Центральной Азии и Синьцзяне. Позднее лидеры ИДУ дезавуировали эту информацию, подчеркнув, что единственным своим врагом они считают режим Каримова.

На удивление, атаки ИДУ в 2001 г. быстро выдохлись. После 11 сентября события замелькали с калейдоскопической быстротой: страны Центральной Азии поддержали кампанию США против международного терроризма. Талибы объявили джихад Узбекистану, а ИДУ выступило на стороне «Талибана» и «Аль-Каиды» и разделило их судьбу. В целом эти события имели благоприятный исход для врагов воинствующих исламистов – светских режимов Центральной Азии. Была снята прямая военная угроза со стороны международного терроризма, которая как дамоклов меч в течение нескольких лет нависала над регионом.

Характерно, что автор не рассматривает сложившуюся в результате антитеррористической операции ситуацию как стабильную и гарантирующую мирное развитие региона. Наоборот, подчеркивает Рашид, появление западных союзников и их военных баз в регионе породило у оппозиционных сил надежду, что этот фактор будет способствовать трансформации правящих режимов, и в 2002 г. спровоцировало их на политическую активизацию, что в свою очередь привело к ответным репрессивным мерам со стороны их правительств. Но еще более опасный кризисный потенциал кроется в самой геополитической ситуации в регионе, имевшей своим результатом вытеснение России и Китая и, соответственно, эскалацию их недовольства. Как утверждает Рашид, на горизонте уже маячит третья волна Большой игры, нового витка соперничества между великими державами за доминирование в регионе.

В том, что этот процесс уже начался, автор книги не сомневается. Рашид приводит много фактов в подтверждение того, как Россия восстанавливает свое утраченное влияние в регионе, действуя где финансовыми (Кыргызстан), где политическими рычагами (Таджикистан) и препятствуя появлению новых американских баз. И хотя Узбекистан в геополитическом смысле был временно потерян для России, у Ташкента не остается сомнений, что Москва рассматривает узбекско-американское сотрудничество как угрозу своим интересам и рано или поздно предпримет какие-либо меры. Как считает Рашид, геополитическое доминирование в Центральной Азии не является самоцелью для

великих держав; а ключ к разгадке секрета Большой игры кроется в необъятных нефтегазовых ресурсах Каспийского моря. Такой подход полностью объясняет политику США в отношении Казахстана: Вашингтон превратил свое экономическое присутствие и инвестиции в Каспийском регионе, а также тему прав человека и демократизации в инструмент для давления на Астану.

Для центральноазиатских режимов, заключает Рашид, наиболее болезненным вопросом является не то, какой исход будет иметь Большая игра, а будет ли Вашингтон, используя свое влияние, принуждать их к радикальным политическим и экономическим реформам. В этой связи узбекский лидер И.Каримов попал в своего рода стратегическую ловушку: подписав документ о стратегическом партнерстве с США, он получил гарантию своей внешней безопасности; но в этом же документе содержится обязательство «интенсифицировать демократическую трансформацию».

Поводя итог своей книге, Рашид заключает, что вооруженный ислам был прямым продуктом политики подавления светских демократических партий, репрессий против почти всех форм ислама, установления государственного контроля над СМИ и многочисленных коррупционных скандалов. Автор считает также, что у США в настоящее время наблюдается недостаток стратегического видения в отношении Центральной Азии. Прогноз Рашида крайне пессимистичен: страны региона вступили на тот путь, который уже привел Афганистан к катастрофе. Таким образом, главная идея Рашида ясна: фактически Центральная Азия представляет собой новый фронт воинствующего исламизма; его победа будет означать нестабильность не только в региональном, но и в глобальном

масштабе. Взрыв в Центральной Азии затронет как Запад, так и Россию с Китаем. И все это произойдет только потому, что сейчас Запад избегает решительных действий по принуждению местных режимов к изменениям.

Таким образом, смысл книги А.Рашида сводится к следующему: это очередной призыв к Западу вмешаться в развитие ситуации в регионе и под предлогом борьбы с исламистами и поддержки демократических реформ установить здесь свой прямой контроль. Фактически Центральной Азии навязывается иракский сценарий (книга была завершена еще до второй иракской войны). Основным достоинством книги А.Рашида является обширный фактический материал о событиях, связанных с историей возникновения воинствующего исламизма в нашем регионе. Автор обладает несомненным литературным талантом, который демонстрируется в его книге.

И последнее, Казахстан практически не фигурирует в книге А.Рашида, за исключением кратких пассажей по каспийской тематике, и стоит достаточно далеко от тех проблем, которые описывает Рашид. Поэтому книгу следовало бы назвать «подъем воинствующего ислама в Средней Азии», что было бы вполне справедливо с точки зрения исторической и политической реальности, но, правда, не отвечало бы интересам тех политических сил, которые, преследуя собственные геополитические цели, рассматривают все государства в Центральной Азии как однотипные. А книга А.Рашида вольно или невольно способствует такому взгляду на вещи.

*Мурат Лаумулин,
главный научный сотрудник КИСИ
при Президенте РК*

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан

www.kisi.kz
e-mail: office@kisi.kz

SUMMARY

Article «**Doctrine as Basis for Religious Extremism Spread**»

Author: **E. Tukumov**, Head of Department of Foreign Policy Studies of KazISS under the President of RK

This article is an attempt to trace the interrelation between and define the parameters of the ideological basis of the religious and political extremism as a phenomenon on the example of the so-called «Islamic religious and political extremism». The author notes that a study of the factors of historical doctrines allows us to regard the phenomenon of the religious and political extremism in its complexity and understand its «starting, root positions».

Article: «**Collaboration of the Republic of Kazakhstan with Structures of European Security**»

Author: **K. Baizakova**, Head of the Chair of International Relations and Foreign Policy of RK, Al-Farabi KazNU, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor

Development of the regional cooperation has a paramount importance for our country. Alongside with it the Republic should strengthen its relations with the leading countries of the world. The European vector in Kazakhstan's foreign policy is also being analyzed.

Article «**Turkey and Central Asia: Yesterday and Today**»

Author: **N. Abiesova**, Post-graduate Student of Abai ASU

The article is devoted to analysis of the Turkish Republic's foreign policy in the region of Central Asia and the Caspian region, through its geopolitical and economic interests and their attitude to the interests of the USA, Russia, European Union, Islamic States and China. The author notes that the degree to which Turkey will influence on the region will mainly depend on the desire of Ankara to really promote the strengthening of political and economic systems of the Central Asian countries, their international image, and oppose the existing and strengthening in the Turkish society radical Islamic ideas.

Article «**Human Rights Policy in Post-Soviet States**»

Author: **G. Iskakova**, Ph.D. Semipalatinsk Shakarim State University

The article is devoted to the problem of human rights transformation and development in the countries of the former USSR. Ensuring human rights is a complex of transformations aimed at creating the conditions worthy of a human being, guaranteeing freedom, social protection and active participation in political process. The author thinks that it is necessary to bring about changes not only of social and economic type, but of cultural and ideological type as well.

Article «**Decentralization in System of State Management**»

Author: **A. Sakhanova**, Senior Lecturer of the Chair «State Regulation of Economy» of the Kazakh Economic University named after T. Ryskulova, Candidate of Economic Sciences

The present paper focuses on one specific aspect of the institutions of governance – namely, governance at the level of local communities. This focus entails a range of issues involving decentralization, people's empowerment, and the involvement of community-based organizations in local affairs, and the relevance of all these for poverty alleviation. The paper begins by noting the multiplicity of meanings that the term «decentralized governance» seems to have acquired over time and argues for a particular meaning that seems to be the most appropriate in the context of poverty alleviation. People's participation is an integral part of this conception of decentralization. Two sets of problems are then identified that stand in the way of establishing truly participatory decentralization – those that relate to the devolution of power from the top and those that relate to genuine involvement of the poor from the bottom. It is then argued that a crucial precondition for tackling both these problems is the creation of an environment that can empower people – especially the poor people – so that they can exercise their voice in the affairs of governance.

Article «Interest Groups as a Result of Civil Society Self-Organizing»

Author: **K. Nugmanova**, *Head of Chair of Social and Humanitarian Disciplines of ATU, assistant professor, Ph.D.*

The period of systemic social and political transformations that Kazakhstan is experiencing now, makes the issue of the relationship between the society and administration, the civil society and the state, especially acute. This issue has several aspects, one of which is institutional, for a society and a state mainly interact through institutions. The article is devoted to the study of the evolution of different institutional structures of the civil society that have appeared in the country during the last decade and that perform the function of lobbying.

Article «International Practice and Some Aspects of Realizing the State Youth Policy in Kazakhstan»

Author: **L. Zainieva**, *Chief Specialist of the Supreme Attesting Commission, Ph.D.*

The article dwells on some issues of realizing the state youth policy in the Republic of Kazakhstan in coordination with world practices.

Article: Outsiders of modernization and strategic priorities of a social policy of a state

Author: **S. Alimova**, *Candidate of Philosophical Science, Assistant Professor*

Coming in to being of sovereign Kazakhstan has been accompanied a complex of problems to be solved. The appearance of such social phenomena as unemployment, poverty, reducing the living standard of a majority of population make difficult the process of political modernization of present-day Kazakhstan. That's why such traditional values as economic prosperity, social solidarity, tolerance acquire a political significance. The present paper focuses on the value priorities of a social policy of a state under conditions of political modernization.

Article «Priorities of Investment Policy in Kazakhstan»

Author: **R. Shadiev**, *economist*

The article is devoted to an analysis of the evolution of the investment policy in the Republic of Kazakhstan. While increasing the investment attractiveness of the processing industry and stimulating the production of commodities with added value, the state needs to decide as to its participation in each investment project. According to the author, it will be more efficient to concentrate all measures of the state support on some several priority directions, while enterprises should be more active in such priority sectors.

Article «About the Relationship System among Foreign Investors, the Republican and Local Administration in the Investment Sphere of the Region»

Author: **U. Tekenov**, *Assistant Professor at Ryskulov Kazakh Energy University, Ph.D. of Economy*

The strategic goal of the state investment policy is creation of the economic, normative and legal conditions to form and efficiently use the investment resources, capable to ensure the real sustainable and increasing tempos of the economic growth, progressive structural transformations, production modernization and solution of social issues and the problem of the economic security of the country. The article provides analysis of the legislative, doctrinal and resource base for further development of the system of investments state support.

Article «Provision of Self-sufficiency of the Economy»

Author: **A. Nurumov**, *Assistant Professor, Ph.D. of Economy*

Development of the regional cooperation is of prime significance for our country. Along with it the Republic should strengthen its relationship with the leading countries of the world. In this article the author makes an effort to analyze the European vector of the foreign policy of Kazakhstan.

Article: «Changing of Paradigm of Social Sphere Development in the Framework of Sustainable Development Concept»

Author: **N. Iskakov**, *Ph.D. of Economy*

Recently, there appeared a point of view in the economic theory that developing countries, especially those with different critical economic and social problems, need to integrate the strategy of sustainable development (SD) principles. The author thinks that it is very important to avoid making a traditional mistake by equating the SD progress with an improvement of external factors. На взгляд автора, оценивая прогресс УР, важно не допустить традиционную ошибку, отождествляя с ним улучшение внешних факторов. The author states that the criteria for the SD progress, are based not only environmental, social and economic indicators (the environmental conditions, morbidity, mortality, etc.), but also and more importantly, the institutional indicators, which create the instruments and opportunities for improvement of the environment and eliminating the causes of the problems.

Article: «Forming of Rating Methodology of Regions in Kazakhstan concerning Small Business Development»

Author: **S. Turzhanov**, *Director of Medium- and Small- Size Business Department of Almaty Municipality*

There are certain achievements in the sphere of small-size business in Almaty, due to the State's course of the national business support. Nevertheless the development of the small-size business in Kazakhstan differs depending on the region. Every region has its own capacity (industrial, financial, resource, labor-force, etc.), which determines the development of different spheres of small businesses. With such disproportion in small businesses development, the author suggests that the regions should develop clear operational information to maintain control, monitoring and development forecasts. The author also analyses the methods and approaches to realization of this idea.

Article «Assessment of a Country Risk in Foreign Studies»

Author: **A. Karina**, *Post-Graduate Student of Kazakhstan Development Institute*

In modern conditions assessment a country risk is the theoretical base for decision-making in politics and economy. To overcome the ambiguity, with which investors often encounter abroad, the risk analysis is conducted to determine 'the probability of the situation when a sovereign state or independent creditors in a certain country will not have a chance or a desire to fulfill their obligations in relation to foreign creditors and/or investors'. The author analyses the method of multi-level assessment, provides an adequate analysis of the existing situation in the investment sphere and makes predictions of high probability about the future development, identifying the available trends.

Article «About the Theory and Methodology of the Elite Assessment in Political Theory»

Author: **B. Masatova**, *Post-Graduate Student of «Strategy» Analytical Center*

The existence of a certain group of people to administrate the society and the functional necessity of their activity, have been demonstrated since the ancient times. With the course of time the meaning of the notion «elite» has become clear. The goal of this article is to analyze the theoretical and methodological aspects of elite study in the political theory and the status of these problems coverage in Russian and national theory.

Article «About the Impact of a Political Leader's Self-Assessment on his Policy: Studies and Theory»

Author: **A. Tastenov**, *Researcher at the Social and Political Studies Department of KazISS under the President of RK*

The personality of a political leader is a complex multidimensional system of different interrelated structural elements. Every element has a different degree of direct or indirect impact on his behavior. This is why different studies of political leadership pay much attention to the personal characteristics of politicians and analyze their early specialization. The author analyses the different approaches in studies of the self-assessment problem for the personality of a political leader, which have been formed in the political theory.

Article «The Role of Social Communication in the Public Opinion Formation»

Author: **K. Bekturganov**, *Professor of Sociology Chair at Balasagyn KSU*

Forming the public opinion through mass media is an established and specific social and psychological process. The author's analysis of the roles of social communication and assessment of its growing influence on forming the public opinion, have some definite theoretical and practical value.

Article «Personality as an Object and Subject of Sociological Knowledge»

Author: **G. Abdikerova**, Assistant Professor of Sociology Chair at Al-Faarabi KNU, Ph.D.

A personality as an object of a sociological study, can not be regarded outside its specific historical analysis of reality, without its relationship with the real history of the society, if we do not want to get a wrong idea of the social reality. Accordingly, one of the priority tasks of the social politics today is to create proper conditions for the spiritual revival and development of the whole nation and an individual personality. The author thinks that because of the loss of the old social institutes, it is necessary to develop new technologies of socialization and proposes a special complex approach of uniting efforts of families, schools, institutes of civil society, mass media, etc., which will allow to realize the capacity of the Kazakhstan society.

**ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ,
ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ**

Рукописи статей должны быть отпечатаны на принтере в двух экземплярах, кегль 14, шрифт «Таймс» одинарный интервал, поля 2 см со всех сторон, заверены личной подписью автора (авторов). Объем рукописи не должен превышать 14 страниц. К рукописи должна прилагаться дискета с текстом статьи и графическими материалами в формате Windows 95-97 (Word, Excel).

Список используемых источников указывается на языке оригинала в конце статьи в следующем виде.

Номер по порядку. Автор (ФИО), название работы (статьи), название источника (книги, журнала), месяц и/или год издания.

Ссылка в тексте по порядковому номеру в списке источников указывается в квадратных [...] скобках.

Графики, диаграммы и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графического материала.

В сопроводительном письме должны содержаться следующие сведения об авторе (авторах):

фамилия, имя, отчество; место работы и должность; служебный и домашний адреса; номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются, не рецензируются и не восстанавливаются.

Ответственность за содержание статей несет автор (авторы).

Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.

**Журнал Казахстан-Спектр
№3, 2003**

Абдикерова Г.О. – доцент кафедры социологии КазНУ им. аль-Фараби, кандидат социологических наук

Абиесова Н.Ш. – аспирантка кафедры истории международных отношений АГУ им. Абая

Алимова С.Б. – доцент кафедры политологии и социологии КарГУ им. Е.А.Букетова, кандидат философских наук

Байзакова К.И. – зав. кафедрой международных отношений и внешней политики РК КазНУ им. аль-Фараби, доцент, кандидат исторических наук

Бектурганов К. – профессор кафедры социологии КНУ им. Ж.Баласагына

Зайниева Л.Ю. – главный специалист ВАК, кандидат исторических наук

Искаков Н.А. – кандидат экономических наук

Искакова Г.К. – доцент кафедры основ права и методики правового образования Семипалатинского Государственного университета им. Шакарима, кандидат исторических наук

Карина А.Т. – аспирантка Института Развития Казахстана

Масатова Б.Б. – соискатель Аналитического центра «Стратегия»

Нугманова К.Ж. – заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин АГУ, доцент, кандидат философских наук

Нурумов А.А. – доцент, кандидат экономических наук

Саханова А.Н. – доцент кафедры «Государственное регулирование экономики» КазЭУ им. Т.Рыскулова, кандидат экономических наук

Тастенов А.Ж. – научный сотрудник отдела социально-политических исследований КИСИ при Президенте РК

Текенов У.А. – доцент кафедры «Таможенное дело» КазЭУ им. Т.Рыскулова, кандидат экономических наук

Тукумов Е.В. – заведующий отделом внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК

Туржанов С.А. – директор Департамента малого и среднего бизнеса акимата г. Алматы

Шадиев Р.Н. – экономист